

Литературно-художественный журнал
Харьковского отделения Союза писателей России

Том 2
2010

ХАРЬКОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель - Романовский А.Г

Главный редактор - Мачулин Л.И.
Отдел прозы - Глебова И.Н.
Отдел поэзии - Мирошниченко А.М.

Редакция не ведёт полемику на страницах издания.
Переписка с читателями - по усмотрению редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес для писем: а/я 9127, Харьков, 61057, Украина.
Тел./факс (057) 705-27-56
e-mail: editor01@list.ru

Александр РОМАНОВСКИЙ

Размышления о победе

Вся жизнь человеческой цивилизации на протяжении тысячелетий по своей сути – это борьба Добра и Зла.

Жизнь первых людей, Адама и Евы, несмотря на старания Божьи, наполнилась грехом, борьба с которым и приобрела определяющее значение для жизни и смерти последующих поколений людей. Каждый из нас хорошо знает, как непросто в суете сует заставить себя делать не то, что хочется, а то, что надо!

Как непросто бороться с собственными недостатками, с ленью, завистью, жадностью, а тем более гордыней, и как непросто научиться жить не для себя, а для людей! И как трудно подавлять свои страсти, чтобы гармония твоей души не нарушала гармонии окружающего мира, - и не мешать спокойно жить окружающим тебя людям и природе!

Хорошо, когда у человека на генетическом уровне его предками заложена прочная нравственная основа, и общество не только создает каждому возможному проявлению зла свой адекватный духовный противовес Добра, а еще и подкрепляет моральным авторитетом власти и сводом законов и правил. Если же не хватает ценностного запаса прочности у отдельной человеческой личности, и этот недостаток поражает умы и сердца многих, тогда общество заболевает, и в нем прорастают страшные ростки тотальной идеологии Зла.

Человечество на протяжении всей своей истории познало много разновидностей этого Зла в самых разных формах фанатического мракобесия. И самая страшная из них – это, несомненно, фашизм. Зародившись намного раньше в известных исторических концепциях расового превосходства, эгоцентризма и насилия, он сумел выйти на поверхность человеческого бытия в 20-е годы XIX века, потом в 30-е получил бурный рост, внедрился в человеческое сознание миллионов людей, превратив многие народы в толпу, и буквально разорвал мирную жизнь на планете самой страшной войной за всю историю человечества, унесшей более 50 миллионов человеческих жизней. Более кровавой, более жестокой, более масштабной трагедии человечество до сих пор не знало.

Вторая мировая война (1939 – 1945 гг.) длилась 6 лет, в ней участвовали 61 страна с населением, насчитывающим 1 млрд. 700 млн. человек, т.е. 80 % всего населения планеты. Не участвовали в войне, т.е. были нейтральными, только 6 стран...

История Второй мировой войны и, конечно же, Великой Отечественной войны, несет в себе колоссальное количество уроков, ставит перед человечеством и перед каждым из нас множество вопросов, ответы на которые будут искать люди не одной эпохи.

Известно, что наше будущее всегда рождается в нашем прошлом, которое пронизывает нас насквозь острыми стрелами слов, мыслей и дел и нашими ощущениями души и тела, что и есть наше настоящее.

Тяжело оценить прошлое и его величие, если это прошлое отделено всего лишь несколькими десятилетиями.

«Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии...». Это гениальное высказывание С. Есенина, наиболее точно относится не столько к расстоянию, сколько ко времени. И чтобы наши дети и внуки смогли воссоздать объективно то, что не смогли сделать мы, наша святая обязанность постараться передать все то, что мы успели услышать из живых уст наших отцов и дедов, все те бесценные слова правды о той страшной войне, которые, кроме нас, уже никто не услышит!

И мы все, писатели и поэты, которые издают наш журнал, всегда будем стараться из номера в номер находить место на страницах нашего журнала для важнейшего дела – воссоздания этой правды, напоминания о том подвиге и обо всем, что предшествовало этому подвигу.

Именно правде о войне, нашей памяти, нашей благодарности, о которых особенно хочется и говорить, и писать накануне празднования 65-летия Великой победы, и посвящен второй номер нашего журнала.

Сколько бы лет не прошло с того далекого уже 45-го, величие подвига советского народа, сломавшего в отчаянной борьбе хребет фашизму, становится все более значимым. Особенно сегодня, когда даже в нашем поколении победителей появились желающие провести ревизию итогов. И потому, может быть, не совсем круглая дата – 65 лет Победы, приобрела символический смысл. Мы, потомки советских солдат, не хотим повторения ужасов Второй мировой, и потому, сколько бы не появлялось новых гипотез причин и хода войны, в памяти народа День Победы не стереть никогда!

О том, какими были те дни 8 и 9 мая 1945 года, уже очень много написано, причем в разных жанрах, оттенках, вариациях, с позиций разных возрастов, героев, географии... И все равно, если наш автор, Инна Мельницкая, сумела очень тонко описать события тех дней так, что берет за душу, значит, оно должно было найти свой путь к читателю. Как нашла его героиня Инны Мельницкой, рассказав устами героини, встретившей в Харькове сообщение о Победе «В ночь на 9 мая».

Вся литературная подборка второго номера «Славянина» рассказывает нам об этом – о ПЕРЕЖИВАНИИ войны, об устремленности к победе, о вкладе в достижение ее всех – от мала до велика, от маршала (Борис Силаев «Оружие победы»). Главы из третьей книги) до пятилетней девочки (Василий Омельченко

«Цветок разрывной пули»).

К сожалению, Борису Силаеву не удалось завершить свою трилогию. В книге, которую он планировал назвать «Маршал Жуков и его победоносный жезл», на втором плане лицо неодушевленное – танк Т-34. Тот самый танк, без которого победа нам досталась бы намного сложнее. Тот самый танк, благодаря которому Римма Катаева именует Харьков городом-героем и в котором провели несколько дней в тылу врага оставшиеся в живых члены экипажа в рассказе Виктора Мануйлова «Выжить и победить».

Очень хочется обратить внимание читателя на тетрадь с документальными материалами. Они написаны не по заказу – по велению души. Той самой славянской души, которой не хочется покоя, которой неймется, когда что-то вокруг идет не так. Василий Омельченко, видевший войну не на телеэкране, не может молчать, ведь до сих пор неслышно было голосов тех, кому сегодня около 70-ти лет. Это они – дети войны, голодали, попадали под бомбежки, вместе со взрослыми, а порой и без них, страдали в оккупации. Они – не враги народа, просто в 1941–1945 годах они были несовершеннолетние! Большая заслуга автора в том, что он нашел в себе душевные силы выслушать тех, кому болит до сих пор, собрать и обработать свидетельства очевидцев тех страшных дней. О том же – о детях войны, но уже в другом ракурсе, зарисовка Ирины Глебовой «Письмо в будущее». Страдали ведь не только наши, советские дети, но и польские, чешские, немецкие...

Вообще, тема детства красной нитью пронизывает всю тетрадь документалистики. Мы поместили в номере главу «Заложники своего родства» из еще неопубликованной книги Александра Дудко «Война в судьбах людских». В ней описаны судьбы уже взрослых детей – сыновей и дочерей бывших советских «вождей», которых отцы не уберегли от войны, хотя и могли бы это сделать, используя свое высокое положение.

Российской журналистике харьковский исследователь Александр Фёдорович Дудко известен по публикациям, направленным против фальсификации, извращения событий Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Ценность его работ заключается в том, что это голос свидетеля и участника боев с немецко-фашистскими захватчиками. Он участвовал в боях с первого дня войны в составе курсантских добровольных формирований и закончил её лётчиком-бомбардировщиком на 117 боевом вылете над Берлином в мае 1945 года. А. П. Коваленко, председатель Комитета славянского союза журналистов, член Военно-научного общества, полковник, профессор, академик истории, главный редактор издательства «Ветеран Отчизны», высоко оценил творческое наследие нашего коллеги. «Тому, что написал Александр Фёдорович, – говорит профессиональный историк, – нельзя не верить – истинную правду о войне он вынес из самого пекла войны».

В тетрадь документалистики мы включили и зарисовки доцента Харьковского национального университета «ХПИ» о ветеранах этого старейшего

в стране ВУЗа. В этом году Харьковский политех отмечает очередной юбилей – 125 лет со дня основания. Мы гордимся тем, что в нашем городе есть такое замечательное учебное заведение, которое на протяжении уже более 100 лет готовит кадры для российского – советского - украинского государств и не только. Специалисты с дипломом ХНУ «ХПИ» котируются во всех странах мира. Значительная заслуга в том его преподавателей – ветеранов Великой Отечественной войны. Помещая в канун 65-летия Победы материалы о некоторых из них, мы поздравляем всех участников боевых действий – где бы они ни жили и кем бы ни работали до выхода на пенсию.

Поэзия, представленная во втором номере журнала настолько отборная, настолько точно и ёмко передает эмоции и чувства авторов, что о ней невозможно рассказать языком прозы. Её надо просто прочесть. Можно – уединившись, не спеша, читая и размышляя. Можно – перед аудиторией, громко и пафосно произнося строки о войне. Не важно, как внимать языку поэта, поскольку его слово, как живительная влага, просочится сквозь любое наложение повседневности и оживит и мысль, и чувство и даст силу каждому, кто захочет поэта услышать.

И дай нам Бог прочитать и увидеть, принять и запомнить все то, что наши авторы написали на страницах этого журнала. Как знать, может быть, это и будет самым важным для авторов и читателей в их и наших жизнях, прошлых и настоящих!

Помимо Укрпочты, подписку журнала на 2010 год можно оформить в редакции. Кроме того, мы высылаем отдельные номера. Стоимость одного экземпляра с доставкой почтой по Украине - 30 грн.

**Заявки принимаются в письменном виде:
Редакция журнала «Славянин», а/я 9127, г.
Харьков-57, Украина, 61057.
Заявки по электронной почте: editor01@list.ru**

Пишите, всегда рады!

Римма КАТАЕВА

МОЙ ХАРЬКОВ

Да, город мой не значитя в Героях
Войны, перевернувшей белый свет.
Но я ловлю, ловлю себя на споре,
Что жжёт и жжёт меня так много лет.

Ведь здесь,
В кипучке будничной завода,
В году уже тревожной тишины
Встал Гений. Встало мужество народа.
И – Танк
на случай будущей войны.

Какие судьбы разрешались в мире,
Какой хребет был обречен на слом,
Когда родные Т-34
Пошли на фронт
уже большим числом!

Немало горя, горечи изведав,
Свой подвиг совершил и город мой:
Он дал стране оружие Победы,
И хочется сказать о нём –
Герой!

Виктор МАНУЙЛОВ

ВЫЖИТЬ И ПОБЕДИТЬ

Отдельный танковый батальон майора Вологжина ещё в начале мая был придан пехотной дивизии, которая занимала оборону примерно в десяти километрах от фронта.

Командир дивизии полковник Каплунов, низкорослый, плотный, наголо обритый, с щегольской щёткой усов над полными губами, как только Вологжин представился и доложил о прибытии батальона, нетерпеливо передернул тугими плечами, ткнул пальцем в карту, разложенную на столе, и приказал, глядя снизу вверх на рослого Вологжина маленькими чёрными угольками глаз:

– Танки повзводно рассредоточить по пехотным батальонам. Вашим коробочкам отводится роль огневых точек. Распорядитесь, майор, чтобы ваши люди каждую ночь на отведённых им участках зарывали и маскировали по одному взводу танков. Зарываться в землю так, чтобы ни снизу, ни сверху вас не было видно. И чтобы днём ни-ка-ко-го дви-же-ния! – произнес комдив по слогам и при этом погрозил пальцем.

– Вам всё ясно?

– Так точно, товарищ полковник! – вытянулся Вологжин, прижав руки к бёдрам.

– Вопросы есть?

– Никак нет.

– Тогда идите и выполняйте. Через неделю проверю.

– Есть! – откликнулся Вологжин, повернулся кругом и вышел из командирской землянки.

Собственно говоря, ему ничего не было ясно, кроме одного: зарываться в землю. А зачем зарываться в десяти километрах от фронта – это забота начальства. Может, просто учения такие – мало ли их было! – может, ожидается крупное наступление немцев, о чем уже судачит «солдатское радио»; может, ничего не ожидается, а так, на всякий случай. Да и танки в его батальоне в основном старой конструкции, а тридцатьчетвёрок всего один взвод, и пока стояли в тылу, Вологжин тренировал на них все экипажи, в надежде, что придут новые машины.

Но новые машины так и не пришли.

Впрочем, воевать можно и на старых... если с умом. Тем более что у его «бэтэшек» пушки калибра семидесяти шести миллиметров. Правда, с короткими стволами, следовательно, с низкой начальной скоростью снаряда.

Однако гусеницу порвать могут вполне, хоть у того же «тигра», а потом пару снарядов в моторную часть – и «Гитлер капут!». У немцев старья тоже сколько угодно, и они при атаке держат это старье во второй линии, а впереди идут «тигры», которых даже тридцатьчетвёрки не берут в лоб из своих длинноствольных орудий. Разве что подкалиберным. Короче говоря, что есть, тем и надо воевать. Но как он будет

командовать своим батальоном, если его танки придётся раскидывать друг от друга иногда на расстояние в километр и более? Не получится ли так, что он вообще останется не у дел? Однако задавать подобный вопрос командиру дивизии не имело смысла. Тем более что ему сказали, срочно вычленив батальон из состава бригады, стоящей в резерве, что батальон поступает в распоряжение командира пехотной дивизии.

А хозяин, как известно, барин.

И Вологжин занялся устройством своего батальона в соответствии с планом, который ему был предоставлен в штабе дивизии.

Майские ночи не больно-то длинные, и чем дальше, тем короче, но Вологжин приказал натягивать маскировочные сети и рыть капониры для танков под их прикрытием даже и в светлое время суток. На оборудование взводных позиций он собирал танкистов почти со всего батальона, посылал землекопами писарей и ремонтников, то есть всех более-менее свободных людей, и за ночь они успевали-таки зарыть несколько танков в землю по самые башни, сверху накрыть навесами из брёвен, на брёвна уложить свежий дёрн и посадить кусты, чтобы ни щёлочки видно не было, ни свежей земли. И когда весь батальон был зарыт, Вологжин приказал произвести пристрелку по ориентирам – но так, чтобы не попасть под фотокамеру «костылей», которые кружили в небе, надоедливо зудя, что слепень или овод.

Оборона строилась «гнездами» по фронту и в глубину: два-три танка, батарея противотанковых орудий, несколько минометов, пара дотов с круговым обстрелом, окопы для пехоты в две-три линии, многочисленные ходы сообщения – и всё это с навесами, с тщательной маскировкой. А днём всё замирало, и не дай бог кому-то взбрѣдет в голову вылезти из укрытия – выговор от начальства не оберѣшься. Похоже, действительно готовились к чему-то очень серьёзному. Это было заметно ещё и потому, что наезжало иногда по пяти генералов и более, и все в солдатских плащ-накидках с капюшонами и в пилотках, хотя, как ни маскируй, видно издалека.

Побывали проверяющие и на позициях, занимаемых одним из взводов танкового батальона майора Вологжина. Кто такие, не представились, но, видать, шишки большие, если командир дивизии, низкорослый и широкий, тянулся перед ними стрункою, как иной комвзвода не тянется перед тем же командиром дивизии. Один из генералов, высокий и мордастый, в расстегнутом плаще, чтобы видны были его регалии, обратился к Вологжину со своими въедливыми вопросами:

– Как вы, командир, собираетесь командовать своим батальоном?

– Никак, товарищ генерал! – отчеканил Вологжин. – Я подчиняюсь командиру дивизии, в боевой обстановке – командиру полка, командиры танковых рот и взводов – комбатам и командирам стрелковых рот, на позициях которых стоят их танки. И так все экипажи батальона. В резерве у меня взвод из четырёх танков, – это на тот случай, если противник прорвѣт наши позиции в каком-нибудь месте. У нас приказ, товарищ генерал: драться до последнего снаряда там, где стоим! – закончил Вологжин, глядя в спокойные серые глаза генерала своими тоже серыми, но дерзкими глазами.

– А если поступит приказ собрать батальон вместе и контратаковать прорвавшегося противника?

– Такой вариант, насколько мне известно, не предусмотрен, товарищ генерал. Но на крайний случай – посредством радиосвязи. – И пояснил, видя вопрошающий

взгляд генерала: — Почти на всех танках есть рации, товарищ генерал: недавно поставили. Остаётся лишь назначить пункты сбора в зависимости от обстановки. Но бой, к которому мы готовимся, вряд ли позволит это сделать.

— Что ж, задачу свою знаете, — скупно похвалил генерал. И, кивнув на ордена Вологжина, спросил: — Где успели повоевать?

— Начинал на Юго-Западном фронте, товарищ генерал. Потом на Западном. Сюда, на Воронежский, попал после госпиталя.

— Что ж, желаю успеха, майор, — произнес генерал и пожал Вологжину руку.

— Кто такой? — спросил Вологжин, прихватив рукав командира дивизионной разведки, когда генералы один за другим потянулись с наблюдательного пункта командира пехотного полка.

— Начгенштаба Василевский, — ответил разведчик шёпотом и пошевелил нетерпеливо плечами.

— А второй? — не отпустил рукава Вологжин.

— Комфронта Ватутин.

После этого Вологжин окончательно уверовал, что войска готовятся к большим боям. Миновал май, подходил к концу июнь, а на фронте никаких перемен. Правда, и в мае, и в июне раза по два объявляли боевую готовность номер один, но то ли разведка ошибалась, предполагая близкое немецкое наступление, то ли немцы откладывали наступление, а только всё заканчивалось тем, что постреляют немецкие пушки, налетит их авиация, побомбит, но трудно понять, по видимым целям стреляют и бомбят или наобум Лазаря. Потом пролетят наши самолеты в сторону фронта, там, слышно, погромыхает — вот и вся война.

Даже тошно становится от такой войны. Ладно бы на чужой территории сидели, а то на своей, и столько земли под немцем, столько людей. И чего ждать, спрашивается? Не хотят немцы наступать, значит, дрейфят после Сталинграда, значит, надо наступать самим. Но и на других фронтах, если верить радио и газетам, тоже идут бои местного значения, как и здесь, на Воронежском...

Однако командованию сверху, как говорится, виднее, что и когда делать, и майору Вологжину остаётся только ждать приказа.

* * *

Сталин повернулся к Жукову и, поведя трубкой по карте, заговорил своим глуховатым, а на этот раз, как показалось Жукову, ещё и сварливым голосом:

— Вот вы, товарищ Жуков, уверяете, что немцы непременно должны наступать на так называемом Курском выступе. Июнь заканчивается, а наступления всё нет и нет. А не может так случиться, что они этим летом вообще откажутся от решительных действий на советско-германском фронте, сосредоточив свои усилия на Западе?

Жуков ожидал подобного вопроса. Он и сам не раз задавал его себе, недоумевая, почему немцы, сосредоточив против армий Воронежского, Центрального и Брянского фронтов такие силы, не используют эти силы по назначению. Агентурная разведка уже дважды докладывала о возможности наступления то в конце мая, то в начале июня. По последним данным, наступление перенесено на конец июня. Но почему? Ни пленные, даже весьма осведомлённые, ни партизаны, ни агентурная разведка ответа на этот вопрос не дают. Повторяется ситуация сорок первого года. С той лишь разницей, что все знают о возможности и неизбежности немецкого наступления,

все к нему готовы и продолжают готовиться, неожиданности не будет в любом случае, а наступления нет и нет. Что это – очередная уловка? Но с какой целью?

– Я думаю, товарищ Сталин, – заговорил Жуков в своей обычной манере, чётко разделяя слова, – что немецкое наступление неизбежно. Они слишком долго к нему готовились, стянули к Курскому выступу огромные силы, они не могут не наступать. Вопрос заключается в том, когда наступление начнётся. Я думаю... Я уверен, – поправился он, – что теперь очень скоро. Потому что держать в напряжении такие силы – себе же во вред. Правда, они заставляют и нас понервничать, но я думаю, что мы выиграем эту войну нервов.

– Не забывайте, что под пятой оккупантов остались миллионы советских людей. А они тратят не только свои нервы, но и жизни.

– Мы это понимаем, товарищ Сталин. Но если немцы не начнут до середины июля, мы, в соответствии с нашими планами, начнем сами. Но тогда за успех придётся заплатить более дорогую цену.

– Что ж, подождём ещё, – произнёс Сталин раздумчиво и пошёл к своему столу. И уже оттуда закончил: – Чего-чего, а ждать мы умеем.

* * *

В эти дни ожидания всех с особенной силой тянуло писать письма. Для этого рядовому составу раз в неделю замполиты раздавали по три линованных листка бумаги, вырванные из блокнотов, химические и простые карандаши из расчета один карандаш на пять человек. Карандаш делили пополам или даже на три части в зависимости от того, какие имелись у кого запасы. Командирам взводов и выше выдавали блокноты: им писать отчеты. Ну и... политинформации, беседы, партийные и комсомольские собрания, и прочее, и прочее – для поднятия духа.

Из дома майору Вологжину писали часто. В основном отец. Иногда приходили письма от старшего брата, воевавшего в Заполярье, от самого младшего – из госпиталя, от сестер. Не было писем лишь от одного из братьев, призванного в августе сорок первого. Ну и, конечно, приходили письма от жены, которую Вологжин отправил к отцу в Череповец за полмесяца до начала войны.

Он тогда получил новое назначение, должен был ехать в Киевский особый военный округ, устраиваться на новом месте, а уж потом, когда устроится, вызывать семью. Но... и устроиться не успел, и семью не вызвал – и слава, как говорится, Богу, потому что после 22 июня не только о семье, но и о себе не всегда помнил. Так жена и осталась вместе с детьми в Череповце.

Четвертого июля пришла почта, и Вологжину вручили письма от отца и от сестры с лиловыми оттисками «Проверено военной цензурой». Вологжин развернул треугольничек из одного тетрадного листика в косую линейку, исписанный на одной стороне мелким и аккуратным отцовым почерком. Отец писал, что все живы-здоровы, кланяются, внуки растут, внук – шалун, а внучка – полная ему противоположность: тихая и ласковая; от Сергея пока никаких известий: не ранен, не убит, не пропал без вести – ровным счетом ничего. Может, воюет где-нибудь, откуда не напишешь. Невестка работает на заводе в ОТК, устаёт, так что не вини её за редкие письма: я пишу всем и за всех.

И сестра Варвара о том же, хотя живет отдельно от родителей: они в Зашекснинском районе, она – в Заягорбском, поскольку город делится на три части

реками Шексна и Ягорба. Череповец, однако, город не шибко большой, но разбросанный, пешком, если постараться, за час обойти можно. А главная Варварина новость – у отца открылось кровохаркание, от работы электросварщиком его отстранили, хотели вообще отправить на пенсию, но он запротестовал – и ему поручили учёт заготовок для строящихся и ремонтируемых судов и прочей мелочи, из-за чего он ужасно переживает.

Прочитав письма, Вологжин вздохнул: и отца жалко, и на сердце холодок оттого, что защищает он невестку, как бы успокаивает его, своего сына, что всё, мол, нормально и не о чем беспокоиться. Может, и нормально, но всё равно обидно: жена все-таки, могла бы писать и почаще.

В день, когда пришла почта, всякие занятия и отлучки из расположения частей были запрещены строго-настрою. Даже переговоры по телефону, не говоря о радио, и те запретили без крайней нужды. И все заметили, что немецкие самолёты-разведчики, не покидавшие небо не только днём, но и ночью, часто сбрасывая осветительные бомбы то в одном месте, то в другом, вдруг исчезли, точно всё высмотрели, что надо, а больше высматривать нечего. Правда, с утра на передовой слышна была стрельба, потом над нашими тылами прошли девятки «юнкерсов», побомбили, но не с пике, а с пролёта, а поскольку наши нигде на их бомбежки не отвечали, то к середине дня на всей линии фронта установилась такая глухая тишина, будто всё повымерло. Значит, решил Вологжин, Оно близко и начнётся со дня на день или даже с часу на час.

И точно: вечером собрали всех командиров от комбата и выше в штабе дивизии, и сам комдив Каплунов, откашлявшись, заговорил звенящим голосом:

– Я думаю, что многие из вас давно догадались, что поставили нас на эти рубежи не зря. А сегодня могу сказать открыто: в ближайшие день-два ожидается большое наступление немцев, к которому они готовились ещё с апреля-мая. Сведения эти окончательные, проверенные и перепроверенные. Но и мы, как вы заметили, тоже не сидели сложа руки. По данным нашей разведки, немцы намерены ударами с севера и юга танковыми и механизированными соединениями подрезать так называемый Курский выступ и окружить войска Центрального и Воронежского фронтов, разгромить их и снова пойти на Москву. Наше командование решило встретить наступление противника глубоко эшелонированной обороной, обескровить танковые дивизии противника, а затем... Ну, что будет затем, этого я не знаю, до этого ещё дожить надо. Зато нам известно, что против нашего, Воронежского то есть, фронта будет действовать Четвёртая немецкая танковая армия и Оперативная группа под названием «Кэмпф», а также части Восьмой полевой армии, входящие в Группу армий «Юг». Наша с вами задача состоит в том, чтобы встретить врага подобающим образом... – Комдив пошевелил карандаш, лежащий на карте, подозрительно оглядел собравшихся в его блиндаже командиров, зябко передёрнул плечами и вдруг, побагровев, произнес высоким голосом, точно они, сидящие перед ним командиры, не поверили тому, о чём он им только что говорил: – Стоять насмерть! Продолжать драться даже в окружении! Да! Отход на новые позиции исключительно по приказу командования! Отход или тем более драп с занимаемых позиций – расстрел на месте! Приказ Верховного командования за номером двести двадцать семь никто не отменял... – Помолчал, насупившись, успокоился и снова своим обычным голосом: – Эту установку довести до каждого офицера, до каждого красноармейца. Это всё,

что я имел вам сказать... Вопросы будут?

Вопросов не было. Да и о чём спрашивать? Не о чем. Всё и так ясно и, как теперь казалось каждому из них, ясно было ещё месяц и более тому назад.

* * *

Майор Вологжин вышел из штабной землянки командира дивизии вместе со своим начальником штаба капитаном Тетеркиным. В закутке, отведённом для курения, они, как и многие другие приглашённые, торопливо выкурили по папиросе перед тем, как отправиться на свои позиции. Курили молча, переваривая сообщение комдива.

Затушив окурок о стену хода сообщения, Вологжин нашёл в темноте руку капитана Тетеркина, сжал её и произнес:

— Пойдем, Виталий, провожу тебя до второй роты.

На выходе из хода сообщения их ожидали четверо автоматчиков из роты прикрытия: ночью командирам строго-настрого было запрещено передвигаться по территории без охраны.

Немецкая разведка шастала по нашим тылам, пытаясь раскрыть оборону, хватала зазевавшихся командиров и красноармейцев, которых потом находили в бурьяне со следами пыток. По ночам там и сям частенько возникали короткие перестрелки, изредка взлетали осветительные ракеты, заливая окрестности мертвенным сиянием.

Сегодня было тихо, так тихо, что хотелось проверить, не оглох ли ты под грузом навалившегося ожидания.

— Хлебов жалко, — произнес капитан Тетеркин, разминая в руке почти созревший колос. И вздохнул. — Сеяли-сеяли — и всё коту под хвост.

— Да, — подтвердил Вологжин, думая о своём. Затем, будто очнувшись, возразил: — Зато они хорошо маскируют позиции.

Вверху вдруг вспыхнул мертвенный свет, и все тут же метнулись в сторону от тропы и упали среди колосьев.

Вологжин перевернулся на спину. Над ними, погасив звезды и задумчивую ущербную Луну, повисшую над лесопосадкой, горела голубоватым светом, медленно опускаясь, немецкая «люстра». Она ещё не погасла, как раздался нарастающий свист — и шагах, может быть, в ста, не больше, разорвалась мина. За ней ещё одна и ещё.

Просвистели и прожужжали осколки, посыпалась сверху поднятая взрывами труха. Люстра, не долетев до земли, угасла, и снова наступила темнота короткой летней ночи, зажглись на небе звёзды, засиял Млечный Путь.

— Меня чего особенно злит, — снова заговорил капитан Тетеркин, — что копали мы тут, копали, готовились-готовились, а немец до нас не доберётся. Силища-то какая впереди нас стоит — просто страсть. Мне ещё столько противотанковой артиллерии у нас видеть не доводилось. Нам бы столько в июне сорок первого...

— Что об этом говорить! Пустой разговор, — оборвал своего начштаба Вологжин, не любивший отвлечённых разговоров. Тем более что в июне сорок первого артиллерии у нас было всякой выше головы, а чего не было, так это умения ею пользоваться в тех условиях. Как, впрочем, и всем остальным. Но что толку ворошить прошлое?

И Вологжин, помедлив, заговорил досадливо: — Дойдут — не дойдут... Даже лучше, если не дойдут. Ещё навоюемся: впереди ещё вон сколько!

* * *

Пятого утром Вологжина разбудила артиллерийская канонада. Он поднял голову с лежанки, прислушался, затем сел, не спеша намотал портянки на ноги и обулся, подпоясался ремнём и, выбравшись наверх, в ход сообщения, где топтался часовой, задрал голову.

Среди ещё не потухших звёзд в сторону немецких позиций неслись огненные стрелы, выпускаемые «катюшами»; по всему горизонту севернее позиций, занимаемых дивизией полковника Каплунова, вспыхивали зарницы, и по скрежещущему, булькающему звуку Вологжин определил, что бьёт тяжёлая артиллерия, бьёт откуда-то издалека.

«Так что, — спросил он у себя, потирая руками помятое после сна лицо, — выходит, что мы наступаем, а не немцы? Не похоже. Контрартподготовка? Скорее всего, что так. Как ни болела, а померла, — вспомнил он мрачную поговорку своего отца. И заключил с облегчением: — Началось».

Часы показывали половину третьего ночи.

* * *

Вновь грохот далёкой артподготовки докатился до слуха Вологжина в шестом часу утра: долбила немецкая артиллерия, долбила настойчиво, всё усиливая и усиливая интенсивность стрельбы, и стрельба эта расплзлась по всему горизонту. За два года войны Вологжин привык различать все оттенки ведения огня немецкой, да и своей, артиллерии — и эта стрельба точно была артподготовкой перед наступлением, а не, скажем, перед заурядной атакой местного значения. Он смотрел на часы, положив на артподготовку не более тридцати минут: немцы редко стреляли дольше. Он представил, как там, среди дыма и огня, оглохшие, наши солдаты вжимаются в землю в узких щелях и блиндажах, а в это время немецкие танки уже выходят на исходные рубежи, стараясь как можно ближе подойти к нашим окопам под прикрытием огня своей артиллерии.

Через несколько минут стала отвечать наша дальнебойная артиллерия, и почти сразу же на большой высоте появились немецкие самолеты, там и сям застучали зенитки, грохот разрывов бомб и стрельбы покатился в тыл, и вот уже всё пространство, покрытое созревающими хлебами, небольшими рощами, оврагами, холмами и крутыми меловыми грядами, извилистыми речушками, заросшими камышом, куда ни глянь, стало затягиваться дымом и пылью.

В семь часов принесли завтрак: пшённую кашу со «вторым фронтом» и чай. Вологжин ел, хотя есть совсем не хотелось, и думал, как это, однако, странно: кто-то сейчас умирает в муках, а другие, как и он сам, едят кашу в ожидании, когда придёт их черёд... Черёд чего? Смерти? Нового ранения? Не столь уж и важно, чего именно, а важно и удивительно, что всё это происходит одновременно: и его отец в это время наверняка тоже завтракает, и жена Вологжина, и дети, и, может быть, сам Сталин, и немецкие генералы, которые послали своих солдат убивать и умирать...

«Что-то сегодня меня с утра тянет на философию, — подумал Вологжин с неудовольствием. — С чего бы вдруг? Из-за письма? Или оттого, что этот вал огня и металла не сегодня, так завтра-послезавтра накроет и меня самого, и моих танкистов».

* * *

Немецкие танки появились значительно раньше, чем их ожидали – вечером того же дня. Преодолев десятикилометровую эшелонированную оборону, они приблизились к позициям дивизии полковника Каплунова. С КП командира полка в стереотрубу было видно, как по пшеничному полю катят и катят, оставляя за собой длинные полосы, бронированные машины, и не видно им ни конца, ни краю. Впереди ползут «тигры», за ними танки поменьше, дальше самоходки, бронетранспортёры с пехотой, машины с пушками и зенитками. Остановить эти полчища, казалось, было невозможно. Они надвигались неумолимо, кивая длинными стволами с набалдашниками, посверкивая отполированными траками. Низкое вечернее солнце светило им в бок, и рядом с танками ползли по земле длинные уродливые тени.

Затем стало видно, как идущие впереди танки подрываются на минах. Один подорвался, другой, третий. Колонны встали там, где их застали подрывы, затем попятились назад. Через несколько минут появилась немецкая авиация, начала мелкими бомбами расчищать проходы в минных полях. Заговорила наша дальнобойная артиллерия. Тяжёлые снаряды вздыбливали гигантские чёрные кусты разрывов, но немецкие танки стояли далеко друг от друга, и лишь иногда чёрные кусты подбрасывали вверх башню и куски ещё чего-то, что секунду назад было танком, самоходкой или бронетранспортёром. Потом к нашим пушкам подключились «катюши» – и через несколько минут всё пространство затянуло дымом и бурой пылью.

– А ведь они, сволочи, в этой пыли могут через наши позиции проскочить, – нервно хохотнул подполковник Лысогоров. – Как мыслишь, майор, проскочат или нет?

– Если и проскочит какая-то часть, то встретим на второй линии, – ответил Вологжин несколько резковато, будто комполка не знал, что у него есть и вторая линия, и третья. – Впрочем, видимость не такая уж и плохая: метров двести, пожалуй, – добавил Вологжин, сглаживая впечатление от своей резкости. – А если ветер поднимется...

Несколько взрывов взметнули вверх землю чуть правее КП, и подполковник приказал телефонисту связаться с «Калиной». Телефонист, прикрывая трубку рукой, забубнил:

– Калина! Калина! Оглохли вы там, что ли? – И уже подполковнику: – Есть связь с Калиной!

Подполковник схватил трубку, послушал, что ответила ему Калина, похвалил:

– Молодцы! Подпускайте поближе! Что-о? Сапёры? Не давайте саперам разминировать! Что значит, не видно? Вы наверху, вам должно быть видно! Лупите из пулеметов, в душу их фашистскую мать! У вас там снайпера имеются! Спят они, что ли?

Бросил трубку, пожаловался:

– Сколько воюем, а некоторые всё никак не привыкнут думать собственными мозгами, всё им подсажи да укажи. У них немецкие сапёры под носом мины снимают, а они не знают, что делать: у них, видишь ли, приказ без команды сверху огня не открывать, вот они и не открывают. А сверху что видно? Ни черта сверху не видно! Вояки, едри их за ногу...

Вологжин тоже нервничал и переживал за своих танкистов, хотя и старался

казаться спокойным. Танковая рация, стоящая перед ним, молчала, а это значит, что его люди не испытывают нужды в его советах и приказах. Да и что он может посоветовать или приказать, видя лишь часть боя, разгорающегося на огромном пространстве?

Ничего он не может. Только ждать своего часа и надеяться, что его танкисты не подведут. Как и все прочие, кто сейчас сходитесь грудь с грудью с наступающим врагом.

И вдруг рация ожила:

– Восемнадцатый! Я Тридцать шестой! Приём!

– Тридцать шестой, я Восемнадцатый! Приём!

– Немецкие танки и пехота ворвались на наши позиции! Веду бой в окружении...

– Тридцать шестой! Тридцать шестой! Ответь Восемнадцатому! Тридцать шестой!

Но Тридцать шестой уже не отвечал.

– Что там, майор? – заволновался комполка.

– Похоже, Тридцать шестой узел обороны подавлен противником, – ответил Вологжин, глядя на карту. – Надо бы накрыть их нашей артиллерией.

– Вот сволочи! – воскликнул комполка. – И мои тоже не отвечают: нет связи.

В углу связисты на разные голоса вызывали батальоны, полковую артиллерию. Ветер слегка отнес дым и пыль, стало видно всхолмленное поле, горящие там и сям немецкие танки, но горело не так уж много, если иметь в виду минные поля, заградительный огонь тяжелой артиллерии и «катюш», частую стрельбу миномётов и противотанковых пушек.

Минное поле перед позициями полка тяжёлые немецкие танки, идущие впереди, уже почти миновали. Видно было, как «тигры» останавливаются на какое-то время, стреляют и движутся дальше. Звонкие выстрелы их пушек, как и выстрелы противотанковых орудий, пулемётная и автоматная стрельба медленно, но неумолимо накатывались на позиции первого батальона. Но танки полегче отстали, бронетранспортёры тоже, выбывало из строя их всё больше и больше, и, судя по всему, на них артиллеристы и сосредоточили весь свой огонь, рассчитывая, что «тигров» и «пантер» возьмут на себя другие.

«А ведь они всё-таки прорвутся, сволочи», – думал Вологжин, поворачивая стереотрубу из стороны в сторону. И уточнил: – Если им ночь не помешает».

И тут налетели немецкие пикировщики. Они развернулись в карусель и, кидаясь вниз друг за другом, стали перепихивать бомбами первую линию обороны дивизии. Их было много – штук, может быть, пятьдесят. Сверху их прикрывали истребители.

– Где «соколы»? – кричал в трубку подполковник Лысогоров. – Фрицы по головам ходят, а их черти где-то носят!

Немецкие летчики, точно услышав подполковника, перенесли атаку на вторую и третью линию. Несколько бомб упало вблизи КП подполковника Лысогорова.

Отбомбившись, немцы улетели. За ними погнались наши истребители. Над полем боя появились штурмовики «Ил-2», но немецкие танки они не остановили, хотя им и удалось зажечь некоторые из них.

– Майор! Вологжин! – отвлек Вологжина от наблюдения за полем боя подполковник Лысогоров. – Смотри! – и показал рукой направо. – Они прорвались через первую и вторую линию! Через пятнадцать-двадцать минут выйдут на наши тылы.

Вологжин глянул в указанном направлении. Действительно, с десятков танков и бронетранспортеров каким-то образом проскочили и минные поля между двумя узлами обороны первой и второй линии, и простреливаемое перекрёстным огнём пространство, и теперь по полевой дороге катили вдоль оврага к третьей линии, где стояли резервные танки Вологжина, миномётные и гаубичные батареи, где располагался медсанбат и склады боеприпасов. По этим танкам било всего лишь одно орудие из третьей линии, точно все остальные были уничтожены пронесшейся над оборонительными порядками дивизии полковника Каплунова бомбежкой.

– Ну, я пошёл, – сказал Вологжин и, прихватив планшетку и танкистский шлем, выбрался из блиндажа.

* * *

Торча по пояс из люка тридцатьчетвёрки, Вологжин коротко скомандовал механику-водителю:

– Вперёд!

Тяжёлая машина дернулась и выбралась из-под навеса. Почти одновременно с ней ещё три машины, расположенные в линию.

– Атакуем с ходу прорвавшиеся танки и бронетранспортёры противника! – монотонно передал Вологжин по радиации. – Разворачиваемся фронтом. Сближаемся на самое короткое расстояние. По танкам – бронебойным, по бронетранспортёрам – фугасным! Полный вперёд!

Тридцатьчетвёрки были новехонькими, с увеличенной башней, где помещались наводчик, заряжающий и командир танка, с орудием в восемьдесят пять миллиметров, с утолщённой бронёй. Теперь командиру танка – взвода, роты или батальона – не нужно было отвлекаться на стрельбу, он мог следить за полем боя и командовать не только своим экипажем, но и другими, если того требовала его должность. Таких танков в нашей армии было ещё не так уж много: их начали выпускать лишь в начале 1943 года, и когда батальону Вологжина вручали всего лишь четыре машины, присутствовал сам командующий бронетанковыми войсками фронта и представитель завода-изготовителя.

Представитель, человек весьма пожилой, с усталым отёчным лицом, в толстых очках, в командирской форме с погонами полковника, но на военного никак не похожий, отозвал Вологжина в сторону и попросил умоляющим голосом:

– Вы, товарищ майор, пожалуйста, очень вас прошу, постарайтесь в боевой обстановке выяснить все слабые и сильные стороны этого танка и, если вас это не затруднит, напишите на завод о своих впечатлениях. Вот вам адрес и моя фамилия, – и представитель протянул Вологжину блокнот в кожаной обложке с пистончиками, из которых торчали карандаши.

– Но ведь цензура... – начал было Вологжин, но представитель перебил его, замахав руками:

– А вы через особый отдел дивизии. Они предупреждены. Так и дойдёт вернее и... Короче говоря, очень вас прошу. Для нас, сами понимаете, ваш отзыв чрезвычайно важен. Главное, попробовать его против «тигров» и «пантер».

Этот разговор, как и получение новых танков, случился чуть более двух месяцев назад. На новые танки Вологжин посадил лучшие экипажи, гонял их по пересеченной местности, учил стрелять и с остановки, и с ходу, и днём, и ночью, и против солнца,

и против ветра. Танки вели себя хорошо, экипажи действовали слаженно, единственного трофейного «тигра» превратили в решето, стреляя с различных расстояний.

Но это на учениях, то есть без противодействия противника. Для большинства же танкистов из его батальона предстоящий бой будет первым настоящим боем, хотя ненастоящих боёв не бывает вообще.

Прорвавшееся танковое подразделение немцев состояло из одного «тигра» и двух «пантер». Вологжин приказал:

– Огонь сосредоточить по головным машинам! Целиться под обрез башни! Расстояние – триста метров!

Танк Вологжина нёсся на полной скорости. В смотровую щель было видно, как разворачиваются им навстречу «тигр», «пантеры» и несколько штук Т-IV. Расстояние до них было ещё метров восемьсот, и оно стремительно сокращалось.

Вологжина мотало вместе с машиной, однако он, вцепившись в стальные скобы, прижавшись лбом к резиновому обрамлению дальномера, не отрывал глаз от головной машины противника.

Вологжин хрипло выкрикнул:

– Механик, держи курс на головного! Наводчик! Прицел под основание ствола! – И поймал в перекрестие дальномера башню «тигра», ожидая выстрела. И тут «тигр» вдруг сел на правую сторону, попав то ли в замаскированный ход сообщения гусеницей, то ли в яму-ловушку, а из его недр выплеснуло пламя.

Вологжин, так и не поняв, кто же поразил фрица, оглядел поле боя, увидел, что танки его целы, а одна из «пантер» дымит, опустив орудийный ствол, приказал держать курс на вторую «пантеру». Орудие дернулось и откатилось назад, выбросив гильзу.

Они ли попали в неё, или кто-то другой, или все сразу: дистанция была менее трехсот метров, но фриц польхнул огнем и дымом. Дальше всё слилось в один длинный и непрекращающийся стон и грохот. Машину мотало из стороны в сторону, она то вертелась на одном месте, то срывалась и неслась куда-то на полном ходу, то замирала на несколько мгновений, и тогда рядом в железном чреве орудия взрывался пороховой заряд, выбрасывая тяжёлый снаряд.

Неширокая лощина, пролегшая между двумя грядами с довольно крутыми склонами, на которых были оборудованы узлы обороны третьей линии и по которой немцы пытались прорваться в наши тылы, представляла собой нечто похожее на выставку разбитой немецкой техники. Тут были и танки, и бронетранспортёры, и тягачи на полугусеничном ходу с противотанковыми пушками на прицеле, и даже две самоходки, которые Вологжин проглядел, и мотоциклы, и трупы, трупы, трупы. Среди этого железа стояла наша тридцатьчетвёрка за номером 208, и возле неё возился экипаж, натягивая перебитую гусеницу. Ещё две тридцатьчетвёрки остановились неподалёку от танка Вологжина, и командиры этих танков тоже оглядывали поле только что отгремевшего боя.

Вологжин вспомнил, что командир подбитого танка старший сержант Арапников доложил ему о перебитой гусенице, потом что-то оседающих фрицах, но Вологжин был слишком занят движением, стрельбой, чтобы искать в этой кутерьме подбитый танк. Он помогал экипажу, попавшему в беду, тем, что бил всё, что попадалось ему на пути, уверенный, что кто-то из своих же прикроет раненый танк. Как потом оказалось, не одни они вели бой, но и артиллеристы узлов обороны. И даже пехота.

Хотя в голове у Вологжина продолжало гудеть, но всё-таки он уловил, что бой затихает по всей линии обороны, что немцам не удалось прорваться через порядки дивизии полковника Каплунова, и приказал экипажам возвращаться на исходные позиции.

* * *

Всю короткую летнюю ночь немцы обстреливали позиции дивизии Каплунова из орудий и миномётов, их пехота то в одном месте, то в другом пыталась просочиться в её тылы; некоторые «тигры», вырвавшиеся вперёд, горбились чёрными глыбами среди минных полей, по ним с разных сторон били наши орудия, «тигры» огрызались; немецкие сапёры ползали по минным полям, обезвреживая наши мины, готовя проходы для танков.

Майор Вологжин дважды пытался уснуть, привалясь к бревенчатой стене блиндажа, и оба раза просыпался от близких разрывов мин и снарядов.

– Лютует фриц, мать его... – ругался рядом Лысогоров. – Пытается взять на измор. Давай, майор, попьём чайку. Хрен тут поспишь при такой немецкой музыке.

Они сидели и пили чай из эмалированных кружек с отбитой там и сям эмалью.

– Мои разведчики только что вернулись из поиска, – говорил между глотками чая Лысогоров. – Приволокли «языка», эсэсовца, ефрейтора, а по-ихнему какой-то там хрен-его-знает-фюрер. Говорит, что с утра немцы опять попрут вперёд. Там у них целый танковый корпус СС перед нашими позициями толчётся. Так что завтрашний денёк пострашнее нынешнего будет.

Едва допили чай, как ожили телефоны восстановленной связи. Пришло сообщение, что в первой линии остались лишь редкие очаги обороны, противотанковые узлы либо уничтожены, либо заняты противником; на второй линии практически уничтожена артиллерия и оба танка, прикрывающие проход между двумя узлами обороны.

– Это на правом фланге, – ткнул в карту Лысогоров. – Там, где вчера прорвались немцы. Я думаю послать туда взвод пэтээрщиков, пару орудий из резерва, ну и... хотя бы один из ваших танков... было бы весьма к стати.

– Я распоряжусь, – сказал Вологжин и добавил: – И вообще, судя по всему, мне здесь делать больше нечего. Если понадобится, я в своей машине. Связь по рации... Буду действовать по обстановке.

Туман сгустился, хотя и укрывал землю тонкой плёнкой, так что казалось, будто невысокие холмы, купы деревьев и кустов, развалины какого-то дома висят в воздухе и даже движутся куда-то, но еле-еле, как бы крадучись, точно хотят незаметно уйти от того, что ожидает их с восходом солнца.

Вологжин глянул на часы: три часа десять минут. И почти тотчас же вершины холмов с их меловыми выступами вспыхнули ярким солнечным светом, а вдали, там, где были немцы, замерцали сполохи выстрелов артиллерийских орудий. И Вологжин поспешил вниз по крутому скату холма, а сзади его уже догонял слитный и тяжёлый гул первых разрывов немецких снарядов.

Артподготовка ещё не закончилась, когда в воздухе появились «юнкерсы» и начали утопить минные поля, которые за ночь успели восстановить наши сапёры и на которых уже подорвалось несколько немецких танков. Другие самолёты бомбили узлы обороны, сосредоточенные в основном на скатах холмов и возвышенностей. Затем

пошли танки.

Отрывистые выстрелы наших противотанковых пушек слились с выстрелами немецких танков и самоходок, издали заговорила наша же дальнобойная артиллерия, «катюши» в течение нескольких минут выплёскивали в небо дымные струи огня, в небе гудели наши и немецкие самолёты, окрестности затягивало дымом и бурой пылью – и весь этот грохот, то усиливаясь, то на некоторое время ослабевая, топтался на одном месте, протягивая свои пыльные лапы в ближайшие наши и немецкие тылы.

Через два часа ожесточённого боя немецкие танки прорвали вторую линию обороны полка Лысогорова как раз в том месте, где вчера четыре танка Вологжина вели свой первый и вполне успешный бой. Возникла угроза, что они могут прорвать и третью линию.

– Товарищ майор! – окликнул Вологжина, снова наблюдавшего за полем боя с вершины холма, старший сержант Семенков. – Вас вызывает Семнадцатый.

Вологжин и сам уже успел оценить прорыв немецких танков и мотопехоты через порядки второй линии, поэтому, сбегая с холма, крикнул сержанту:

– По машинам! Командиров танков ко мне! – и, достигнув своего танка, взял из рук радиста шлемофон и прижал к уху.

– Восемнадцатый слушает.

– Майор! Фрицы опять прорвались там же, где и вчера. Нужна твоя помощь, – услышал Вологжин голос подполковника Лысогорова.

– Понял. Выступаю.

И посмотрел на командиров своих танков, стоящих рядом.

– Идём с интервалом в тридцать метров вдоль оврага. После рощи выходим на скат вон той высоты и там становимся в засаду. Как только немцы подойдут на триста-четыреста метров, расстреливать в первую очередь «тигры» и «пантеры». Далее по обстоятельствам. В случае моей гибели командование взводом берёт на себя старший сержант Семенков. По машинам.

Это место на склоне гряды, образованной когда-то движением ледника, Вологжин присмотрел давно. Здесь дожди и ветра прорыли неглубокую щель, в которую танк помещался по самую башню. Правда, было одно неудобство: если танк поднять повыше, ему приходилось стоять в наклонённом положении, что сужало сектор обстрела, но если немного расчистить площадку от камней, подровнять её, то лучшего места для засады не найти. И Вологжин велел ещё недели две назад такие площадки подготовить. Однако подготовили лишь одну: подготовить больше помешали другие заботы. Вологжин сам въезжал на своём танке на эту площадку и примеривался, как отсюда, с высоты метров примерно в тридцать, вести огонь вниз, по дороге, если на ней окажутся танки противника. Выяснилось, что надо немного опустить нос, тогда будет в самый раз: сверху даже «тигра» можно раздолбать любым снарядом. А им снизу ничего не светит, потому что с дороги видны лишь ствол орудия и часть башни – он сам проверял.

Сейчас готовить площадки для других танков не было времени, и он приказал старшим сержантам Арапникову и Семенкову оставаться внизу, в промоинах же, укрыться от авиации маскировочными сетями и действовать из-под них короткими наскоками: выскочил, пару выстрелов, откатил назад, сменил позицию, снова вперёд – и так до полной победы.

* * *

Немцы встали, едва первый «тигр» нарвался на мину. И сразу же по замершим танкам с двух сторон открыли огонь наши противотанковые орудия и миномёты. Вновь заговорила дивизионная артиллерия, расположенная километрах в трёх-четырёх от линии фронта. Немецкие танки открыли огонь по высотам, танки полетче пошли в атаку на позиции полка подполковника Лысогорова, за ними бронетранспортёры с пехотой. Загромыхла немецкая артиллерия. Появились бомбардировщики.

Вновь всё затянуло пылью и дымом. Вологжину вести огонь по танкам противника было не с руки: расстояние больше километра, попасть, конечно, можно, но лучше побережь снаряды для ближнего боя. В ожидании, когда авиация проложит путь через минные поля, немецкие танки стали маневрировать, то подвигаясь вперёд, то назад, лишь бы не стоять на месте. Даже «тигры» — и те вынуждены были шевелиться, чтобы не стать неподвижной мишенью, потому что, хотя снаряды советских шестидесятидвухмиллиметровых противотанковых орудий в лоб их стамиллиметровую броню не брали, однако корму, менее защищенную, вполне могли разворотить.

Но вот немецкая авиация мелкими бомбами проутюжила узкую полосу в минном поле, танки двинулись вперёд, и через несколько минут головные «тигры» вошли в зону, наиболее удобную для стрельбы с той позиции, которую занимал танк Вологжина. До ближайших целей было не более четырёхсот метров, до дальних семьсот-восемьсот. Но все немецкие танки вынуждены втягиваться в узкую горловину, пробитую в минном поле авиацией, а это лишало их манёвра.

— Спокойно, Андрюша, — говорил Вологжин своему наводчику, двадцатидвухлетнему парню из Ижевска. — Он только по названию «тигр», а на самом деле шакал, да и только.

Орудие дёрнулось, отскочило назад. Взрыв порохового заряда в метре от головы, это... это и сравнить не с чем.

Особенно первый выстрел. Затем наступает некоторое привыкание: ты будто бы глхнешь, в голове стон и гул, да и во всём теле не лучше, но деваться из этой тесной коробки все равно некуда, так что терпи и делай свое дело.

После выстрела на какое-то мгновение Вологжин не только оглох, но и ослеп. Вернее, глаза его сами собой закрылись, веки плотно сжались, и тело сжалось, но длилось это недолго. Он открыл глаза и увидел, что «тигр» горит.

— Молодец, Соболев! — похвалил он наводчика. — Теперь давай второго.

Второй в это время медленно объезжал своего горящего собрата. И объезжал не с той, а с этой стороны, явно не представляя, откуда пришла смерть головному танку. За ним тянулись остальные, нюхая воздух длинными стволами своих орудий.

— Дай ему продвинуться ещё метров тридцать-сорок, — говорил Вологжин, следя из командирской башенки за полем боя. — Это ничего, что их много, — продолжал он, чувствуя необоримое желание говорить и говорить, точно в этом заключалось их спасение. — Чем их больше, тем легче выбирать. Тем им труднее ориентироваться. Как говорится, у семи нянек дитя без глазу... А вот теперь влепи ему под башню...

И опять ударило по голове и по всему телу взрывом порохового заряда, оглушив и ослепив на мгновение, и Вологжин подумал об увеличенном калибре орудия, и уже не впервой: всего-то на девять миллиметров больше, а выстрел чуть ли ни вдвое сильнее.

И второй «тигр» выдохнул из себя густое облако дыма, вспыхнул и тут же

подпрыгнул на месте от взрыва боекомплекта, и круглая башня его, похожая на бочку, взлетела вверх, перевернулась, упала стволом вниз, несколько мгновений стояла на стволе как бы в раздумье, затем рухнула, взметнув бурую пыль.

– Молодец, Соболев! – прохрипел Вологжин и закашлялся, задохнувшись пороховыми газами. – Не спеши. Они нас всё ещё не обнаружили. И у них, судя по всему, приказ: идти вперёд и не останавливаться ни при каких обстоятельствах. Пусть идут. Возьми-ка на прицел вон ту «пантеру», что идёт почти впритык следом за «тигром». Да нет, не эту, а правее! Видать, боится, пытается прикрыться своим полосатым собратом, – нервно хохотнул Вологжин и даже сам подивился этому своему хохоту. «С чего бы это вдруг?» – подумал он, следя за стволом орудия, медленно ползущим вслед за выбранной жертвой. – Мы, чего доброго, сегодня можем рекорд поставить, – продолжал он говорить, внешне спокойно и даже насмешливо, а внутри у него все звенело от напряжения, каждая жилочка, каждый нерв. И не от страха, нет. Какой тут страх! А оттого, что ему в модифицированной тридцатьчетвёрке отведена роль наблюдателя. Когда сам ведёшь огонь, совсем другое дело. Тогда всё внимание сосредоточено на цели, а тут... – Я слышал, – звучал в наушниках членов экипажа его внешне спокойный и даже насмешливый голос, – ...слыхал, что на Ленинградском фронте одна тридцатьчетвёрка из засады расстреляла восемь «тигров». Ещё в сентябре сорок первого. Говорили, что в одном из них сидела какая-то крупная немецкая шишка. А у нас уже два. «Пантеру» вполне можно приравнять к «тигру». Так что давай, Андрюша. «Звёздочку» ты уже заработал. Жми на «Красное Знамя»!

Выстрел, откат, жалобный звон опорожнённой гильзы, захлебывающийся вой вентилятора...

На этот раз Вологжин выдержал выстрел, не закрыв глаза: ко всему привыкаешь – и увидел, как дёрнулась «пантера», будто живое существо, а затем рванула, захлебнувшись огнём и дымом. Но он заметил и другое: стволы многих танков стали поворачиваться и задирались в их сторону. Он даже разглядел чёрные дыры этих стволов. Засекли, сволочи!

– Теперь давай «тигра»! – скомандовал он.

Но немцы опередили: вокруг рвануло сразу несколько снарядов, затем ещё и ещё. Но ни один не задел танк, а лишь камни посыпались сверху, поднятые взрывами, и на минуту всё заволочло дымом и белой известковой пылью.

– Вот сволочи, Гитлера их мать! – выругался Вологжин. И подумал: «Эдак они нас ослепят, и нам останется только хлопать глазами. Хоть бы ветер подул...»

И он переключился на внешнюю связь:

– Двухсотые! Я – Восемнадцатый. Как там у вас?

– Нормально, Восемнадцатый.

– Нас засекли, пыль, дым, ни черта не видно. Но вы не спешите. Пусть подойдут поближе. И заранее распределите цели, чтобы не палить в упор по одному и тому же танку.

– Уже распределили, Восемнадцатый.

– Всё. До связи.

Дым всё-таки отнесло, пыль тоже. Немцы больше не стреляли. Они выжимали из своих танков всё, что могли, и рёвом их моторов заглушило все звуки.

– Андрюша, как видимость?

– Нормальная, товарищ майор.

– Давай по головному.

– Есть по головному.

Выстрел, откат, звон упавшей вниз гильзы...

– Четвёртый, – произнес Соболев, не дождавшийся, чтобы командир как-то откликнулся на этот выстрел.

– Хорошо, – не сразу произнес Вологжин своим обычным спокойным голосом; у него вдруг пропало желание говорить.

– Давай пятого – и будет по одному на брата! – послышался голос механика-водителя сержанта Прутникова.

И тут рвануло.

Острая боль охватила всё тело Вологжина, и он провалился в бездну.

* * *

Вологжин очнулся и вновь почувствовал острую боль во всём теле. Но так не бывает, чтобы во всём: это он знал из опыта прошлых ранений. И он стал мысленно ощупывать своё тело. Болела левая нога, но не остро, а ноющей болью. Ныла левая же рука и весь бок. Скорее всего, контузия. Ещё выше... И тут он понял, что вся боль сосредоточена в глазах. Именно их жгло и резало нестерпимо. Он пошевелил левой рукой – шевелится. Правой – то же самое. Тогда он поднял руку и дотронулся до своего лица: лицо было мокрое и липкое от крови. «Это ничего, – подумал он. – С лица воду не пить». Но чем выше поднималась рука, тем сильнее его охватывала паника, и он уже понимал: с глазами что-то неладное. Они не открывались. Более того, он боялся их открыть. А пальцы сами собой поднимались вверх, ощупывали подбородок, губы, нос: в крови, но всё вроде бы на месте. И наконец глаза. Едва он прикоснулся к ним, как боль усилилась настолько, что он не выдержал и застонал.

– Товарищ майор, – донеслось до его слуха. – Товарищ командир, вы живы?

– Кажется, жив, – прохрипел Вологжин. И спросил, не узнав голоса: – Прутников? Ты, что ли?

– Никак нет, товарищ майор. Я – Сотников, стрелок. А Прутникова убило. И Ластикова, заряжающего, тоже. И Андрюху Соболева... Я думал, и вас тоже, а вы, оказывается, живы. Я так рад, товарищ майор.

И Вологжин услышал, что Сотников плачет.

– Ты что, Сотников! Как не стыдно! И с чего ты взял, что все погибли? Может, без сознания, – говорил Вологжин, с трудом шевеля израненными губами и неповоротливым языком. – Ты лучше скажи, что сейчас вокруг делается, а то я ничего не вижу... С глазами у меня что-то...

– Так мне отсюда ничего не видно, товарищ майор. Я знаю только, что нас завалило взрывом. А больше я ничего не знаю.

И снизу опять послышался приглушенный вскрик. «Мальчишка, однако», – подумал Вологжин, пытаясь вспомнить, как зовут стрелка. Не вспоминалось. К тому же мешала боль. И тогда, преодолев себя, он дотронулся до правого глаза одним пальцем, и почувствовал, что палец будто проваливается в дыру, хотя он, его палец, остановился на какой-то границе, которую раньше не перешагивал и о существовании которой помнил, потому что дальше было глазное яблоко, а теперь его не было, и век тоже не было, а было что-то липкое. Стиснув зубы, Вологжин точно таким же образом

исследовал и второй глаз — на месте второго глаза тоже была дыра.

«Довоевался», — подумал он, но подумал так, будто речь шла не о нём, а о ком-то другом. Потому что представить себя слепым, с провалившимися глазницами, не мог. Кого угодно, но только не себя.

— Что будем делать, товарищ майор? — донесся до его слуха голос Сотникова, отвлекая Вологжина от ещё не вполне осознанной утраты. — У нас даже нижний люк не открывается.

— А что нам делать, Сотников? Ждать, вот что нам остаётся делать. Ты вот что, парень... Сам-то как? Ранен?

— Никак нет, товарищ майор. Контузило маленько. В голове шум и спина болит.

— Ничего, пройдёт. Бой кончится, наши придут, вытащат нас отсюда. Ты вот что, Артём... Тебя Артёмом зовут? Так?

— Никак нет, товарищ майор. Артёмом заряжающего зовут, Ластикова. А меня Тимофеем.

— Ты вот что, Тимоша. Ты ещё раз хорошенько проверь ребят, может, кто и жив. Ты на шее трогай, под подбородком. Там жила проходит.

Внизу завозились, послышался звон отстрелянных гильз. Потом опять вскрип.

— Мёртвый он, товарищ майор, — послышался снизу плачущий голос. — Холодный уже.

— Как холодный? — удивился Вологжин. — Сколько же мы тут?..

— Вечер уже, товарищ майор. Уже всё тихо, не стреляют. Побили наших, товарищ майор. Всех побили.

— Ну, ты это брось, парень! Ишь выдумал: побили. Всех побить не могли. Не те времена. Отступили наши. Потому что сила у фрицев страшная. Но далеко они не пройдут. У нас тоже сила будь здоров какая. Сам же видел, как мы их щёлкали. А сзади нас другие наши войска стоят, они не пропустят.

Вологжин замолчал и прислушался: бой шёл, но где-то далеко, его звуки доносились глухо, как сквозь подушку. Может, со слухом у него тоже, а не только глаза... Но он заставил себя не думать о своих глазах — и даже боль от этого стала тише.

— Давай лезь сюда, наверх, Тимоша, — позвал Вологжин. — Проверь остальных.

Снова зазвенели гильзы, затем возле ног послышалось кряхтение и шумное дыхание живого человека.

— Ластиков тоже мёртвый, товарищ майор, — произнес Сотников, на этот раз без всхлипа.

— Стащи его вниз, — приказал Вологжин.

Внизу запыхтело, послышалось бряцание чего-то, затем всё стихло.

— Ну, ты чего там застрял? — спросил Вологжин.

— У него пальцев на руке нету, товарищ майор, — опять всхлипнул Сотников.

— Мёртвому пальцы не нужны, — оборвал всхлипывания Вологжин. — Держись, солдат. Ещё неизвестно, сколько нам тут торчать придётся. Тащи давай вниз Соболева. Если мёртвый.

— Мёртвый, товарищ майор. У него череп весь... прямо ужас один...

— Лезь сюда и не мямли! Не девочка чай. Сожми себя в кулак и держись! Ясно?

— Так точно, товарищ майор. А только жалко ребят... страсть как жалко.

— Что тут поделаешь, Тимоша. Радуйся, что жив остался и не ранен. Теперь нам

выжить надо.

Тимофей уселся на место наводчика и шумно, с привсхлипом, выдохнул воздух.

– Ты меня видишь? – спросил Вологжин, повернув голову в сторону наводчика.

– Вижу, товарищ майор.

– И что?

– Лицо у вас... в крови.

– А глаза?

– Тоже... кровь одна... и что-то на ниточке висит... вроде как глаз, товарищ майор.

– Отрежь. Возьми пакет и перевяжи.

– Сейчас, товарищ майор, я только руки вытру.

– Не спеши. Нам теперь спешить некуда... А что видно вокруг?

– Немцы, товарищ майор, – перешёл на шёпот Сотников.

– Что, близко?

– Нет, там, на дороге. Танки свои растаскивают. Мертвяков собирают.

– Ещё что видишь?

– Больше ничего. Вечер уже, товарищ майор. Видно плохо. И дым. Они потом дымовую завесу пустили и попёрли. Наши, Арапников и Семенов, долго стреляли, а потом стихли. Не знаю, ушли или остались.

– А ты посмотри: их же видно было.

– Я смотрел: нету.

– А рядом фрицев нет?

– Не видно, товарищ майор.

– Ладно. Перевязывай.

Вологжин запрокинул лицо, сидел, сжав зубы до ломоты в скулах. Он слышал, как Сотников, сдерживая дыхание, осторожно прикасается к его лицу, как он что-то отлепил от него, затем лица коснулась прохладная сталь армейского ножа. Потом мокрые тампоны обтёрли лицо, и на него стали ложиться шершавые, до дрожи во всем теле, сухие полосы бинта.

Сотников долго и неумело обматывал его голову, сопя от напряжения.

– Уши-то не закрывай! Ещё могут пригодиться. Если я не вижу, то хотя бы тебя могу слышать... Вот так вот, во-от. Молодец, – подбадривал Сотникова Вологжин. – Вот кончится война, Тимоша, приедешь ко мне в Череповец, в гости, станем вспоминать, как воевали вместе, выпьем по чарке... Да-а... Жизнь станет хорошей... после войны-то. Совсем другой станет. Вот увидишь... Пойдем с тобой на рыбалку... У нас рыбы – страсть как много. Всякой. Две реки рядом: Шексна и Ягорба. И Волга не шибко далеко от нас. Да-а. И на уду, и сетью... Уху сообразим... Будь здоров, какая уха у нас с тобой получится...

Где-то рядом зарокотал пулемёт, наш, Дегтярёва. Бухнули одна за другой две гранаты, бабахнули винтовочные выстрелы, зачечекал немецкий автомат. Потом совсем рядом затопало, послышались голоса, сперва не разберёшь из-за стрельбы, чьи, и Сотников вдруг вскрикнул, но Вологжин вцепился в его руку, зашипел, угадав в невнятных голосах не русский, а чужой выговор.

Шаги и выстрелы накатили, стали подниматься вверх, ещё раз зашёлся длинной очередью «дегтярь», сильно рвануло, похоже на связку гранат, и всё стихло. И долго сидели Вологжин и Сотников, прислушиваясь к этой тишине.

– Корректировщики, – прошептал Сотников.

– Похоже, что так, – согласился Вологжин. – Как стемнеет, попробуем выбраться, – произнёс он после длительной паузы.

Но тут залязгало совсем рядом, у подошвы гряды, там, где недавно таились два его танка. Раздались лающие команды, рокот моторов, удары кирок и ломов по каменистой почве.

– Что там? – спросил Вологжин, хотя мог бы и не спрашивать: такие звуки говорили о том, что немцы готовят позиции для своих орудий, и выбираться из танка – попасть им в лапы.

– Немцы, товарищ майор. Пушки устанавливают. А по дороге танки идут. Много танков, товарищ майор.

– Ты вот что, Сотников. Давай поменяемся с тобой местами. С моего места лучше видно. Будешь смотреть, докладывать, что и как.

А у самого в голове: «Зачем мне это? Что с этим делать? Ерунда». И в то же время что-то толкало его делать нечто привычное.

С трудом владея своим непослушным и ставшим неожиданно громоздким телом, Вологжин, с помощью Сотникова, перебрался на место наводчика. Умопившись, ощупал казенник орудия: оно стояло на боевом взводе, то есть снаряд был в стволе, спусковой механизм – только нажми, и грянет выстрел. Открыв затвор, он вытащил снаряд и положил его в желоб откатника. Работа вроде не такая уж тяжелая, а он задыхался и чувствовал временами, что вот-вот потеряет сознание.

* * *

Утро разгоралось медленно, но Вологжин, мучаясь болью и лишь изредка проваливаясь в сон, не видел занимающейся зари. Зато он чувствовал сладковатый запах начавших разлагаться трупов. Было ясно: им здесь сидеть, и ждать, и терпеть, потому что другого не дано.

А дано ему, скорее всего, заражение крови, столбняк или ещё что-нибудь в этом роде. Так не лучше ли застрелиться и отпустить Сотникова на все четыре стороны? Вернее, приказать ему уйти, как только стемнеет, чтобы добрался до наших.

– Товарищ майор, – снова послышался голос Сотникова.

– Что тебе?

– Немцы... Немцы наших по дороге гонят. Пленных...

– Много?

– Человек двадцать.

– Что ж тут поделаешь, брат: война.

– А как же мы?

– Ты вот что. День как-нибудь переживём, а едва стемнеет, выбирайся из танка и иди к нашим. Скажешь, что так, мол, и так, что немцы устанавливают пушки... ну и... что по дороге ещё увидишь.

– Как же я вас брошу, товарищ майор? Мы это... лучше по радиации передадим...

– По радиации, – усмехнулся Вологжин. – Радиация-то, небось, вдребезги. Хотя... чем черт не шутит... Посмотри, что там с радиацией.

И какая-то надежда вспыхнула в нём и зазвенела тоненькой, туго натянутой жилкой. Он сидел и слушал, как Сотников возился внизу, чем-то брякал осторожно, и эти звуки возвращали его к жизни. Он подумал, что Сотников вряд ли сумеет пройти незамеченным через плотные порядки противника, а здесь, в танке, они могут

дождаться наших, а там... а застрелиться он успеет всегда, зато помочь этому несмышлёнышу выкарабкаться – его святая обязанность и как командира, и как человека..

– Рацию смотрел?

– Да: провод питания перебит.

– Так замени. У Прутникова в бардачке всё есть.

– Я знаю.

– А знаешь, так давай действуй. И посмотри: там фляжки с водой должны быть, сухпай. Водка должна быть. Тащи все наверх. А ещё магнит.

– А магнит-то зачем?

– Осколки из глаз вытащить: мозжит ужасно.

Послышались лающие команды. Залязгали оружейные затворы. «Фойер!» – и ударило орудие.

«Пожалуй, калибром сто сорок, – подумал Вологжин. – Ведут пристрелку. Потом начнут крыть беглым. Значит, наши близко, недалеко отошли».

– Вот, – послышался рядом голос Сотникова. – Принёс.

– А связь? Связь восстановил?

– Ещё нет, товарищ майор. Главное, аккумуляторы исправны. А рация... пока ещё не знаю.

– Поторопись, Тимоша. Хорошо бы своим товарищам помочь. Корректировщики, видать, погибли или ушли. Теперь наша очередь.

Рация оказалась целой. Из этого Вологжин сделал вывод, что слева от танка рванула бомба большого калибра. А может, и не бомба, а снаряд из самоходки. И все, кто находился слева, погибли от осколков, вырванных из танковой брони ударной волной или большими осколками, погибли, прикрыв своими телами остальных. А заряжающий спас рацию. Вот только глаза самого Володжина не были прикрыты ничем и никем: во время взрыва он смотрел на поле боя через прорези своей командирской башни.

– Дай мне шлемофон, Сотников: мой не работает, – велел Вологжин и, приняв у стрелка шлемофон, попытался натянуть на голову, но Сотников столько намотал на неё бинтов, что и пытаться бесполезно.

Положив шлемофон на колени, Вологжин, стиснув зубы, принялся сматывать окровавленные бинты. Потом, передохнув и сжавшись от предчувствия ещё более сильной боли, поднес к глазам подковообразный магнит. И боль, точно, резанула его по глазам и остановилась на каком-то пороге. Следовательно, за минувшие часы в глазницах кровь запекалась, и магнит не может вытащить осколки. Вологжин отвел магнит от глаз и некоторое время сидел, пережидая, пока боль не утихнет.

Затем велел Сотникову смочить марлевые тампоны водкой и приложил их к глазницам. Боль, но уже другого рода, ударила в голову и помутила сознание. Вологжин терпел, не отнимая рук от лица, скрипел зубами, мычал. И перетерпел: боль стихла, голову обволокло чем-то вроде блаженства, когда ничего не хочется, а лишь бы это состояние длилось вечно. Но через какое-то время возникла другая боль, пульсирующая, и стала нарастать, охватывая всю голову.

По-прежнему методично стреляли немецкие орудия, а со стороны дороги доносился прерывистый гул моторов.

– Всё прут и прут, товарищ майор, – звучал сбоку отчаянный шёпот Сотникова.

– Просто ужас какой-то, как их много.

– Чего много?

– Танков и всяких машин.

– Ничего, сейчас много, через час станет меньше.

Включив рацию, Вологжин пощёлкал переключателем, переходя с одной фиксированной волны на другую, и наконец наткнулся на родной голос, правда, далёкий и елѐ слышный, который просил Ромашку ударить по квадрату 12-40. Влезать в переговоры Ромашки с кем-то ещё не имело смысла. Лучше всего выходить на свою связную рацию при штабе полка подполковника Лысогорова – если он выжил и отошёл со своей позиции на следующую. Есть ещё рация у начальника штаба отдельного танкового батальона капитана Тетеркина. Но начинать надо с Семнадцатого: у него артиллерия, у него связь с дивизией.

Семнадцатый не отвечал долго. Вологжин уж отчаялся до него докричаться. Наконец, после щелчка, прорвался чей-то голос:

– Семнадцатый слушает Восемнадцатого. Приѐм.

– Семнадцатый! Я нахожусь на старой позиции. Выбраться не могу: вокруг фрицы. В пределах видимости от меня несколько немецких батарей ведут огонь. По дороге в квадрате 54-16 всё время движутся танки и тыловые части обеспечения. Готов корректировать огонь артиллерии. Приѐм.

– Восемнадцатый! Номер вашего танка, ваша фамилия, звание и фамилии офицеров вашего штаба, – после некоторой паузы отчеканил далёкий голос.

«Не верят! – изумился Вологжин. – Вот сволочи! Тут каждая минута дорога, а они...» Однако Вологжин справился с нахлынувшей на него злостью и передал требуемые данные. После этого последовала команда:

– Ждите на связи.

Прошло не менее получаса, прежде чем Семнадцатый заговорил вновь:

– Восемнадцатый! Переходите на третью волну! Смените позывные на резервные.

Вологжин пощёлкал переключателем, услышал знакомые позывные на мотив песни из кинофильма «Волга-Волга».

– Енисей! Я – Байкал! Приѐм!

– Даѐм пристрелочный, – послышалось в наушниках, и у Вологжина отлегло от сердца. И даже боль в глазах будто бы утихла.

– Сотников, – позвал он громко, потому что голос заглушило новым залпом немецких батарей. – Наши начинают пристрелку. Корректируй. Имей в виду, что справа от нас левая сторона, слева – правая.

– Есть! – вскрикнул Сотников.

– Не ори и следи за обстановкой. Где лёг снаряд?

– Метрах в трехстах впереди и правее. То есть левее с их стороны метров на пятьсот.

– Енисей! Я Байкал! Недолѐт триста, правее пятьсот.

– Байкал! Вас понял: недолѐт триста, правее пятьсот. Даѐм пристрелочный.

– Смотри, Тимоха! Внимательно смотри! – велел Вологжин Сотникову.

Рвануло у них за спиной метров на двести выше по скату. Вологжин дал новую поправку. На этот раз снаряд ударил между двумя орудиями.

– Есть попадание! – сообщил Вологжин.

И через пару минут там, где стояли немецкие орудия, разверзся ад из множества

разрывов, и вскоре всё затянуло дымом.

– Вот так вот, милый ты мой Тимоха, – с чувством произнёс Вологжин. – А ты говорил: их много. Теперь стало поменьше. Мы ещё с тобой повоюем.

После разгрома немецких батарей и налёта наших штурмовиков на тыловую колонну с горючим и боеприпасами, всё вокруг на какое-то время стихло и затаилось.

– Давай перекусим, – предложил Вологжин. – И дай-ка мне глотнуть из фляги.

Он отпил несколько глотков, почувствовал, как внутри у него разлилось благодатное тепло. Сотников намазывал на ломти хлеба свиную тушёнку, совал их в руки Вологжина, и тот ел, мучительно напрягая слух. Оказывается, слушать, зная, что не можешь увидеть, не так-то просто. А раньше это не вызывало никаких затруднений. И трудно понять, в чём тут дело и как это связано с потерей зрения. А может, у него и со слухом все-таки не всё ладно? И он время от времени переспрашивал у Сотникова:

– Ты ничего не слышишь?

– Нет, товарищ майор. То есть я слышу, что стреляют где-то далеко, а рядом... рядом всё пока тихо.

– Вот то-то и оно, что тихо. А почему? Ты посмотри, Тимоха, что там делается.

– Я смотрю, товарищ майор. Немцы убитых собирают, повозки ездят, пушки валяются, машины горят... Вот... Ага, вот какая-то машина приехала. Вроде как легковая. Мотоциклисты, бронетранспортёр – охрана, значит. Какой-то немецкий командир из машины вылез... может, генерал... всё перед ним тянутся... Вот он опять сел в машину, поехал... повернули в сторону фронта... то есть туда, где наши. А больше ничего не видно.

И вспомнил Вологжин с сожалением, что письмо заводскому представителю так и не отправил, и теперь лежит оно в его полевой сумке. А ведь танки хорошо себя показали. И «тигров» шлёпали, как гнилые орехи, и броня покрепче стала против прежней: сколько снарядов от неё отскочило, иные и приличного калибра. У старой тридцатьчетвёрки башню точно бы снесло, а эта выдержала, только изнутри осколки вырвало. Может, с закалкой что-нибудь не так. А главное, манёвренность не стала хуже. Хотя мотор тот же, что и на старой тридцатьчетвёрке, а вес танка вырос.

Под вечер они ещё раз вызвали огонь нашей артиллерии на колонну немецких танков и машин, направлявшихся к фронту. На этот раз ударили «катюши», и всю лощину между двумя возвышенностями перепахали своими ракетами, так что колонна превратилась в горящие и взрывающиеся кучи металла с разбросанными вокруг телами убитых фрицев.

А через час возле танка остановилось четверо немцев. Один из них залез на башню, заглядывал в смотровые щели, принюхивался, приныкал ухом, стараясь уловить хоть какие-то признаки жизни, потом что-то сказал своим товарищам, и из всего сказанного Вологжин уловил лишь несколько слов: «Фу! Шайзе!» и «Аллес тотен», то есть воняет и все мёртвые. Однако немцы на всякий случай постучали прикладами по броне, один из них крикнул:

– Русс! Ком, ком! Вэк! Бистро! Бистро! Шиссен! – в том смысле, что, мол, русские, мы знаем, что вы там прячетесь, вылезьте, а то будем стрелять.

Постояв и не дождавшись ответа, они сбили прикладами винтовок антенну, затем сунули в ствол орудия гранату и отскочили в сторону. В стволе рвануло, но поскольку затвор был закрыт, вся энергия взрыва вырвалась наружу, не причинив танку никакого

вреда. Потом они сделали несколько выстрелов из автомата в смотровую щель командирской башенки, но большинство пуль ударялось в противоположную стенку её, падали вниз, израсходовав свою энергию. Однако одна нашла путь в самую башню и воткнулась Вологжину в ногу повыше колена, другая выдрала у Сотникова из плеча кусок кожи.

Постреляв, немцы какое-то время топтались возле танка, курили, о чём-то лениво переговаривались. Хотя Вологжин немецкий учил в школе и в танковом училище, в анкете писал, что «владеет немецким со словарём», на самом же деле за годы армейской службы язык забыл почти начисто, вспомнить мог лишь отдельные слова, поэтому из разговоров немцев ничего не понял и пожалел, что так безответственно относился к знаниям.

Немцы покурили и ушли, а Вологжин с Сотниковым занялись извлечением пули из ноги Вологжина и перевязками. А когда совсем стемнело, восстановили антенну, но не ту, которую сбили немцы, а просто выбросили кусок изолированного провода через смотровую щель.

«Надо давать другие координаты цели, – решил Вологжин. – Иначе фрицы вернутся и на этот раз не ограничатся автоматной очередью и гранатой в оружейный ствол. Тем более, что ещё днём Сотников заметил: если раньше немецкие машины сворачивали влево, то теперь ехали прямо к реке, где, похоже, соорудили переправу. Об этом Вологжин и передал Енисею, как и о том, что немцы ищут корректировщиков. Ночью, едва стемнело, на дороге вновь возобновилось довольно оживлённое движение транспортных колонн. На этот раз, вызвав артиллерию, дали ей координаты, на целых два километра смещёнными к северо-востоку, к реке, где немцы, судя по всему, наладили переправу: пусть фрицы думают, что корректировщики сменили позицию. Снова по цели сработали «катюши», но результат их работы отсюда во всех подробностях виден не был – только горящие бензовозы да взрывающиеся боеприпасы. А сколько чего – не разглядишь.

* * *

День проходил, наступала ночь, за ней новый день. Нешадно палило солнце, башня накалялась, воздух в танке, пропитанный миазмами, казалось, превращался в некую жидкость, лишённую даже намека на кислород. И мухи... Они наполнили танк, жужжали, ползали по лицу, лезли в ноздри, в уши, в рот. За бронёй слышалось попискивание трясогузок, охотящихся за мухами, непрерывное густое стрекотание кузнечиков и сверчков: жизнь продолжалась. Вологжина окутывало беспмятство, он стонал, ругался, хрипел. Сотников тряс его за плечо, прикладывал к лицу мокрую тряпку, Вологжин успокаивался и отходил.

Этот мальчишка оказался выносливым и терпеливым. Он не жаловался и, казалось, даже не спал, наблюдая за окрестностями. Более того, он оказался ещё и весьма изобретательным. После того как они попробовали дышать через противогаз и у них из этого ничего не получилось, он отсоединил трубки от фильтра и высунул их кончики в смотровые щели. Дышать стало легче, хотя вонь, устремлявшаяся в те же щели, не ослабевала. Но сильнее, чем вонь и раскаленная на солнце броня танка, угнетало бездействие.

Немцы артиллерию на прежнее место ставить не стали, и неизвестно, оттого ли, что здесь были уничтожены несколько их орудий, или оттого, что их танки ушли так

далеко, что в их поддержке с такого расстояния не было нужды. К тому же и дорога, по которой ещё недавно осуществлялось непрерывное перемещение войск и техники, теперь почти опустела, разве что иногда проедет бронетранспортёр в сопровождении десятка мотоциклистов, санитарная машина или пара танков, возвращающихся в часть после ремонта, так что вызывать огонь артиллерии на столь ничтожные цели не имело смысла. Можно было бы самим пальнуть разок-другой, но Вологжин верил: немцы вот-вот должны побежать назад, и тогда им этой дороги не миновать. Он так и ответил Енисею на его запрос.

Ночью Сотников с осторожностью открывал командирский люк и они по очереди дышали воздухом, при этом свешиваясь вниз, потому что вся вонь, что накопилась внутри танка от разлагающихся трупов и от их собственных испражнений, кидалась вверх, и, стоя в этом потоке зловония, свежего воздуха не дождёшься.

* * *

– Какой сегодня день? – спросил Вологжин привычным шёпотом у своего товарища по несчастью, предварительно потрогав его рукой.

– А? Что? День? – встрепенулся задремавший Сотников. – Не помню, товарищ майор, – шёпотом же ответил он. – По-моему воскресенье.

– Я не об этом тебя спрашиваю. Число какое?

– Не знаю. Думаю, десятое или одиннадцатое.

– Как там у нас с водой?

– Одна фляжка осталась, товарищ майор. Пить хотите? Вы пейте, я не хочу.

– Я тоже не хочу, – соврал Вологжин и облизал сухим языком потрескавшиеся губы. – А сколько сейчас времени?

– Три часа семнадцать минут, – ответил Сотников, взглядевшись в командирские часы, отданные ему Вологжиным. И добавил: – Похоже, дождь собирается. Может, воды удастся раздобыть. Я вот всё думаю-думаю и никак придумать не могу, как это сделать. Люк открывать нельзя, потому как фрицы близко, а не открывать, ничего нам не натечёт.

– А ты попробуй открыть люк механика.

– Пробовал. Но только он так завален землёй и камнями, что я чуть приподнял, а оттуда как посыплется...

– Хорошо бы, если бы дождь пошёл ночью...

– Хорошо бы, товарищ майор. А только... Слышите гром? Слышите? Гроза идёт. А до вечера ещё далеко... Если фрицы попрячутся, я тогда каску выставлю...

– А что они сейчас делают?

– Окопы роют или что – уж и не знаю...

– А ты посмотри повнимательнее. Я сейчас панораму с орудия сниму, дам тебе, ты и смотри. Может, это сапёры, – говорил Вологжин, ощупывая панораму. – Если сапёры, то вооружены только винтовками. У сапёров петлицы чёрные, на рукавах чёрные нашивки с молоточками. Не исключено, что они готовят позиции для противотанковых орудий. Если это так, значит, фрицы выдохлись, драпать собираются и выставляют заслоны. Смотри, Тимоша, внимательнее смотри. Это очень важно. И говори обо всём, что видишь.

– А ничего не видно, товарищ майор. Линзы потрескались. Но я и так вижу, что это сапёры. Винтовки составили в козлы, часовые ходят, а сами раздетые по пояс.

Здоровые, однако, гогочут... Слышите?

– Слышу.

– Офицер среди них ходит, погоняет... – докладывал Сотников. – Брустверы на север выводят, товарищ майор. По бокам окопы, а посередине квадрат.

– Вот-вот, Тимоха! Так оно и есть. Квадрат этот называется двориком, в нём размещают орудие. Значит, немного нам осталось ждать. Значит, наши дали им жару, драпать они, сволочи, собираются... – возбуждённо говорил Вологжин, запрокинув голову, прислушиваясь к доносящимся снизу звукам, разделяя их и анализируя. – Нам бы ещё ствол своего орудия прочистить банником: осколки там от гранаты, земля, песок. Разорвать ствол может при первом же выстреле.

– Я прочищу, товарищ майор. Ночью, когда наши подойдут, стрельба начнётся, никто не увидит...

– Нет, бесполезно всё это. Ты вот что, Тимофей. Ты вытащи снаряд из гильзы. Один всего снаряд. Отсыпь часть пороха. Заткни какой-нибудь тряпкой. Как только начнётся, пальнём этой тряпкой – ствол и очистится.

– Здорово, товарищ майор! Но как же без прицела?

– А так – через ствол прицеливаться будешь. Поймаешь цель и начинаешь её вести, если она движется, скажем, по стволу орудия. Потом снаряд в казенник и выстрел. А если он, сволочь, стоит, так и того легче.

– Я освою, товарищ майор. Вот увидите.

– Да-да, Тимоха. Обязательно освоишь. Мы ещё им покажем. Снарядов у нас полный комплект. Всего четыре штуки израсходовали... Ты гильзу освободи... гильзу-то... Они у нас попомнят... Кровью умоются... кровью...

Над головой будто взорвалась небывалая бомба или снаряд, и осколки от неё посыпались тяжёлыми подпрыгивающими ударами куда-то на запад. И почти сразу же потемнело. Вологжин этого не видел, но он услышал, что привычные звуки стали затихать, а затем исчезли окончательно.

– Что там? – спросил он у Сотникова.

– Фрицы побросали кирки и лопаты и подались в палатки. Там у них палатки, оказывается, стоят. А я сразу-то и не разглядел. Дождь, стал быть, вот-вот начнётся, товарищ майор. Потемнело ужасно. Если что, я каску-то выставлю... Как вы считаете?

– Только с той стороны, где нет никого. Нам нельзя раскрыться никак... Столько терпели, столько ждали... Нет-нет, лучше совсем ничего не надо. Глупая случайность – и хана. Ещё потерпим малость...

– А я, товарищ майор, это... Тут вот жестянка какая-то, так я ее высуну в щель, что накапает, то и в каску. Жестянку-то не заметят, товарищ майор. Куда им...

Вспыхнул голубоватый пульсирующий свет – и новый мощный удар грома расколос, казалось, землю и небо на мелкие кусочки. И тотчас же на броню обрушился ливень, и танк со всех сторон огородила плотная стена дождя.

Сотников приподнял крышку командирского люка, высунулся, огляделся – ничего не было видно ни внизу, где стояли палатки сапёров, ни на дороге. Тогда он откинул крышку и, стоя по плечи под проливным дождем, подставил под его струи сразу две каски.

– Сотников! Ты чего? – забеспокоился Вологжин, почувствовав, как внутрь танка хлещет вода.

– Нет никого, товарищ майор! – крикнул, склонившись над люком Сотников. – И не видно ничего: ни мы их, ни они нас.

* * *

Миновал ещё один день. Енисей их не беспокоил. Немецкие сапёры по-прежнему вгрызались в каменистую землю у подошвы гряды, вдалеке бухали пушки. К концу дня по раскисшей после дождя дороге в обратную сторону, то есть на юг, поползли колонны машин с солдатами, лёгкие танки, орудия. Вологжин вызвал Енисея, коротко доложил обстановку. Енисей велел ждать и больше его не вызывать: он сам вызовет, когда понадобится. Это показалось Вологжину странным. В сердцах он выругался, но не вслух, а про себя: фрицы – вот они, бей их: никто не мешает, а они... они там чёрт знает о чём думают. Но привычка к дисциплине повиновения командам взяла своё. К тому же им там виднее – и в прямом и в переносном смысле слова.

Утром двенадцатого Вологжина разбудил слитный и всё усиливающийся гул далёкого боя. Вскоре там ревело уже без передышки.

Вологжин разбудил Сотникова: ему показалось, что они что-то важное проспали, что день в разгаре, что рядом немцы, что одно дело слышать, но не видеть, а совсем другое... Но проснувшийся тотчас же Сотников сообщил, зевая, что солнце ещё только-только взошло, что вокруг всё спокойно, но там, где ещё вчера ковырялись сапёры, немцы устанавливают противотанковые орудия, дорога пустынна, на небе ни облачка, и день снова обещает быть жарким.

* * *

– Товарищ генерал армии! – негромко окликнул Жукова офицер связи. – Москва на проводе.

– Жуков слушает, – произнес Георгий Константинович.

– Здравствуйте, товарищ Жюков, – зазвучал в трубке знакомый голос Сталина. – Как идут дела на Брянском фронте?

– Наступление началось и идёт пока успешно, товарищ Сталин. Оборона противника прорвана, подвижные соединения устремляются в прорыв. Замечено, что немцы стали снимать части с Центрального фронта и даже с Воронежского.

– Это хорошо. Но как раз в полосе наступления противника на Воронежском фронте дела идут не лучшим образом. Немцы бросили в прорыв несколько танковых и моторизованных дивизий. Отправляйтесь к Ватутину и посмотрите на месте, что можно и нужно сделать, чтобы остановить немцев. По прибытии доложите.

– Будет исполнено, товарищ Сталин.

Жуков положил трубку и в задумчивости посмотрел на карту. Собственно говоря, ничего неожиданного в полосе наступления немцев на Воронежском фронте не происходит. В отчаянной попытке взломать оборону русских командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Манштейн собрал в единый кулак все танковые дивизии и бросил их в бой в районе посёлка Прохоровка, надеясь всё-таки прорвать нашу оборону и выйти на оперативный простор. Ему навстречу была брошена Пятая гвардейская танковая армия генерала Ротмистрова. Всего час назад звонил Василевский, находящийся на командном пункте Воронежского фронта в качестве представителя Ставки, и сообщил, что наши танки ввязались во встречное сражение с немецкими танками. Идет бой. Командование фронтом подтягивает к месту сражения артиллерию Резерва Главного командования РККА и дополнительные войска, задействована вся авиация.

– Что ж, поедем к Ватутину, – произнёс Жуков, пожал руку командующему

Брянским фронтом генерал-лейтенанту Попову, заглянул ему в глаза, как бы спрашивая: «Тебе всё ясно, Маркиан Михайлович?», – и вышел из штаба.

* * *

С наступлением темноты на дороге движение танков и машин значительно усилилось: одни двигались в ту сторону, где шли бои, другие назад.

– Ох сколько их, товарищ майор, – шептал Сотников и возбуждённо теребил рукав гимнастерки Воложина. – Передать надо, чтобы наши накрыли их артиллерией.

Воложин помнил приказ не выходить самому на связь, и теперь не знал, что ему делать. Действительно, накрыть колонны немецкой техники огнём артиллерии и «катюш» представлялось настолько необходимым, что можно нарушить и приказ. И он решился. Натянув на голову шлемофон, стал вызывать Енисей. Тот откликнулся тут же, будто только и ждал вызова Байкала.

– По дороге наблюдаю усиленное движение колонн танков и мотопехоты в сторону фронта и машин в обе стороны! – сообщил Воложин. – Координаты те же. Жду указаний. Приём.

Енисей не отвечал долго. Воложин представил, как его сообщение идёт по инстанциям, доходит до самого верха, то есть до командующего фронтом, и тот...

– Байкал! Ответьте Енисею! – снова ожила наконец рация, но уже другим голосом.

– Байкал слушает.

– Даём пристрелочный.

– Тимоха, смотри в оба, – велел Воложин, по установившейся привычке трогая Сотникова рукой.

– Смотрю, товарищ майор. Смотрю!

Тяжёлый снаряд разорвался далеко: видимо, били по старым координатам, имея в виду переправу через речушку.

– Справа... то есть слева пятьсот, – не слишком уверенно сообщил Сотников. – Или шестьсот. Плохо видно, товарищ майор, – пожаловался он.

Воложин передал.

Новый снаряд разорвался слева от дороги почти в расположении противотанковых орудий.

– Четыреста справа, – дал поправку Сотников, и Воложин повторил её в микрофон.

Третий снаряд разорвался рядом с дорогой, хотя и далековато от танка.

– Есть попадание! – сообщил Воложин.

Какое-то время слышался лишь низкий, утробный гул танковых двигателей. Затем загрохотало. То ближе, то дальше взметались вверх огненные кусты, их становилось все больше и больше, пока всё видимое из танка пространство не затянуло дымом и пылью, сквозь которую прорывались лишь слабые сполохи разрывов. Артиллерийский налёт продолжался минут пятнадцать.

Енисей молчал. Воложин его не тревожил, потому что сказать было нечего: результаты работы артиллеристов станут видны лишь днём. Ещё через какое-то время над дорогой вспыхнули сразу две «люстры», осветив всё мертвенным голубым светом. К этому времени движение возобновилось и, судя по звукам, оно не стало менее интенсивным.

Началась бомбёжка. Сперва послышался густой визг падающих бомб, затем

побежали разрывы, земля забила судорожной дрожью, дрожь эта передалась танку, и в нём, в самом низу, где лежали разлагающиеся трупы, что-то жалобно забренчало – так жалобно, что Вологжин даже замер, прислушиваясь. Забеспокоились разбуженные мухи. А Сотников, возбуждённо подпрыгивая на своём сиденье, кричал Вологжину в самое ухо:

– Во дают, товарищ майор! Во дают! – Снова припадал к щели, и Вологжин сквозь грохот бомбёжки слышал его захлёбывающийся голос: – Так им, гадам! Так! Ещё врежьте! Во дают! Во! Во!

* * *

Только на пятый день бой приблизился настолько близко, что вдалеке стали различимы немецкие танки и самоходки, которые пятились и стреляли куда-то, по невидимым Сотникову целям. По ним тоже стреляли, а время от времени над полем боя пролетали наши штурмовики, тоже стреляли и бомбили, затем появлялись немецкие самолёты, в воздухе гудело и трещало, там и сям на землю падали, таща за собой дымные хвосты, поверженные самолёты, иногда вспухали белые купола парашютов.

После полудня показались наши тридцатьчетвёрки, КВ и ИС, медленно и осторожно подвигающиеся вперед.

- Наши! – громким шёпотом сообщил Сотников.
- Ты приготовил холостой выстрел? – спросил Вологжин.
- Приготовил, товарищ майор.
- Давай меняться местами, – приказал Вологжин. – Я буду подавать снаряды.

Поехали.

Сотников спустился вниз, Вологжин занял свое привычное командирское место, Сотников – место наводчика.

- Разворачивай башню на немецкие орудия. Бери на прицел ближайшее.
- А если заметят?
- Теперь это не имеет значения. Если полезет пехота, используешь курсовой пулемёт. Но думаю – не полезет: им сейчас не до нас.

Со скрипом и хрустом башня стала поворачиваться, а вместе с ней и командирское сиденье. И Вологжин, весь превратившись в слух, почувствовал знакомое волнение в ожидании начала боя. Руки его шарили по валикам настройки разбитого дальномера, а внутренним взором своим он видел распадок и подножие гряды, вдоль которой стояли немецкие орудия, искорёженные деревья небольшой рощицы, дорогу, уходящую вдаль, небо, видел наши танки и перебегающую пехоту...

Он услышал, как Сотников послал в казенник ствола гильзу, лишённую снаряда, и как она звякнула тоненько, жалобно, как решительно лягнул затвор. Нет, не зря он учил танковые экипажи взаимозаменяемости. Вот и пригодилось.

- Готово, товарищ майор!
- Что фрицы?
- Ведут огонь по нашим танкам.
- Ну, как говорится, с богом. Огонь!

Глухо ударил выстрел. Даже и не выстрел, а что-то вроде глухого выдоха.

- Открой затвор, глянь в ствол. Как там?
- Чисто, товарищ майор. И пушка как на ладони.

- Осколочный? – спросил Вологжин, подавая снаряд.
- Так точно, товарищ майор! – весело ответил Сотников.
- Давай!

Глухой звон уходящего в казённый снаряда, лязг затвора.

- Ну, бога их мать, Гитлера и всех прочих! Огонь!

Рывнуло орудие, резануло по глазам, Вологжин непроизвольно прижал к ним руки. Прохрипел:

- Наводи на второе.
- Есть наводить на второе, товарищ майор! Вдребезги! Пушку аж перевернуло вверх тормашками! – кричал Сотников восторженно, в полный голос.
- Заряжай!
- Есть заряжать!
- Огонь!

После четвёртого выстрела откуда-то по танку начала стрелять самоходка. Стреляла болванками, те ударяли в крутой каменистый скат, разбрызгивая каменное крошево.

– Смотри, Сотников, чтобы пехота к нам не подобралась, – беспокоился Вологжин. Ему, как никогда, хотелось жить.

- Самоходка... где она? Ты её видишь? – спросил он.

– Нет, товарищ майор, не вижу. Но она где-то за дорогой, за подбитым танком прячется... – И тут же испуганно: – Немцы, товарищ майор. Человек пять. Лезут сюда...

– Так чего ж ты мямлишь, тетеря рязанская? Наводи на них орудие! Пулемёт! Огонь! Жги их, в душу их мать! Снаряд! – и совал в руки Сотникову снаряд.

Тот, действуя ножными спусками, прижал пехоту к земле пулемётным огнём, затем нажал педаль орудийного спуска. Ахнуло ещё раз почти под самым носом.

* * *

По броне танка стучали. Вологжин медленно приходил в себя, не понимая, где он и что с ним. Он вспомнил вспышку и подумал, видел ли он её или это что-то другое.

За танковой броней перестали стучать, и кто-то сказал:

– Да мёртвые они все, товарищ капитан. Вы понюхайте, какая вонь оттуда прёт – ужас просто. А мухи... Фу ты, чёрт, сколько их!

- Надо открыть люк.

– Как же его отроешь? Взорвать разве что...

– Не выдумывай, Чеботарёв. Они час назад ещё вели огонь... Не могли они погибнуть. Давай раскопаем люк механика-водителя. Может, он открыт. Или снизу подлезем.

Вологжин хотел что-то сказать, но губы не разжимались, язык не ворочался. Тогда он стал шарить слабыми руками по броне башни, но ничего не находил, да и не знал, что ищет. Всё минувшее, как и настоящее, казалось кошмаром, из которого нет выхода. «Воняет?» – изумлялся он, но никакого запаха не чувствовал. Тем более вони. А ведь, помнится, была. Он протянул руку туда, где должен сидеть наводчик – рука уткнулась в неподвижное тело. Вологжин напряг память, но память ему ни о чём не говорила. А рука между тем нащупала другую руку, совершенно холодную. И тут опять в мозг вспыхнуло – и он вспомнил: Сотников! Сотников должен быть живым.

А он мёртв. И не только потому, что холодная рука, — чего не бывает! — но более всего потому, что рука была мёртвой. И на него вдруг навалилось такое горе, такое страшное, что он задохнулся и замычал от этой подлой несправедливости, потому что... потому что лучше бы убило его, Вологжина, — он и без того наполовину труп, — чем этого жизнерадостного мальчишку, прошедшего с ним в замкнутом пространстве почти две недели, задыхаясь от вони, от невыносимой жары, от мух, от невозможности выбраться и почти стопроцентной возможности умереть в этом аду.

— Там кто-то живой, товарищ капитан, — послышался всё тот же голос, и голос этот показался знакомым, как и голос капитана, который крикнул:

— Эй! Ребята! Кто там живой? Свои это. Капитан Тетеркин. Откройте люк, если можете.

Вологжин нажал на запорный рычаг, сдвинул его с места. Толкнуть крышку сил не осталось, и он тяжело задышал и закашлялся.

— Вологжин! Товарищ майор! Вы это?

— Я, — прохрипел Вологжин.

— Мы сейчас! Сейчас мы! — засуетились снаружи голоса. Затем лязгнуло железо — и крышка люка откинулась. Вологжину показалось, будто стало светлее. И кто-то сказал:

— Товарищ майор! Андрей Филиппович! Бож-же ты мой! Что они с вами сделали...

* * *

Жуков вошел в кабинет Сталина и остановился возле стола, за которым сидели некоторые члены Политбюро и наркомы оборонных отраслей. В кабинете было сумрачно, шторы закрыты наглухо, в люстре горело лишь несколько лампочек, хотя за окнами вовсю светило солнце.

— Проходите, товарищ Жуков, — произнес Сталин от окна. И добавил: — Садитесь.

Жуков сел рядом с Ждановым.

— Мы тут с товарищами обсуждаем некоторые проблемы восстановления промышленных предприятий на освобожденных нашими войсками территориях, — заговорил Сталин. — Нам надо в кратчайшие сроки увеличить выплавку стали, производство других материалов, чтобы, в свою очередь, увеличить производство танков, самолётов и другого вооружения. Послушайте, товарищ Жуков, вам это будет полезно. Продолжайте, товарищ Ванников.

Жуков слушал. Действительно, интересно. Но его волновали совсем другие проблемы, которые надо решать не завтра, когда заработают новые заводы, а сегодня, сейчас, потому что наступление Красной армии продолжается, ей, для успеха этого наступления, нужно всё больше тех же танков, самолётов, а главное — людей, готовых грамотно ими управлять...

— Вооружать нашу армию безусловно нужно во всё больших количествах, — прервал размышления маршала голос Сталина. — Но нам нужно обратить особое внимание на подготовку кадров. Вот товарищ Жуков требует увеличить срок подготовки лётчиков, танкистов, артиллеристов. Да и пехотинцев тоже. Он считает, что надо создавать резерв кадров этих профессий... Воевать числом легче, но пора переходить на более высокую ступень военного искусства... Я правильно выразил вашу мысль, товарищ Жуков?

— Так точно, товарищ Сталин! — отчеканил Жуков, вставая.

– Тогда и танков понадобится меньше, и самолётов, – подвёл Сталин итог словами того же Жукова, взятыми из его докладной записки... И тут неожиданный вопрос:

– А скажите, товарищ Жуков, вы читали в «Красной звезде» очерк о подвиге майора Вологжина?

– Нет, товарищ Сталин, не успел. Но я слышал об этом майоре в штабе Ватутина. С ним, если мне не изменяет память, был ещё один из членов экипажа...

– Подвиг майора Вологжина – это не только подвиг человеческого духа, – продолжил Сталин наставительно, перебивая маршала. – Это ещё и подвиг профессионала высокой выучки. Завтра во всех газетах будет опубликован указ Верховного Совета о присвоении майору Вологжину звания Героя Советского Союза. Рядовому Сотникову – посмертно. Имея в нашей Красной армии таких командиров, таких солдат, мы не могли не переломить ход военных действий на советско-германском фронте, поначалу складывавшийся не в нашу пользу. Таких командиров, таких рядовых, таких коммунистов, комсомольцев и беспартийных, как майор Вологжин и рядовой Сотников, у нас много. Поэтому мы не можем не победить немецко-фашистских захватчиков. И мы победим. Даже если союзники не откроют второго фронта.

ОТ РЕДАКЦИИ:

«Сравнение характеристик Т-34 и «тигра» летом 1943 года выявит поразительный факт: «тридцатьчетвёрка» была лучшим танком. Конечно, «тигр» был массивнее, имел более толстую броню и более мощное орудие – 88-мм пушку. Но он не был подходящим танком для наступательной операции на Курской дуге. На пересеченной местности его скорость – какие-то 12 миль в час – вдвое уступала скорости Т-34. Запас хода не превышал 100 километров, и без дозаправки на поле боя «тигры» вскоре оставались без горючего, становясь сидячей мишенью для русских орудий».

«Воздействие этого русского танка на моральный дух немцев, пожалуй, было большим, чем фактические потери немцев на полях сражения.

«Это – чудо-оружие, – писал немецкий танкист в своем рапорте, – которое сеет ужас и страх, где оно появляется. Во встречном бою или быстрой огневой схватке, там, где значение имели высокая проходимость, скорость и маневренность, ничто не могло сравниться с Т-34».

Мартин Кэйдин, историк (США) «Невероятный русский танк Т-34»

Станислав КУНЯЕВ

«...И ЖУКОВА МАРШАЛЬСКИЙ ЖЕЗЛ»

Мы жили в пограничной полосе
близ хуторов, когда-то заселённых.
Я уходил по молодой росе
и дотемна бродил в лугах зелёных.

Я слушал, как над клевером стоит
гуденье пчёл, собирающих нектары,
и волновал меня разъятый быт,
пустые окна, тёмные амбары.

Солома истлевала на стерне,
сады дичали в тягостном покое.
Таилось нечто в этой тишине,
и вызревало что-то роковое.

Недаром озверевшие коты,
блестя остервенелыми глазами,
в пустых жилищах разевая рты,
мяукали дурными голосами.

Недаром, разлучённые с огнём,
ветшали, как гробы, пустые печи,
и ржавчина съедала день за днём
тяжёлые колодезные цепи.

А на исходе пламенной весны
вдруг вспыхнули — прекрасны и зловещи —
на тёмных елях алые цветы,
как будто бы рождественские свечи.

Давным-давно так ярко не цвели
еловые леса в начале лета.

Огонь и зелень...

Слухи поползли,
что не к добру подобная примета.

Быстрее хлеба вызревало зло,
и чёрный дым окрестности окутал,
когда, кренясь,

на левое крыло
лёг «юнкерс» –
и спикировал на хутор...

* * *

Опять разгулялись витии –
шумит мировая орда:
Россия! Россию! России!..
Но где же вы были, когда
от Вены и до Амстердама
Европу, как тряпку кроя,
дивизии Гудериана
утюжили ваши поля?
Так что ж – всё прошло-пролетело,
всё шумным быльём поросло,
и слава, и доброе дело,
и кровь, и всемирное зло?
Нет, всё-таки взглянем сквозь годы
без ярости и без прикрас:
прекрасные ваши «свободы» –
что было бы с ними без нас?!
Недаром легли как основа
в синодик гуманных торжеств
и проповедь графа Толстого,
и Жукова маршальский жезл.

*«Последний парад наступает...»
Из народной песни «Варяг».*

Недавно в полночь я включил приёмник –
авось войнович или прочий ёрник
какую-нибудь мерзость скажет мне,
но слышу вдруг сквозь вьюги и просторы
гранитных монументов разговоры
открытым текстом на простой волне.

– Ну как ты там томишься возле Шпрее? –
– А в Будапеште будто веселее:
глумленье черни, крики, мокрый снег.
Мой постамент вчера облили краской,
хотел я по толпе шарахнуть каской,
да позабыл, что я не человек!

– Моя «тридцатьчетвёрка» недалече –
в соседнем государстве,
слышу речи,
чтобы продать её, а с ней меня!
Но как продать то, что не продаётся?!
А ведь нажми стартёр – и заведётся!
Хорош мотор! Надёжная броня!

– Чего молчим? Мы здесь стояли долго,
но срок присяги, памяти и долга –
всё проржавело! Слава не в чести.
Я слышу, митингуют возле Вислы.
Нам не нужны ни паспорта, ни визы,
пора мою машину завести.

– Но что случилось? Мы же победили!
Что из того, что я лежу в могиле?
Я не покину этот постамент,
пока Генералиссимус иль Маршал
нам не прикажут отправляться маршем
туда, где ждёт нас некий президент.

Донёсся голос из далёкой Праги:
– Минуло время славы и отваги,

нас одолели, как на фронте вши,
парламентарии да бизнесмены,
нас предали на набережных Сены,
где проданы все наши рубежи.

Айда домой! От Эльбы до Дуная
аж застонала вся земля сырая:
– Прощайтесь с теми, кто во мне лежат!
– Уже навек простите нас, ребята,
коль в этом мире ничего не свято –
тогда пошли!

– А где же наш сержант?

– Сержант в Берлине. Он уйдёт последним.
Он на руках с дитём четырёхлетним.
Я знаю: он не хочет слушать нас.
Он брал Берлин. Вот если маршал Жуков,
чтобы сержанту не стыдиться внуков,
на отступление даст ему приказ...

– А где Алёша? Кажется, в Софии?

– Я в Пловдиве!

– Мы двинулись к России.

Ты Скобелева пригласи с собой.

– Он здесь стоит, но по другому праву,
его не тянет в родину-державу,
где надругались над его судьбой.

– Предупредите парня из Белграда,
там тоже дух кощунства и распада
осилил славу...

Помните, друзья,
мы мёртвых выносили с поля боя,
нам здесь не будет вечного покоя,
нам оставлять здесь никого нельзя.

«Тридцатьчетвёрки» и «сорокапятки»
пойдут за нами в боевом порядке,
нам не пристало технику бросать,
хоть слух прошёл, а может, люди брешут,
что всю её на родине разрежут
и переплавят... Так-разэтак мать!

– Ну, с Богом в путь! –

...И тронулись солдаты!

Под ними простираются Карпаты,
в тумане тают Прага и Белград,
ползут за ними в боевом порядке
«тридцатьчетвёрки» и «сорокапятки»:
последний начинается парад.

Прошли, как тени, по-над Венским лесом,
над Брестом, Львовом, Минском и Смоленском,
уже вдали мерещится Москва...

– А где привал? Быть может, на Поклонной?

– А где гора? Да нет её, исконной!

Её снесли, нас не было пока!

– А кто же снёс? Всё те же лилипуты,
поклонники гешефта и валюты.

– Так много их?

– Везде, куда ни глянь!

Всё те же, что нас предали на Мальте,
кто распродал всё, что воздвигли в Ялте
солдатский штык и сталинская длань.

– Я знаю, ты, который из Калуги,
с единственной медалью «За заслуги»,
тебя я должен отпустить домой,
но есть у нас последняя отрада,
есть право для последнего парада
на знаменитой площади одной.

Замрём на миг. Поклонимся брусчатке.
На ней ещё не стёрлись отпечатки
подков породистого жеребца,
на коем Маршал выезжал когда-то...
Могила Неизвестного Собрата –
ни имени, ни даты, ни лица...

Поклон ему...

Обнимемся, и с Богом
по большакам, по городским дорогам,
к ручьям и травам мимо троп и трасс,
всё ближе дом, всё ближе те старухи,

чьи молодые горестные руки
тому полвека, как обняли нас.

Ты стукнешь в ставень – и, глядишь, от стука
проснётся обветшалая подруга,
а ты, как сон, уйди в густой туман,
в тот, что стоит на родовом погосте,
где пращуров уложенные кости
блюдут покой деревьев и полян.

Всё кончено, и мы своё свершили.
Куда теплей лежать в родной могиле,
чем выносить ветра и холода
в Берлине, Праге или в Бухаресте...
Ещё на миг мы остаёмся вместе –
и разошлись... Простимся навсегда.

.....
На родине весенние туманы,
и призрачные люди-великаны,
как тени, растворяются вдали...
Закончилась большая эпопея.
Ни злобы. Ни восторга. Ни трофея.
А только влага да озноб земли...

Василий ЧУГАЙ

**ИСПОЛНЮ СВОЙ ДОЛГ,
КАК СОЛДАТ**

* * *

Поныне мне видится близкой
Ушедшая в годы война...
Стою у плиты обелиска,
Гляжу на ряды-имена.
За то, что мы стали седыми,
Увидели внуков своих,
Оставшись навек молодыми,
Легли одногодки мои.
По гроб вам обязан, ребята,
Меня заслонившим собой,
Чтоб мог я тогда в сорок пятом
Живым возвратиться домой.
И разве сказать мне словами,
За что вас забыть не могу –
Ведь всю свою жизнь перед вами
Я был в неоплатном долгу.
Не ведая слова «усталость»,
Трудился я ради живых,
Чтоб людям оставить хоть малость
Того, что свершили бы вы.
Хоть прожил я жизнь непростую,
Как трудный, бессменный наряд,
Но я не истрачу впустую
Последний в обойме заряд.
Меня не судите сурово,
Простите, коль в чём виноват.
Даю вам гвардейское слово:
Исполню свой долг, как солдат.

ДА БУДЕТ ПРОКЛЯТА ВОЙНА

Видать, не перестанут сниться
Солдату фронтовые сны,
И не уйти, не заслониться
Ему от марева войны.
Когда и чем он мог обидеть
Свою заступницу-судьбу,
Что до сих пор бессленно видит
Себя во сне и наяву
То в рукопашной круговерти,
То с автоматом на броне –
Теперь, видать, до самой смерти
Солдат остался на войне.
На том далёком поле брани,
Где близко видятся ему
Бои, в которых трижды ранен,
Снопы убитых на снегу.
И часто долгими ночами,
Как на посту, не спит солдат,
Когда опять перед глазами
Деревни русские горят.
Проходят мёртвые, калеки,
Всплывают лица, имена...
Да будет проклята война,
Что не забудется вовеки.

ЖЁЛУДЬ

Когда в тот грозный месяц летний
Солдат котомку собирал,
Ванятка, сын его трёхлетний,
Блестящим жёлудем играл.
Присели молча на дорогу,
Вздыхнул солдат и первым встал,
Шагнул к двери и у порога
Жену и мать поцеловал.
Прижал к груди сынишку Ваню,
Сказал: «Пора. Прощай, сынок».
А оголец ему: «Папаня!
Возьми на память желудёк».
Погладил шёлкову головку:

«Ну, молоток, живи, Иван!»
Закинул за спину котомку
И жёлудь положил в карман.
Жена солдата проводила,
А у околицы села
По-русски трижды обняла,
Не утерпев, заголосила...
И... понесла его война
И по дорогам, и по тропам,
И по некошеным полям.
По скорбным сёлам, по окопам
Да фронтовым госпиталям.
Порою тронет жёлудь гладкий –
И тот к руке прижмётся сам –
Как будто гладит он Ванятку
По шелковистым волосам.
По трём фронтам его носило.
А первой лютою зимой
Он перед чёрной вражьей силой
Стал в оборону под Москвой.
Всю ночь позицию готовил,
На рубеже его расчёт.
Окоп отрыли в полный профиль,
Установили пулемёт.
А утром, лишь по небосклону
Пошла кровавая заря,
Обрушил враг на оборону
Всю силу своего огня.
Ревело пламя, мины выли,
Взметали трассы снег тугой.
А сверху «юнкеры» бомбили
Одной волною за другой.
Окопы толлом накрывало,
А враг сжимал свои тиски.
Чужим металлом разрывало
Не только землю на куски...
И злобным вражеским атакам
Уже давно потерян счёт –
Огнём по бешеным собакам
Перегревался пулемёт.
«Отчизна, мать, жена, Ванятка!
Кто защитит вас, коль не я?»

И по врагам в смертельной схватке
Всё добавлял «дегтярь» огня.
Глаза слепило едкой гарью,
Трясло окоп тугой волной,
Уже лежал его товарищ,
Сражённый пулей разрывной.
Там смерть в открытую ходила,
Не пряча в снег свои следы.
И таяли в окопах силы,
Редели ратников ряды.
Их плоть живая защищалась
Не под бетоном и бронёй –
Сукном шинели прикрывалась,
Да мёрзлой матушкой землёй.
Но враг не смял взрывчаткой адской
Вчерашних пахарей простых,
Что в окровавленных повязках
Дрались один за семерых.
Поправ природные законы
И одолев подспудный страх,
Стояла насмерть оборона –
И не прошёл к столице враг!
Тому грохочущему аду
Не знали многие конца...
Осколком вражьего снаряда
Смертельно ранило бойца...
В ушах стихали звуки боя,
Но прежде, чем солдат упал,
Уже слабеющей рукою
Он в бруствер жёлудь закопал...
Когда другие после боя
Погибших хоронить пришли,
Двух пулемётчиков-героев
Среди убитых не нашли.
Лишь в стороне лежала каска
Да пулемётный диск пустой –
То полутонная фугаска
Их схоронила под землёй...
А по весне, когда светило
Согнало вешних вод поток,
Над неизвестною могилой
Поднялся маленький дубок.

Ветра листву его срывали
И бури гнули до земли,
Потоки корни подмывали
И пули-градины секли.
Когда, казалось, нет уж силы –
Вот-вот сломается росток, –
Он слышал голос из могилы:
«Держись, браток, крепись, браток!»
Теперь поля былых сражений –
Давно уж мирные поля.
Лишь потом новых поколений
Здесь орошается земля.
Как поезда по перегонам,
Бегут без устали года.
От той далёкой обороны
Уж не осталось и следа.
Лишь только в холм могилы братской,
Куда стихи свои принёс,
Как символ стойкости солдатской,
Могучий дуб корнями врос!

ЗЕМЛЯНКА

На брёвнах свежая смола,
С дощатой крышкой столик шаткий,
Оконце с клинышком стекла,
Да вход завешен плащ-палаткой.
Сюда и в слякоть, и в метель
Тянуло как к родному дому:
Прилечь на царскую постель –
Еловый лапник иль солому.
К пристанищу, где мог солдат
Черкнуть письмо родным и близким,
В тепле почистить автомат,
Не торопясь пополнить диски.
Порой раздеться до белья,
У печки высушить портянки –
Казалось нам, что нет жилья
Уютней фронтовой землянки.

* * *

И в передышку автоматам,
И в обстановке боевой
Всегда приятно для солдата
Соседство кухни полевой.
Покуда не было запарки –
Горячий суп и каша есть,
Ну, а когда бывало жарко,
То, как закон, не жди приварка –
Сухой «НЗ» прикажут съесть!
Видать не ради зубоскальства
Ходило по передовой:
«Держись подальше от начальства –
Поближе к кухне полевой».
Еда солдату не в обузу,
Пришлют обед на «передок» –
Казалось бы, хлебай от пуза,
Бери в заначку котелок.
А сдавит горло мёртвой хваткой,
И стынет варево, стоит,
Когда лежат под плащ-палаткой
Друзья-товарищи твои...
Косило матушку-пехоту,
Поди, проведай наперёд:
Закладку делали на роту,
А от неё остался взвод...
От вражьих пуль не страховали
Тогда ни годы, ни чины.
Не сотни – тысячи снимали
«С котла» за каждый день войны.

ФРОНТОВОЕ БРАТСТВО

Мы кровные братья, пермяк и волжанин,
Охотник таёжный и сын Ферганы.
Хоть нас не для ратной работы рожали,
Но вместе мы шли по дорогам войны.
Под Харьковом ран не считали смоляне,
За курскую землю дрались омичи,
В снегах под Москвой полегли киевляне,
В пески Приднепровья ушли москвичи.

В пылающем «Иле» взрывались на цели
Туляк и минчанин – один экипаж,
И в танке одном под Ростовом горели
Татарин и русский, грузин и чуваш.
Стоит наше братство на прочной основе,
Его не нарушит никто, никогда!
Мы – кровные братья, мы – братья по крови,
Что в битвах суровых была пролита.

РАССКАЖУ Я ВАМ СТИШОК ПРО СОЛДАТСКИЙ ВЕЩМЕШОК

Отгремела, отпылала,
Отстрелялася война.
В ней победу добывала
Вся советская страна.

И писатели, конечно,
Не стояли в стороне –
Много разных сочинений
Написали о войне.

Про нелёгкий быт солдата,
Про комдивов и комбатов,
Переправы и бои.
В них «оставленные хаты»,
И «землянки в три наката»,
И «шальные соловьи».

Но не помню, чтобы в прозе,
Иль в рифмованной строке,
Говорилось бы всерьёз и
О бессменном, о военном,
О походном вещмешке.

У Иванов и Степанов
Нет в обозе чемоданов.
И пехотный рядовой
Весь припас несёт с собой.

Старшина солдату выдал
Не шахтёрский «тормозок»,

Не котомку и не «сидор»,
А армейский вещмешок.

Без него не сдюжишь фрица,
И житьё-бытьё не в лад –
Боевая единица,
Как шинель и автомат.

И как диск при автомате,
Как приварок в котелке –
У солдата всё, что надо,
Разместилось в вещмешке:
Полотенце, бритва, мыло,
Пара писем от любимой,
И рисунок малыша.
А ещё – бинты и вата,
Два запала, две гранаты
И патроны ППШ.

А в запасе у солдата
Пребывают до поры:
Пачка каши-концентрата,
Три кусочка рафинада,
Сухари да горсть махры.

Спит боец, хоть бей из пушки,
Если выдался часок,
Не беда, что нет подушки –
Был бы верный вещмешок.

И порой на днёвке краткой
Из мешка возьмёт тетрадку,
Вспомнит милое лицо,
И напишет письмецо.

Фронтная жизнь солдата –
С вещмешком да с автоматом,
Не один военный год
Стерпит трудности и беды,
Дошагает до Победы,
По-пластунски поползёт.
...Если только повезёт.

БАЛЛАДА О КОТЕЛКЕ

«Служить тебе, как медному котелку».

Солдатская поговорка

Когда бывалые солдаты
Речь заведут про службы срок –
Тому, кто служит маловато,
Помянут медный котелок...
На мотоцикле по просёлку
Я на КП с пакетом мчал,
Вдруг с косогора резко, колко
Немецкий «шмайсер» простучал.
Но фриц, хотя и врезал щедро,
Видать, неважный был стрелок –
С какой-то полусотни метров
Лишь продырявил котелок.
А без него, брат, плоховато –
Могу сказать наверняка:
Как без винтовки нет солдата,
Так нет его без котелка!
Был старшина у нас суровый,
Но, внемля горю моему,
Мне выдал котелок не новый,
Из категории «бэ-у».
Он шёл со мной дорогой длинной.
И, прослужив изрядный срок,
Дошёл до самого Берлина
Видавший виды котелок.
Я в котелке походном этом
С тех пор не грею, не варю,
А нынче, к празднику Победы,
Его наследникам дарю.
Дарю на память с твёрдой верой,
Что котелок солдатский мой
Ещё послужит пионерам
В музее Славы Боевой.
Когда придут сюда ребята
Узнать о нашем далеке,
Среди музейных экспонатов
Пускай прочтут на котелке:

«А. Пилипенко», «Керимбаев»,
«Н.Д.», «Савелий Бородин»...
Из четырёх твоих хозяев
Домой вернулся лишь один.

БУКРИНСКИЙ ПЛАЦДАРМ

Я не первым форсировал Днепр,
Не вторым был и даже не третьим –
Мы пешком перешли через Днепр
По мосту, что был вскоре наведен.

Под огнём, на Букринский плацдарм,
Под немецкие бомбы и мины –
Нанесли по врагу контрудар,
Потерявши бойцов половину.

В том, последнем для них октябре,
По причине атак бестолковых,
На холмистой букринской земле
Много выросло холмиков новых.

За Днепро в дни суровые те
Первым звёзды геройские дали,
Тем, кто пал – по фанерной звезде,
А живым – ордена и медали...

Жизнь уйдёт, как сквозь пальцы вода,
Но пока продолжаются годы,
Не забудут Букрин никогда
Ни сапёр, ни танкист, ни пехота.

* * *

Бросался словами святыми
Какой-то столичный поэт,
Чьё вытерлось в памяти имя,
Забылось за давностью лет.
«С презреньем относимся к смерти,
Не страшно нам жизни отдать...»
Прочтёте такое – не верьте.
Никто не хотел умирать!

ПОРЯДОК В ТАНКОВЫХ ЧАСТЯХ

Ни для кого давно не ново –
Остёр солдат наш на язык.
Так, между прочим, бросит слово,
Глядишь – прилипло, как ярлык.
Хорош начальник, значит – «Батя»,
Хоть держит в строгости солдат.
С военных лет «Махнём не глядя!»
У нас поныне говорят.
Поди узнай, в какие годы
Не то всерьёз, не то шутя,
Придумал поговорку кто-то –
«Порядок в танковых частях!»
По всем фронтам она шагала
В кирзовых грубых сапогах,
И непременно бытовала
И в батальонах, и в полках.
Порядок, коль надёжны пушки
И безотказны дизеля,
И танк послушен, как игрушка,
Крепка уральская броня.
Шли в бой танкисты с твёрдой верой,
Что будет бит заклятый враг.
Горели «Тигры» и «Пантеры» –
Порядок в танковых частях!
Победный бой, дымя махоркой,
Вполне серьёзно, не шутя,
Оценят той же поговоркой –
Порядок в танковых частях.
Нам дали крепкую закалку
И научили бить врагов
Богданов, Ротмистров, Рыбалко,
Полубояров, Катукров...
От Сталинграда и до Праги
Мы пронесли наш алый стяг,
Как символ воинской отваги –
Порядок в танковых частях!
Пришли сыны отцам на смену,
Но крепко пусть запомнит враг,
Что был и есть у нас отменный
Порядок в танковых частях!

ПОМЫВКА

Горячим дымом прокоптился,
«Броней» из грязи защищён,
Солдат два месяца не мылся,
Но, наконец, дождался он.

Всё чин по чину – не в отбывку,
А коль позволила война,
Пускай не баню, но помывку
Бойцам устроил старшина.

Уже с утра идёт работа,
И после ратного труда
Одна команда греет воду,
Другая – носит из пруда.

А два бойца и санитарка,
Забыв на время о пальбе,
Готовят бочку для прожарки
Красноармейского «ха-бэ».

Та полевая вошебойка
Творит, скажу вам, чудеса:
Педикулёз изводит бойко
На нет всего за полчаса.

Надёжней средства не бывает,
Ему замены не найдёшь –
Калёным паром выжигает
Под корень фронттовую вошь.

(Прикрасы здесь совсем некстати,
О том и думать не моги,
Прости солдату, мой читатель,
Неблагозвучные стихи).

А как мытьё? Свою ль, родную,
Что по окопам завелась,
Иль заграничную, чужую
Бойцы смывают с тела грязь.

И вот стекает чистой каплей
Вода с остриженных голов,
И натирает спины пакля
Для чистки пушечных стволов.

И все невзгоды забывают,
И жизнь приятна и легка,
Когда друг дружку поливают
Живой водой из котелка...

Потом солдат портянки сменит,
Получит верхнее своё,
И с облегчением наденет
Условно чистое бельё.

* * *

С однополчанами простился,
Оставив старый автомат,
В родной Чугуев воротился
Навоевавшийся солдат.

По запоздалому «Указу»
Явился к жизни трудовой,
А за плечами – девять классов
Да груз нелёгкий фронтовой.

Недоучившимся ребятам
Тогда от имени страны
Вручали вместо аттестата
«Диплом» участника войны.

А дома – злыдни да разруха,
Нужда – просвета не видать,
За недородом – голодуха,
(Да нам к тому не привыкать).

Лицо не красило румянцем
Полуголодное житьё,
Однако ж хаживал на танцы –
Ведь брала молодость своё.

Упорно «грыз гранит науки»,
«Отмолотив» рабочий день.
А чтоб не потерялись брюки,
Потуже стягивал ремень.

В десятом классе доучился,
Гулял с дивчиной колдовской,
И в скором времени женился,
Чтоб продолжался род людской.

* * *

Нам в жизни повезло с тобой:
Пусть годы нас уже согнули.
До даты полувековой
От той Победы дотянули!
По мирной прожили прописке,
Хоть помогли нам доктора,
А кажется, ещё вчера
За это разряжали диски!
Надень, дружище, ордена.
Мы сядем рядом, как бывало.
Сперва друзьям нальём вина,
Чтоб место их не пустовало.
Нам жизнь не зря была дана,
Давай подыдем чарку эту,
И, как в былые времена,
До дна осушим за Победу!
За тех, кто не пришёл с войны,
Чьи имена на обелисках,
За всех друзей, родных и близких,
Что не дошли до той весны
Сквозь огневую полосу...
Прости нас, сердце, за нагрузки —
Вторую выпьем без закуски,
Сглотив солёную слезу.
Дороги вспомним да высоты,
Что часто видятся во сне,
И наши молодые годы,
Что были отданы войне.
Налей по новой, старина,
Хмельть гвардейцам не пристало.
Помянем тех, кого война

После Победы доконала.
Хотя они на костылях
До дому с фронта дохромали,
Всю жизнь потом в госпиталях
Из них осколки вынимали.
Не пожурит солдат никто –
Забудем нынче о кефире –
Грешно не выпить нам за то,
Чтоб внуки наши жили в мире.

САПОГИ

В воскресенье, в рубашках новых,
На деревяшках кленовых,
По деревенской улице
Идут не сутулятся
Два инвалида войны.
Идут, хромают браво
В сельмаг покупать сапоги:
У Фёдора нету правой,
У Степана – левой ноги.
Степан наступил на мину –
Отмечен Курской дугой,
А Фёдору под Берлином
Пришлось расстаться с ногой.
Придут, облюбуют пару,
(Хоть выбор и не богат),
Возьмут бутылку: «Задаром
Обмоем попку, брат...»
Два инвалида войны
Обулись за полцены.
Но так повезло немногим,
Калекам другим не в пример,
Когда б отличались ноги
Всего на один размер.

* * *

Май. Солнце. Музыка играет,
Бодрит, волнует грудь мою,
Звеня медалями, шагаю
В парадном праздничном строю.
А рядом – молодцы – не деды,

И расправляю плечи я...
Ко мне всегда на День Победы
Приходит молодость моя.

ПОСЛЕДНЯЯ МЕДАЛЬ

Когда-то, в годы фронтовые,
Что с каждым днём уходят вдаль,
Мне за заслуги боевые
Вручили первую медаль.
Есть за Берлин, и есть за Прагу –
Они достались неспроста.
А за нелёгкую атаку
Дана мне «Красная звезда».
Не выделяя ту иль эту,
Награды с гордостью ношу,
Но всё ж медалью «За Победу»
Всего я больше дорожу.
Ведь как тогда мы были рады,
Что, наконец, остынет сталь...
Нам самой высшею наградой
Была последняя медаль!

ДВЕ КРАСНЫЕ ЗВЕЗДЫ

Из дальних стран, из ратного похода,
Хоть без чинов, но выживший в боях,
Идёт солдат – через четыре года
В родные возвращается края.

Идёт домой, спускается с пригорка,
Войне конец – сбываются мечты,
В руке шинелька, а на гимнастёрке
Прикручены две Красные Звезды.

Жил торопясь и радовался миру
В заботах повседневной суеты,
А в День Победы к штатному мундиру
Прикручивал две Красные Звезды.

На фронте не попал под плащ-палатку,
Смогла судьба от смерти отвернуть,

А на гражданке, на седьмом десятке,
Отправился солдат в последний путь.

Идут за гробом старики, старушки,
В венках пестрят бумажные цветы,
А впереди, на бархатной подушке,
Малец несёт две Красные Звезды.

Пускай играют ими чьи-то внуки,
Но выйди в воскресенье на базар –
Переходя через чужие руки,
Награды превращаются в товар.

Их продают за доллары, за марки,
И может случиться, что увидишь ты:
На «бардачке» немецкой «иномарки»
Прикручены две Красные Звезды.

БАЛЛАДА О ТАНКЕ Т-34

*«Тридцатьчетвёрка» прошла всю войну от начала до конца,
и не было лучшей боевой машины ни в одной армии.*

*Ни один танк не мог идти с ней в сравнение –
ни американский, ни английский, ни немецкий».*

Маршал Советского Союза И.С. Конев.

1.

Я – танк: броня, огонь и сила,
Родился много лет назад
В горнилах Нижнего Тагила,
Но мне теперь – под шестьдесят.
А в сорок третьем, по приказу,
Со свежей краской на броне,
С «зелёным» первым экипажем
Мы очутились на войне.
На фронте встретили как надо,
Благословив на первый бой.
С тех пор гвардейская бригада
Нам стала домом и семьёй.
В суровых буднях и походах
Мужали быстро пареньки:
Так не прошло и полугода,
И вот – гвардейцы-«старики».

Хвала уральскому металлу:
Я был надёжным на ходу,
Побед записано немало
На нашем боевом счету.
Порой из самой преисподней
Танкистов с честью выносил —
Не подвели четыре сотни
Здоровых лошадиных сил.
Но были и с Костлявой «игры»,
Где не спасала и броня —
Неравный бой, горят два «Тигра»,
Но «Фердинанд» достал меня.
Дотоле не бывало хуже:
Двоих убило наповал.
Башнёр контужен,
А механик
Надолго в госпиталь попал.
Потом ремонтники явились,
Да трое суток надо мной,
Сил не жалея, потрудились
И снова возвратили в строй.
Мне повезло. Во всяком разе
Я, как-никак, остался цел.
Не подорвался на фугасе
И, слава Богу, не горел.
Со сборным новым экипажем
Опять единым целым стал
И сотни километров, скажем,
В боях на траки намотал.
(Друзья-танкисты не забыли,
Как в те далёкие года
Тылы немецкие громили
И с ходу брали города).
Включал Верховный многократно
Нас в поздравительный приказ,
И за заслуги в деле ратном
Мы награждались много раз.
Вручал награды перед строем
Сам командарм (большая честь!)
Нам дали две Звезды Героя,
А орденов — не перечесть.
Что ж, сдал экзамен на «пятёрку»

Конструктор Кошкин Михаил,
Когда войскам «тридцатьчетвёрку»
Перед войною подарил.
О нас гремела слава в мире,
Вселяя гордость за страну –
Советский Т-34
Был лучшим танком всю войну!
А в долгожданном сорок пятом,
Когда закончились бои,
Ушли, разъехались ребята –
Друзья-товарищи мои,
Ковать металл, зерно лопатить,
Любовь навёрстывать сполна,
Да восстанавливать и ладить
То, что порушила война.
А я взошёл на пьедестал,
Застыл и ПАМЯТНИКОМ стал.

2.

Передо мной дороги лента,
Мчит транспорт, не жалея сил.
И как-то раз у постамент
Шикарный «мерс» притормозил.
Всё – натурально, как бывает
Порой при длительной езде,
Деляги, пиво попивая,
Остановились по нужде.
Не под кустом и не в кювете,
А просто за корму зашли –
Видать на трассе сучьи дети
Другого места не нашли.
Потом, одёргивая брюки,
Один «солидный» говорит:
«Без всякой пользы эта штука
Ещё полвека простоит.
Кабы продать, прикиньте сами,
В металлолом, то был бы прок.
Я б зацепил его тросами
И в пункт приёма отволок».
О, если бы я только сдюжил!
О, если б с постамент слез!
Без сожаленья б «отугюжил»

И «экипаж», и «Мерседес»!
А всяким молодым повесам
Скажу от братьев фронтовых,
Что я – не «ржавое железо»,
А СЛАВА мёртвых и живых!

* * *

Как ни крепись, а жизнь проходит –
Дни уплывают, как туман,
А напоследок еле сводит
Концы с концами ветеран.

За Родину в стрелковой роте
Ходил когда-то на врага,
А нынче со старухой ходит
В «бой» за картошку, на жука.

Большие воры и воришки
Забрали кровные рубли,
Что люди клали на сберкнижки,
Себе на старость берегли.

Теперь у них ни на лекарства,
Ни на продукты денег нет –
А как хотелось без мытарства
Пожить хотя бы пару лет...

Пройдёт ли тяжкая година,
Воспрянем или пропадём?
Скажи нам, «ненько Україна»,
Куда ж мы сослепу бредём?

НЕ ТРОНЬТЕ ВАСИЛЬ ИВАНЫЧА

Любимы с детства Петька, Анка,
Лихой начдив, ведущий в бой –
Герой Чапаев на тачанке
С призывно вскинутой рукой.

Идут года мерзавцев бойких,
Едва ль отыщутся следы
Тех, кто «чапаевскую тройку»
Пошли склонять на все лады.

Свои истоки забывая,
Мы с вами тоже «хороши»,
Когда над байкой о Чапае
Подчас смеёмся от души.

Проснись, доверчивость слепая!
Пусть презираем будет тот,
Кто легендарного Чапая
Вставляет в пошлый анекдот.

ЛЕЙТЕНАНТЫ

*Любимому ученику – Игорю Кришталю,
погибшему в Афганистане.*

Идут лейтенанты, шагают
В чеканном парадном строю,
А кто-то из них и не знает,
Что завтра погибнет в бою.
Учёбы года пролетели –
Звенит ваш отточенный шаг,
Но держит уже на прицеле
Кого-то невидимый враг.
Над вами сгущаются тучи,
Но мысли не точит микроб,
Что чьи-то родные получат
Запаянный цинковый гроб.
Лишь чувствуют матери ваши,
Что завтра из них не одна
Возьмёт свою горькую чашу
И выпьет до самого дна.
Отправятся в путь похоронки,
Для горя не хватит ворот,
И вдовами станут девчонки,
Зачавшие деток-сирот.
На скромных, простых обелисках

Скупые напишут слова.
И скорбь с постоянной пропиской
Поселится в отчих домах...
Идут лейтенанты, шагают,
За рядом колышется ряд,
А кто-то из них и не знает,
Что это последний парад.

ДОРОГА

Высокие ели, луга и озёра,
Берёз нескончаемый ряд –
На встречу с друзьями несёт меня скорый
Дорогой прямой в Ленинград.
Спешу на свидание с юностью ратной,
С сединами прожитых лет,
Со штемпелем синим – «Туда» и «Обратно» –
Мне выдали льготный билет.
Столбы-километры бегут по откосам,
Мелькнут – не успеешь взглянуть.
И кажется, будто на стыках колёса
Считают твой жизненный путь.
Дорога моя далеко протянулась –
Остался давно позади
От станции «Детство» до станции «Юность»
Счастливый отрезок пути.
Но будто вчера, под удары набата
Пришёл, громыхая, вагон:
«Июнь сорок первый» и «Май сорок пятый» –
В огне и дыму перегон.
Мечты и надежды, невзгоды и беды
Катили со мной по пути.
В дороге немало увидел, изведал,
А что там ещё впереди?
В теплушках и в жёстких вагонах по свету
Везут нас судьбы поезда,
А жизнь выдаёт именные билеты
Со штемпелем только «Туда».
Но пусть неустанно несёт меня скорый
Всем тяготам наперекор,
Вперёд по дороге прямой, на которой
Зелёный горит светофор!

Борис СИЛАЕВ

ОРУЖИЕ ПОБЕДЫ

Главы из книги третьей
«Маршал Жуков и его победоносный меч»

Глава 1

Легковая автомашина Наркомата обороны, которая должна была приехать за Жуковым, чтобы отвезти его в гостиницу, а затем и к вечернему киевскому поезду, опаздывала. Ожидая её, Жуков и Кошкин, беседуя, бродили по лесным тропинкам танкодрома.

– Михаил Ильич, – сказал Жуков, – очень рад вашему успеху. Мой боевой опыт на Халхин-Голе, хоть и скромный, свидетельствует, что без танков, подобным вашим, мы с большим, но устаревшим танковым парком в будущей войне буквально обречены на поражение. Недавно начавшиеся военные события в Польше показали мощь и техническое превосходство германских бронетанковых сил, уже ставших самыми могучими в Европе. Честно сказать, Михаил Ильич, меня не так пугает техническое совершенство немецких машин, как умелое и для нас неожиданное применение их в боевых операциях.

– Михаил Ильич, – продолжал Жуков, – хотя вы везде и всем говорите и доказываете, что авторами вашей машины является весь ваш харьковский заводской коллектив, я-то знаю, что у танка есть три главных и основных его автора: Кошкин, Морозов и Кучеренко. Как я понимаю, у каждого из них есть своя доля участия в создании танка и своя часть его достоинств и недостатков. Скажите мне, Михаил Ильич, как вам удалось в одной машине соединить особенности трёх характеров ваших соавторов по танку, таких своеобразных в реальной жизни? Или вот эта обтекаемость и зализанность форм танка и есть характерные признаки авторского коллектива?

– Слишком плохо вы знаете или вам, Георгий Константинович, полностью неизвестен путь, по которому коллективу пришлось пройти, прежде чем нам позволили показать то, что мы сделали. Ваша главная ошибка заключалась в том, что вы неверно определили состав нашего авторского коллектива. Нас не трое, а четверо!

– Кто же четвёртый? Страна?

– И она тоже. Но четвёртым мы считаем генерала Жукова!

– Побойтесь Бога, Михаил Ильич! Я-то уж при чём тут? Но в принципе, как говорят наши старики в деревне, лучше с умным найти, чем с дураком потерять! Так что я нашёл? С чего бы это вдруг потянули меня в соавторы? И что я, по своей солдатской бедности и убогой образованности, мог дать вам, титанам инженерной мысли? Право смешно!

– Вы сделали то, что уже много лет не в состоянии сделать самые изощрённые

умы военных теоретиков наиболее развитых стран мира. Что не вычитаешь ни в одном учебнике и не услышишь ни в одной военной академии.

– Чёрт возьми, так что же я такого для вас сделал?

– Ты, Георгий Константинович, своими танковыми боями на Халхин-Голе, показал нам какие танки для современной войны не нужны! Отчего нам необходимо отказаться! И главное – какой тебе нужен был танк для более быстрого разгрома агрессора! Что необходимо усилить и что следует создать заново, чтобы твои, Георгий Константинович, танки не горели, были более манёвренными, с непробиваемой броней! Анализируя твои танковые бои с японцами, мы твои надежды на танки, как на средство решительного перелома ведущего сражения, выразили в «ТТХ» – тактико-технических характеристиках, которые и создали нашу машину! Поверь, без твоей Халхин-Гольской победы над японцами, нам бы не узнать эти характеристики.

– Если думать по-твоему, Кошкин, – машинально Жуков тоже перешёл на «ты», – то и японцы могут считаться такими же авторами, как и я!

– Японцы для нас были всего лишь определителями необходимых для их уничтожения боевых и технических параметров будущей конструкции, и только! Победу над ними мы перевели и пересчитали на математические цифры и формулы, необходимые нашим машинам, чтобы в единоборстве с противником прийти к Победе! Наши харьковские рабочие-умельцы перевели эти цифры в металл, так и возник танк, который сегодня мы предлагаем Красной Армии.

– Значит, чтобы создать свою машину, вам не надо было даже знать меня!

– Да, это так! Халхин-Гол о тебе рассказал больше и лучше, чем ты рассказываешь об этом на бесчисленных совещаниях и заседаниях, подводящих итоги минувших сражений! Но я счастлив, что лично знаком с тобой, Георгий Константинович, и могу рассказать тебе о степени твоего участия в создании нашего танка. Спасибо.

– Немцы своей танковой тактикой уже сумели подобрать ключик к будущим победам не только над поляками, но, я думаю, и над французами, и англичанами, да и над нами. Особенно на начальном периоде войны! Она ведь будет, я не сомневаюсь... Чем быстрее мы передадим армии этот прекрасный танк, тем скорее сумеем его освоить и создать свою – советскую танковую тактику! Судя по его тактико-техническим характеристикам, он даёт нам возможность в будущих боевых операциях рассчитывать на стремительные обходы неприятеля и неожиданные сокрушительные атаки! Если бы у нас было их много, мы бы могли рассчитывать и на главный фактор будущей танковой войны: на массовое применение танков! Но и за это спасибо.

– Я, Георгий Константинович, – ответил Кошкин, – всего лишь выполнил обещанное мною в 1936 году Михаилу Николаевичу Тухачевскому! Считаю именно его, блестящего полководца, умницу, главным автором этой машины. У него первого появилась мысль о роли и значении среднего танка, о чём он писал в своей замечательной военной наступательной теории: «Глубокая операция». Маршал при нашей встрече, узнав, что я вскоре отправляюсь в качестве главного конструктора на харьковский танковый завод, успел мне передать основные желаемые параметры танка, высчитанные им. Эти машины, необходимы для успешного осуществления, как он понимал, операций, которые могут начаться с большого военного конфликта с фашистской Германией!

– Тухачевский не ошибся в характеристиках необходимого ему танка. Он спешил, поскольку ожидал начала войны еще в 1935 году – сказал Жуков.

– Когда наш танк, – продолжил Кошкин, – будет принят на вооружение Красной Армии, в чём я уже почти не сомневаюсь, он выйдет под индексом Т-34. Лично для меня, Георгий Константинович, это магическая цифра. Начальная буква «Т» лично для меня звучит, как первая буква фамилии Тухачевский!

От кирпичного здания управления танкодрома начали раздаваться прерывистые автомобильные гудки.

– Это за мной! – сказал Жуков. И вновь перешёл на более официальный тон. – Не знаю, когда мы еще с вами встретимся, Михаил Ильич, но, поверьте, что теперь и в дальнейшем я, при каждом виде вашего танка, обязательно буду вспоминать вас! Прощайте, родной!

– Желаю вам, генерал, будущих побед и личного благополучия. Прощайте!

Глава 2

В 1938 году, когда в мире почувствовалась общая напряжённость, возникшая из-за проявления агрессивных настроений гитлеровской Германии, в СССР, при Наркомате обороны был создан коллективный орган руководства армией: Главный Военный Совет. Его секретарём был назначен заместитель Главного штаба Красной Армии генерал Мерецков, недавно вернувшийся из Испании, где служил военным советником в республиканском правительстве. Вскоре Мерецкова сделали командующим Приволжского военного округа, а когда он хорошо показал свои военные и организаторские таланты, перевели в командующие Ленинградского военного округа.

Обычно заседания Совета вёл нарком обороны СССР маршал Ворошилов, но в последнее время его всё чаще подменял сам Сталин, начавший проявлять большой интерес к делам армии и её вооружения. Совет собирался два раза в неделю в небольшом зале Кремля, куда надо было идти длинными старинными сводчатыми коридорами, со столиками охранных постов на поворотах и у некоторых дверей.

Придерживая наброшенную на плечи серую шинель, Сталин шёл на Совет. Сегодня в повестке стоял вопрос, сформулированный им с наивной прямолинейностью: «Военный разгром самой могучей в Европе страны – Франции». Сообщение должен был сделать сам нарком обороны Ворошилов, обычно избегающий выступать по сложным военным проблемам. А проблема такого быстрого и сокрушительного разгрома этого тысячелетнего государства, имеющего на континенте самые большие и хорошо вооружённые силы, имеющего свою давнюю, проверенную во многих боях военную доктрину, – да, проблема была не простая! Всего два месяца потребовалось Гитлеру, чтобы до основания разрушить мощную систему обороны – линию Мажино! Чем же взяли немцы Францию? Какие надо иметь способы и методы, чтобы эту великую страну довести до позорной для французов капитуляции? В чём тайна германских успехов? И случись подобное с СССР, кто и как сумеет найти достойный и равноценный ответ на действия врага? Врага, всегда наносящего свои удары стремительно и беспощадно. Прежде чем найти средство противостояния немцам, в первую очередь необходимо узнать и раскрыть тайну нанесения германских ударов. Кто это сделает? Этот круглолицый Ворошилов или усач Буденный?! Пожалуй, это неплохо мог сделать маршал Тухачевский, но... Эти великие полководцы прижали с требованиями избавить их от чересчур талантливому сопернику и конкуренту, и он,

вождь, сдался. Теперь-то уже ясно – поспешили! И вот дожили... Заменить равным по глубине понимания военных дел некем!

Подойдя к закрытым дверям зала заседания Совета, Сталин поразился тишине, царящей за ними. Обычно же, собирающиеся там командующие округами шумно и эмоционально выясняли претензии друг к другу.

Оглянувшись и увидев, что охрана отстала, а коридор пуст, Сталин надел шинель в рукава и, подняв воротник, вошёл в зал. Пробравшись вдоль стены, он опустился на свободное место и затих.

Сталин увидел громадную карту Франции, повешенную на стену и стоящего перед ней с деревянной указкой в руке генерала армии Георгия Жукова. Его окружали человек десять командующих округами, с громадным интересом внимающих Жукову, командующему Киевским особым округом.

Заинтересовавшись, Сталин ковшиком приложил к уху ладонь. При волнении он начинал слышать чуть хуже.

– ...Приказ об общем наступлении на Францию Гитлер отдал 10 мая 1940 года. Хочу, товарищи, чтобы вы все обратили внимание на интересное, но для немецкой боевой тактики обычное начало операции. Первую задачу в этом наступлении решила немецкая авиация, которая нанесла мощный и, главное, внезапный удар с воздуха по французским аэродромам. Французская авиация в ходе дальнейшей операции она уже не играла почти никакой роли. Наступательная операция немцев повсюду развивалась успешно. Соединение группы немецких армий фон Бока... Кстати, товарищи, нам не мешало бы запомнить фамилию и звание этого блестящего генерала... Армии фон Бока стремительно продвигались по Голландии, а армия генерала фон Рейхенау форсировала канал Альберт и начала наступление на Брюссель. Танковые и пехотные дивизии немцев быстро начали выходить к Маасу. Уже в первый день наступления немцам удалось сломать довольно слабое сопротивление своего противника и захватить плацдармы на западном берегу Мааса. В результате этого, как видите, на карте путь для танковой группы армий фон Клейста был очищен. Одновременно самые боеспособные соединения левого крыла французов были втянуты в бои с группой армий фон Бока и шли навстречу своему поражению. Немецкие танки безостановочно продвигались к морю в направлении Булони и Абвиля. Взгляните, таким образом, для северной группировки англофранцузов создавалась угроза быть отрезанными с юга. Выйдя к Ла-Маншу, немецкие танковые соединения и наступающая в этом же направлении армия генерала фон Клюге повернули на север, и, совместно с войсками группы армий фон Бока, наступавшими с северо-востока и востока, обрушились на вражеские армии. Войска французов и их союзников во Фландрии и Арту оказались в окружении.

Чтобы совсем запутать своего противника, генерал фон Лееб начал проводить в районе Саарбрюккена ложные маневры, заставляющие французов думать о подготовке немцами крупного наступления против самой линии укрепленных оборонительных сооружений Мажино. Заметьте, товарищи, что в результате там оказалось скованным значительное количество французских сил! Немецкие танки быстро вышли к швейцарской границе. Французские войска были зажаты в многочисленных котлах. Лишённые боеприпасов и продовольствия, они скоро окончательно утратили боеспособность. Тем временем на севере 14 июня без боя был занят Париж! Он был объявлен открытым городом, и потому боевые действия в

нём не велись. Учитывая сложившуюся обстановку, французское правительство обратилось к немцам 15 июня 1940 года с предложением заключить перемирие! Франция была разгромлена.

В этой победе нам следует видеть не превосходство германского государственного строя, а победу форм тактического ведения современной войны над формами закостеневшими и утратившими свою остроту и эффективность! У нас, командиров Красной Армии, сегодня, на уроках этой кампании, есть о чём задуматься.

Сталин локтем толкнул сидящего справа командира:

– Почему выступает Жуков, а не Ворошилов?

– Нарком неожиданно заболел! Но каков Жуков? Отчеканил не хуже чем какой-нибудь начальник Главного штаба. Разве не так!?

– Может быть, – чему-то потаенному усмехнулся Сталин.

– Георгий Константинович, – в нетерпении спросил кто-то из командующих округов, – так в чём же секрет успехов немецких побед?

– Их, генерал, можно перечислить, и все они для Красной Армии и её военной науки давно известны. Это, в первую очередь, манёвренность крупными механизированными силами и умелое взаимодействие родов войск и видов оружия. Затем, разведка! Внезапность! И всё это при обязательной решительности боевых действий.

Сталин улыбнулся сидящему рядом командиру, который, узнав его, побледнел от испуга.

– А ведь этот Жуков, – сказал Сталин, – так и не назвал главное.

– Чего? – осторожно спросил командир.

– Природных способностей и талантов полководца! – выпалил вождь.

– Товарищи! В заключение хочу ещё раз повторить: намечаемые командованием боевые задачи должны самым обязательным образом проводиться в жизни настойчивыми и решительными способами. На направлениях главных ударов следует наращивать многократное превосходство в силах, сосредотачивая их на наиболее слабых участках противника! Всё.

– Молодец! – похвалил Сталин.

– Но, товарищи, – продолжил Жуков. – Всё это мною сейчас сказанное будет лишь из области наивных желаний, если мы не будем иметь на вооружении отечественного производства хорошо бронированных и вооружённых сильной пушкой танков! В будущих сражениях они станут решать судьбы боёв. Нам известно, что в Харькове группа конструкторов создала очень неплохой средний танк, но пока, по неизвестной причине, эта машина до сих пор не допущена на государственные испытания! Время уходит, а нам ещё надо научиться воевать на этом танке. Я думаю, что надо бы нам попросить товарища Сталина ускорить решение этого дела!

Товарищи! – снова обратился Жуков к командирам. – На полях Франции, а ещё раньше, на земле Польши в кровавых боях столкнулись два ведения и два типа современной вооружённой борьбы. Поляки и французы вели войну старыми способами и формами, на которые уже выработаны методы противодействия. Немцы же воевали с применением ещё неиспользованных методов. Но, товарищи, не следует считать, что их придумали и изобрели фашисты. Новые способы ведения современных боевых действий не упали с неба и не были ими найдены в тайных книгах истории войн!

– Так, Жуков, – громко спросил кто-то из генералов, – откуда они взялись?

– Они рождены появлением на полях сражений новых видов и типов оружия! Все армии мира начали моторизироваться. Мотор – двигатель внутреннего сгорания, – вышел на главные боевые позиции. Самолёт и танк сделались основным тараном и разрушителем обороны неприятеля. Они же, танк и самолёт, стали вершителями побед одной из противоборствующих сторон! Мотор и оружие, созданное на его основе, потребовали не только отмены старых форм сражений, но и создания форм боевой тактики, резко отличающейся от прежней. Тактика кавалерии и пехотных атак густыми цепями сменилась на тактику массированного применения бронетанковых войск и мощных ударов на одном участке фронта превосходящими силами. Тактика лобовых атак по фронту уже мертва. Её уверенно сменила гибкая тактика охватов и окружений! Мы, командиры Красной Армии, должны не восхищаться военным мастерством немцев, а, поняв закономерность появления такой новой тактики, взять от неё всё самое для нас полезное и необходимое для успешной защиты своей страны и её народа, чтобы достичь победы над будущим врагом!

– Ну, Жук! – возмущенно фыркнул сидящий рядом со Сталиным командир, – повторяет одно и то же и поучает, как маленьких. Неужто он думает, что мы, высший командный состав Красной Армии, не знаем таких элементарных военных дел?

«Он, Жуков, знает, о чём говорит!» – подумал Сталин.

– Товарищи, – сказал Жуков, не отходя от карты Франции, – из многих военных и успешных немецких операций на Европейском театре боевых действий, для нас с вами наиболее поучительной и показательной является операция по разгрому мощной, хорошо обученной и вооруженной страны, какой является Франция. Нам следует изучать тактику немецких войск, а из пассивности и неумелости французской армии делать свои выводы. а потому-то вновь пройдемся по тем событиям уже под взглядом того, что нам взять из этой маневренной и стремительной операции!

– Я считаю, – продолжал Жуков, – что сегодня уже не требуется особых доказательств тому, что в современных боях каждый тип оружия и каждый род войск требует на полях сражений свою тактику применения. Это уже аксиома, не требующая доказательств! Нельзя воевать только танками, нельзя ожидать победы лишь от обладания самолётами, невозможно сегодня рассчитывать на мощь кавалерийских соединений, какими бы прекрасными традициями они не обладали. Конница сегодня для будущей войны мертва.

– Так уже когда-то заявил наш маршал – предатель Тухачевский! – громко проговорил Сталин, – и вы все знаете, чем он закончил. Да и вы, Жуков, как ни хорохорьтесь, сами из неё родом!

– Иосиф Виссарионович! – охнули все, оборачиваясь к углу, в котором сидел вождь.

– Сегодняшние функции кавалерии взяли моторизованные соединения! – чётко и ясно отрезал Жуков. – Конница же, товарищ Сталин, дала мне основы боевой тактики и уничтожать её мы не собираемся. Соединив её с моторной техникой, мы сумеем создать хорошо маневренные подвижные ударные соединения, способные выполнять задачи захватов и окружений, и, главное, рейдов по тылам противника!

– Ну и отлично! – с удовольствием проговорил Сталин, – мы с вами, товарищ Жуков, об этом ещё не раз поговорим. А харьковский танк, о котором вы упоминали, мы уже видели весной. Два танка конструктор Кошкин приводил сюда, в Кремль. Вы

правы, эти машины прекрасно тогда себя показали. Надо назначать большие государственные испытания...

Вернувшись в кремлёвский кабинет, Сталин позвонил новому, с 1939 года, наркому НКВД Берию:

- Лаврентий Павлович, подготовь мне поскорее личное дело и объективное досье на командующего Киевским особым округом Георгия Жукова.
- На него, Иосиф Виссарионович всё давно проверено еще с Халхин-Гола. Завтра я тебе принесу сам, а в чём он провинился?
- Хочу его проверить на более серьёзной работе! Приходи сегодня вечером.

Глава 3

Пришло время, когда гусеничный вариант танка, победив в жестком соревновании своего колёсно-гусеничного соперника, усилиями завода превратился в то самое чудо, ради чего шло это единоборство людей с ещё непознанной техникой, и что, наконец-то и стало средним танком в двух опытных экземплярах, пока ещё не имеющих права на дальнейшее своё существование без специального разрешения. Долгое ожидание которого измучило всех.

И вот, наконец, дирекция завода получила правительственную телеграмму с вызовом двух опытных экземпляров в Москву для показа их членам Политбюро.

Но были ещё одни мощные силы, враждебные новой машине. В конце зимы в Харькове прошёл обильный снегопад и ударил последний мороз. Кошкин понимал, что по раскисшему чернозёму своим ходом танкам дойти до столицы СССР будет крайне трудно, но на его просьбу разрешить отправить танки на железнодорожных платформах, получил отказ. Авторы машины успокаивало лишь то, что была договоренность о том, что пройденное расстояние от Харькова до Москвы будет засчитано в общий испытательный пробег.

В самом начале марта 1940 года в предрассветный час из ворот завода имени Коминтерна выехали странные машины. Они были укрыты брезентом, из-под которого топорщились прикрепленные к броне бочки с горючим. Как сложенные мачты каких-то парусников, торчали укрытые длинные стволы пушек из приземистых башен. За машинами проследовали трактора-тягачи и ремонтные машины с теплушками в кузовах. Этот недлинный караван под любопытными взглядами редких прохожих миновал улицу Плехановскую и, прогрохотав гусеницами по спящим улицам города, устремился на Московское шоссе.

Наконец машины вырвались из города и двинулись в сторону Москвы. Как ни мощны были эти броневые машины, но на тяжелой дороге что-то ломалось в их хрупком организме трубопроводов и стальных тяг. Особенно доставалось ходовой части. Тогда под танк бросали на оттаявшую землю брезент и ложились на него разгоряченными усталыми телами.

– Саша, – спросил Кошкин Морозова во время одной из таких вынужденных остановок, когда они оба «копались» в моторе, – как думаешь, успеем добраться до Москвы раньше, чем закончится финская война?

– Трудно сказать. Советские войска штурмуют линию Маннергейма, так что наши красавцы могут к тем сражениям и не успеть!

– Уж там бы они прошли всестороннюю проверку!

– Даже не знаю, – сказал Кошкин, – радоваться или нет, что мы не успели своими машинами ввязаться в те бои, и, может быть, приблизить ожидаемое перемирие.

– Надо пожалеть, так как именно для боя мы их и выращивали.

– А ты, Сашок, не задумывался, в какие руки мы их готовим?

– Для чего мы их сделали – ясно и понятно, а вот как ими будут пользоваться и чьи замыслы они будут осуществлять – это мне неизвестно! – сказал Морозов.

– В былое бы время я знал, что они попадут в руки маршала Тухачевского для использования их в наступательных операциях, глубокого боя, но теперь... Сегодня в Красной Армии есть лишь два генерала, умеющие и знающие, как надо использовать в современной войне танковое оружие. Это начальник Автобронеправления Красной Армии Дмитрий Григорьевич Павлов и генерал Георгий Константинович Жуков. Ты их знаешь, оба боевые офицеры, Герои Советского Союза.

– Павлов находится на фронте финской войны, – ответил Морозов, – Значит, Сталин для смотра наших машин вызовет Жукова, как одного из самых знающих в танковом деле генералов!

– Да. Хотя Жуков и не знает досконально устройство наших машин, но зато умеет неплохо пользоваться танками, что на сегодняшний день доступно не каждому генералу!

– Ну что, готово?

– Порядок.

– Вылезаем!

– Даже если наш танк и примут без каких-нибудь серьезных поправок и переделок, – сказал Кошкин, вылезая из-под машины весь мокрый и перемазанный грязью, – то, Саша, дальнейшая жизнь машины и того, что сделают на неё ставку, будет не сладкой. При её новых боевых и технических характеристиках, эта машина заставит, хочет ли кто этого или нет, сурово заставить изменить сегодняшнее понимание танкового боя. И тем самым покажет, кто из сегодняшних танковых военачальников неспособен к ведению современной войны!

– Да, для нового танка потребуются и новые люди, думающие на уровне новых принципов ведения танкового боя.

– Этот танк, – добавил Морозов, – сам потребует рождение не только новых тактических приёмов сражений, но и людей, способных мыслить более остро и маневренно,

– Да, Саша, это так. Но такие люди не валяются – их надо искать.

– Мне, кажется, что Жуков один из нужных людей этой машине.

Снега выпало столько, что по бокам дороги темнели лишь верхушки телеграфных столбов. Машины иногда застревали в заносах, и тогда их вытаскивали тракторами. Машины с трудом тянули на второй передаче.

– Слушай, – сказал Кошкин Морозову, – а что если изменить разбивку и ввести ещё одну передачу между второй и третьей? Тогда бы машины шли с большей скоростью.

Под городом Серпуховым поперёк дороги, перед танками, развернулась легковушка, из неё выскочил человек и, размахивая шляпой, кинулся к первой машине.

– Стой! – сказал водителю Кошкин, – это же замнаркома Горегляд.

– В чём дело?! – выглянул из башни Морозов. – Мир, братцы, мир! – ликующе прокричал замнаркома. – Сегодня, товарищи, заключен мир с Финляндией! Конец

войне.

– Слава богу, – сказал неслышно за рокотом двигателя Кошкин.

– Значит, нашим красавцам уже никого не убивать! Вперёд.

В Москву въехали под вечер. Долго ждали на какой-то окраине темноты. Въезжать на людные улицы двумя секретными машинами не решились.

Горегляд указал расположение какого-то ремонтного заводика. Там все переночевали и устранили накопившиеся за дорогу неисправности. А в ночь на 17 марта поехали в Кремль, чтобы показать танки руководителям партии и правительства. Доставкой машин руководил Пётр Клементьевич Ворошилов, молодой инженер-танкист, сын Наркома обороны. Он же и должен был докладывать о новых машинах. Закрытые брезентом танки прогрохотали людной улицей Горького и Красной площади так стремительно, что их никто не засёк из посторонних глаз. Брусчатка площади впервые простонала под тяжестью этих машин, которые в последующие годы не раз процарапают этот камень стальными когтями гусениц. Миновали Спасские ворота и остановились на площади, напротив колокольни Ивана Великого.

На московский показ танков Т-34 был специально вызван Командующий особым Киевским военным округом генерал армии Георгий Жуков. Новую боевую технику осматривали руководители партии и правительства. Был здесь и В.А. Малышев, совсем недавно ставший наркомом среднего машиностроения – этому министерству были переданы автомобильные, тракторные, танковые и дизельные заводы. Члены правительства и политбюро, военные опустили к машинам, окружили танки, внимательно разглядывая ещё не виданные машины. Харьковчане, продрогшие в бронированных коробках, стали рассказывать о танках и их устройстве.

– Что вы будете на них показывать? – спросил Сталин.

Пётр Ворошилов хитро глянул на Кошкина – они заранее обговорили все операции на показе и решили поразить присутствующих необычной подвижностью новых танков.

– Приступайте! – приказал Сталин резким голосом.

Водители запустили двигатели и разъехались в разные стороны. Замерли на месте, нутно ревя моторами. Затем, по команде Кошкина, на предельной скорости бросились друг другу навстречу. Среди наблюдающих за танками раздались испуганные вскрики.

– Да что они, сумасшедшие – вслух сказал какой-то генерал в заснеженной папахе, – разобьются в пух и прах!

– Не мешайте, – строго сказал Сталин. – Сломают машины, мы с них спросим.

Машины вдруг замерли, как вкопанные друг перед другом. В открытых люках башен показались улыбающиеся танкисты. Все смотрели на Сталина, который тронул перчаткой усы и проговорил:

– Это будут ласточки в наших танковых частях!

– Ласточки! – с восторгом проговорил Молотов, – Давайте их так и назовем.

– Слишком кокетливое название для оружия, – сказал Сталин, – Т-34 достаточно хорошее название, и пусть ему сопутствует боевая слава! В путь! Мы довольны. Но испытания ещё продолжим.

– Они не прошли, – вставил кто-то, – необходимого километража в две тысячи километров.

– Я об этом и говорю, – сказал Сталин недовольным голосом и, сделав паузу, продолжил. – Товарищ Кошкин, какое бы вы ожидали от нас решение, наиболее

способствующее улучшению качества машин?

– Любое, товарищ Сталин, должное продолжить необходимый для испытаний километраж и набор противотанковых мер!

– Отличная мысль, Михаил Ильич! – подхватил, довольно улыбаясь, Сталин. – Мы так и сделаем! Танки следует направить на захваченную нами финскую линию Маннергейма и там опробовать на всех противотанковых препятствиях. И назад пусть отправляются своим ходом. Вот и нагонят километраж. Сумеете, харьковчане?

– Да! – дружно ответили танкисты.

– А сейчас отправляйтесь, – сказал Малышев, – на подмосковный танковый полигон для дальнейших испытаний.

Когда выключили танковые двигатели, Кремлёвская площадь погрузилась в глухую, уже почти ночную тишину, в которой особенно резко слышался надрывной, жесткий, нутряной кашель Кошкина.

Оглянувшись на раздираемого кашлем конструктора, Сталин спросил неотстающего от него Берия:

– Что с ним?

– Простудился в дороге. У них на Украине поздний снег!

– Покажите его врачу. Ну всё, заканчиваем тут.

Покидая Ивановскую площадь, где у подножья колокольни Ивана Великого проходил смотр танков, Сталин остановился перед Кошкиным:

– Хорошие машины, Михаил Ильич, мы принимаем вашу работу. На днях ждите решение политбюро о начале серийного производства машин. Но, товарищ Кошкин, вы привезли два опытных экземпляра. Мы знаем, что такие экземпляры делаются почти в тепличных условиях. Когда же эта машина пойдёт в серию, а затем поступит в армию, из неё ползут все производственные и технические ошибки и недоработки. Такой процесс закономерен, и надо быть к нему готовыми. Поэтому, Кошкин, спустя время мы снова затребуем у завода два новых танка, сошедших с конвейера массового производства, и проведём серьёзное испытание. Вы будете возражать?

– Нет, Иосиф Виссарионович, вы совершенно правильно сказали – это закономерный путь!

– Товарищ Кошкин, – спросил Сталин, – вы выполнили наше решение об увеличении бронезащиты танка до 45 мм?

– Да, Иосиф Виссарионович, хотя это и привело к общему утяжелению машины.

– Сказать можно всё, что угодно, – бросил Берия.

– А давайте в этом сами убедимся! – предложил Сталин. – Завтра с машиной выезжаем на танкодром и там посмотрим, насколько непробиваем танк, о котором так много говорят харьковчане.

– Всемирная история создания оружия, – продолжил Сталин, – свидетельствует о том, что непробиваемых танков просто не существует! На любую цель всегда можно создать пушку, способную поразить и уничтожить объект. Не так ли, товарищ Кошкин?

– Теоретически это верно, товарищ Сталин, а практически броня нашего танка способна выдержать снаряды противотанковых пушек, находящихся сегодня на вооружении многих стран мира!

– Мы приедем и сами в этом убедимся. – И обернувшись к Жукову, Сталин добавил:

– Обещаю вам, генерал, что на этот раз вы увидите не отрепетированные

спектакли, которые так вам не нравятся, а настоящее боевое испытание оружия! Вы там увидите, что такое непробиваемость брони, рожденная авторским самолюбием. И как она легко поражается ведомством главного артиллериста СССР Григория Ивановича Кулика!

Глава 4

...Штабные автобусы и легковые автомашины толпились у ворот танкодрома. Танк Т-34 прибыл своим ходом, и его сразу же направили на артиллерийский полигон.

По сигналу взметнувшейся ракеты, танк выскочил из своего капонира и кинулся на позицию противотанковой пушки. Расчёт орудия успел взять цель, и первый снаряд врезался в башню танка, высек яркую линию искры и, визжа по-собачьи, срикошетил в сторону. Расчёт засуетился, вновь заряжая пушку, Выстрел, но танк продолжал свой бег.

– Промах, – сказал Сталин на вышке, опуская бинокль.

– У этого расчёта, товарищ Сталин, промаха не может быть! Ему для пробы ставят ребром пять копеек на броневую цель, и они её сбивают!

– Значит, пушка ни к черту!

– Иосиф Виссарионович, – сказал начальник Главного Артиллерийского управления Красной Армии и заместитель наркома Кулик, – эта 37-миллиметровая противотанковая пушка была принята на вооружение и создана в 1931 году. При её создании во всём мире не было танков, броня которых могла противостоять снарядам советской пушки!

– Прошло, Григорий Иванович, десять лет, и ваша пушка просто устарела! Вы только посмотрите, что этот поразительный танк делает с его предполагаемым убийцей!

Танк и на самом деле, точно играя с орудием в кошки-мышки, выделял пируэты перед пушкой, бронёй отбивая точные попадания снарядов, вспышками искр обозначающих попадания.

Разгневанный генерал Кулик что-то сердито буркнул своему адъютанту и тот бросился к полемому телефону.

Расчёт 37-миллиметровой пушки быстро утащил своё орудие в подземный капонир. На его место другие артиллеристы вытащили такую же пушку, но с более длинным стволом.

– Иосиф Виссарионович, – придвинулся ближе к вождю Кулик. – Одновременно с принятием на вооружение противотанковой пушки 37-миллиметров мы выдали заводам задание на разработку более мощной противотанковой пушки. Конструкторы, возглавляемые товарищем Берингом, создали советскую противотанковую пушку 45 калибра!

– Не вижу разницы между этими пушками, – фыркнул Сталин, посмотрев на результаты «сорокапятки». – Их можно называть как угодно, но только не противотанковые! Либо ваши артиллеристы мазилы, либо пушки ни к черту.

– Есть и третий вариант, товарищ Сталин, – сказал Жуков.

– Какой?

– Броня этого танка превосходит мощь наших пушек!

– Вам, товарищ Жуков, они так нравятся?

– Нравятся ли они мне? Да будь у меня на Халхин-Голе хоть десяток таких машин, как вот этот, я бы на них променял сотню имевшихся тогда у меня!

– Да! – согласился Сталин, – факты упрямая вещь! Возвращаемся! Надо сознаться в том, что харьковчане создали не только непривычный по форме, но и отличный по броне танк.

– Теперь бы, – добавил Жуков, – успеть Красной Армии выработать свою танковую тактику боя.

Обернувшись на хриплый кашель, Сталин спросил Кошкина:

– А все-таки, Михаил Ильич, в чём секрет непробиваемости брони вашего танка? Ведь всем мало-мальски понимающим в военном деле известно, что калибр противотанковой пушки почти всегда соответствует толщине брони, которую она способна поразить.

– Иосиф Виссарионович, вы не даром обращаете внимание на необычный вид нашей машины. На ней наклонные броневые листы, что делает броню толще.

– Молодцы! Поздравляю с успехом! Мы все счастливы, что армия уже в ближайшее время начнет получать новый и совершенный танк! Прощайте! Возвращаемся, товарищи!

Глава 5

27 августа 1942 года в районе Погорелое Городище, где проходила наступательная операция, командующему Западным фронтом позвонил секретарь Сталина Поскребышев и сказал, чтобы Жуков в 14-00 находился на командном пункте и ждал звонка Сталина.

В назначенное время Жукова соединили со Сталиным, тот сказал:

– Вам нужно как можно быстрее приехать в Ставку. Оставьте вместо себя начальника штаба. По дороге, – помедлив добавил Сталин, – продумайте, кого следует назначить командующим вместо вас?

Услышав о том, что ему, как командующему фронтом, уже подбирают замену, Жуков не на шутку расстроился. Не заезжая в штаб фронта, он с горечью в душе вылетел в Москву. Поздно вечером того же дня Жуков был в Кремле. Сталин работал в своем кабинете. Полный тревог и волнений по поводу неопределённости своей судьбы, Жуков позвонил в Генштаб и договорился о встрече с его новым начальником Василевским, надеясь, что тот введет в курс происходящих событий. Встречу назначили в комнате оперативного дежурного, при кабинета Верховного.

Обязательный и точный Василевский прибыл в Кремль с картонным футляром для карт.

– Александр Михайлович, – обратился Жуков к нему без предисловий, – объясни пожалуйста, за что это меня сапогом под зад из командующих фронтом? В чём я провинился?

– Георгий Константинович, сие есть и для меня тайна большая! Думаю, всё прояснится через пару часов. Знаю точно и достоверно, что никто, и товарищ Сталин тоже, ни в чём тебя виновным не считает.

– Если же считают, то пусть дадут мне какую-нибудь дивизию или корпус, я поведу её в бой на самом тяжёлом участке! Александр Михайлович, но почему же такой спешный вызов?

– Возможно, в резком изменении положения на юге страны. Нужно выработать новый взгляд на неожиданные для нас события.

– Введите меня в курс дела.

– Садись и слушай. Начнём издалека... Хотя, многое ты знаешь и сам, Георгий Константинович, но всё же... В общих чертах политическая и военная стратегия Гитлера, – начал Василевский, – на ближайший период 1942 года сводится к тому, чтобы разгромить наши войска на юге, овладеть районом Кавказа, выйти к Волге, захватить Сталинград, Астрахань, и тем самым создать условия для уничтожения СССР, как государства. Планируя наступление на лето 1942 года, немецкое командование, имея численное превосходство в людях, не располагает возможностями для одновременного наступления на всех стратегических направлениях, как это было в 1941 году. К весне 1942 года немецкие войска растянулись от Берлина до Черного моря. Вследствие этого их оперативная плотность резко снизилась. Нам известно, что немцы планируют, достигнув успеха на юге нашей страны, нанести удар на других направлениях, и опять атаковать Москву и Ленинград. Планируя захват Кавказа и выход к Волге, гитлеровцы стремятся лишить СССР путей сообщения с нашими союзниками через Кавказ... Как хорошо и победно заканчивали, под Москвой, 1941 год, – с горечью сказал Василевский, – и как неудачно, и даже позорно, начали 1942-ой.

– Да. Это так! На заседании Ставки наш Верховный дал указание подготовить и провести в Крыму ряд частных операций, но события мая и июня показали неправильность этих указаний. В конце апреля наступление наших войск в Крыму окончилось крупной неудачей. Оказавшись в тяжёлом положении, были вынуждены оставить Керчь. После девяти месяцев обороны мы вынуждены были сдать Севастополь, – уточнил, не скрывая досады, Жуков.

В комнате требовательно зазвонил телефон. Дежурный командир поднял трубку и сказал:

– Товарищи генералы! Вас просят зайти в кабинет товарища Сталина.

У Сталина уже сидело несколько членов Государственного Комитета Обороны.

Войдя в кабинет Верховного, Жуков поймал на себе полный тревожного смятения взгляд наркома НКВД Берии.

«Он радуется моему поражению», – ёкнуло сердце Жукова.

– Садитесь, товарищи! – предложил Сталин доброжелательным голосом. – Георгий Константинович, как вы думаете, что нам следует в 1942 году ожидать от немецкого командования?

– На Северном фланге советско-германского фронта они по-прежнему будут стремиться овладеть Ленинградом и соединиться с финскими войсками. Группа Центр, после её разгрома под Москвой, уйдёт в оборонительные бои. Большие потери под Москвой, понесённые вермахтом, уже не позволяют немецкому командованию, как это было раньше, развернуть своё наступление на всех стратегических направлениях. Возможности вести наступление на широком фронте они уже не имеют.

– Но наступать они будут? – бросил Берия, – или вы уже считаете, что мы их победили окончательно?!

– До победы, Лаврентий Павлович, ещё очень далеко, но уже можно различить признаки изнеможения германских войск, на время потерявших свою былую инициативу. Сейчас для немцев наиболее выгодным вариантом было бы

сосредоточить все имеющиеся у них силы на южном фланге с целью уничтожения нашей живой силы западнее Дона, захватить нефтяные районы на Северном Кавказе и горные перевалы Кавказского Хребта.

– Подобная операция, – вставил Сталин, – исходя из интересов немцев, не только возможна, но и вероятна, так как она должна повлиять на решении Турции вступить в войну против нас на стороне Германии.

– Если исходить из такого понимания немецких действий на юге, то они могут быть осуществлены ими лишь при условии захвата немцами Сталинграда! – добавил Василевский.

– В пользу подобного решения свидетельствуют разведанные о том, что Гитлер, взявший на себя командование военными действиями на восточном фронте, дал распоряжение разделить свою группу армий Юг фельдмаршала Рундштедта на две части, – сказал Жуков. – Образовав армии «А» и «Б», он создал две оперативные, хорошо манёвренные ударные группировки, могущие действовать самостоятельно, но с одной стратегической задачей.

– Значит, Сталинград! – воскликнул Сталин. – Готовится большая драчка. Гитлеру крайне нужна грозненская нефть и Кавказ он ставит под прицел. Надо, товарищи, готовиться к встрече как следует!

– Георгий Константинович! – Сталин, тронув усы, хитро усмехнулся. – Вы нашли кандидатуру на пост командующего Западным фронтом? Учтите, этот человек должен знать дела не хуже вас! Нашли?

– Да. Я предлагаю на своё место сегодняшнего нашего начальника штаба фронта Василия Даниловича Соколовского!

– Отличная кандидатура! Вы хотите узнать о вашем назначении?

– Безусловно, Иосиф Виссарионович! Готов на любой фронтовой пост.

– Лёгкой жизни мы вам нигде не обещаем.

– Да она мне, товарищ Сталин, и не нужна.

– Георгий Константинович, – после некоторой паузы сказал Сталин, – не могли бы вы поделиться соображениями о том, как будут выглядеть военные события в 1942 году? Подойдите к карте фронтов и конкретизируйте ваши мысли!

– Я, Иосиф Виссарионович, могу это лишь предугадать.

– Начинайте.

– На Северном фланге крупная немецкая группировка войск по-прежнему будет скована хорошо защищающимся в блокаде Ленинградом, так как взятие этого города будет для немцев продолжать оставаться первостепенной задачей. Группа армий центра, после нанесённого им крепкого удара, на время забудет о следующем штурме Москвы, и в текущем году не станет повторять уроки былого. Однако всё это, товарищи, совсем не означает, что противник отказался от своих решительных планов окончательного разгрома СССР. Я предполагаю, что сейчас Гитлер лихорадочно ищет место, где он смог бы в одной, хоть и длительной, военной операции навязать Красной Армии самое решительное сражение. В результате этого сражения он смог бы, как в былые времена, окружить крупную группировку советских войск и уничтожить их, тем самым переломить в боях живую силу вооружённых войск Советского Союза. Затем, вновь ощутив сладость победы, вооружив армии новым оружием и свежими резервами, опять нацелить её на Москву, но теперь уже с иной стороны. Такое место, где враг может это совершить реально и самым существенным образом, есть

направление движения Южной группировки немецких армий группы Юг. Ею командует опытный и талантливый генерал-фельдмаршал фон Рундштедт.

– Товарищ Жуков! – спросил Сталин. – Как мы понимаем, вы говорите о начавшихся сражениях в районе Сталинграда, куда немцы двинули на штурм этого города, наиболее боеспособную и подкреплённую новой техникой и людьми Шестую армию генерал-полковника Паулюса?

– Да, именно там, по моим соображениям, и будут развиваться главные события этого 1942 года, и там немцы предпримут свою окончательную попытку: одним ударом переломить военные события в свою пользу.

– Авантюрный способ, – сказал Сталин.

– Способ из проверенного ими не раз арсенала молниеносной войны!

– Товарищ Жуков, – спросил, взглядываясь в лицо Сталина, Берия, – активность немцев на южном фланге фронта не есть ли попытка фашистского командования ещё одним способом оттянуть наши армейские резервы от Москвы, чтобы сделать её более беззащитной перед новым наступлением германского вермахта на нашу столицу? Не есть ли вся эта затея с немецким наступлением на Сталинград всего лишь их коварным, отлично подготовленным подлым замыслом?

– Наша разведка, – продолжал он, – давно предупреждала о подготовке германским руководством боевых действий группы армий Юг генерал-фельдмаршала Рундштедта. Мы какое-то время этим сообщениям не верили. Не верили, но проверяли! Теперь мы тоже не сомневаемся в том, что Гитлер замахнулся на Сталинград и Северный Кавказ! Георгий Константинович! Сейчас у нас плохо идут дела на юге, и может случиться, что немцы возьмут Сталинград. Не лучше складывается обстановка и на Северном Кавказе.

Подумав, Сталин менее официальным голосом сказал:

– Георгий Константинович! Мы считаем, что для выполнения поставленных задач вам будет нужна большая личная и служебная военная власть и право самому принимать серьезные решения в области ведения боевых операций. В связи с этим наш Государственный Комитет Оборона принял решение назначить вас заместителем Верховного главнокомандующего. С сегодняшнего числа вы, товарищ Жуков, в военных вопросах становитесь вторым человеком после меня. Есть ли у вас какие-либо возражения по этому поводу?

– Какие могут быть возражения? – буркнул Берия. – Получить такое могущество, упавшее, как с неба. Стать вторым человеком после самого Сталина! Да ему и во сне такое никогда не могло присниться.

– Так что скажете, Георгий Константинович? – спросил вновь Сталин.

– Благодарю за доверие. Надеюсь его оправдать работой. Когда вылетать в Сталинград?

– Желательно сегодня же.

– Мне требуются сутки, чтобы изучить обстановку, и я готов буду вылететь в Сталинград!

– Ну вот и хорошо. А вы не голодны о дороги?

– Есть немного.

– Давайте перекусим вдвоём.

Принесли чай и десяток бутербродов. Сталин, отхлёбывая из стакана, сказал:

– В связи с тяжёлой обстановкой в Сталинграде мы приказали срочно перебросить

Первую гвардейскую армию, которой командует Москаленко, в район Лозное, и с утра 2 сентября нанести ею и другими частями Сталинградского фронта контрудар по прорвавшейся к Волге группировке противника и соединиться с 62-ой армией. Там следует принять меры, чтобы вывести в исходные районы 24 и 66 армии, которые вводите в бой незамедлительно, иначе мы потеряем Сталинград! С падением его вражеское командование получает возможность отрезать юг страны от центра. Мы можем потерять Волгу, как важнейшую водную артерию, по которой идёт большой поток грузов с Кавказа. Ваша, товарищ Жуков, главная задача сегодня заключается в следующем: контратаками отвлечь силы немцев от штурма Сталинграда, и, если удастся, ликвидировать немецкий коридор, разделяющий Сталинградский и Юго-Восточный фронты.

– Я ещё в первые дни войны, на Юго-Западном фронте, узнал полковника Москаленко в бытность его командиром противотанковой бригады. Крепкий командир!

– Да, это так. В Сталинграде создалось сложное положение, и вам, товарищ Жуков, следует вылететь туда уже сегодня. Вы свободны. Идите.

Когда Жуков вышел из кабинета, нарком НКВД Берия, отложив в сторону чистый носовой платок, которым шлифовал льдистые стёклышки пенсне, с недоумением спросил:

– Нет, товарищ Сталин, чтобы вы ни говорили, а я никак не пойму вашего пристального внимания к этому грубому солдафону, с умным видом проповедующего общеизвестные истины.

– Да, это так, Лаврентий, ты совершенно прав, тебе этого человека не понять.

– В чём же его особенность? И есть ли она? Да у нас таких генералов – хоть пруд пруди!

– Да, Лаврентий, у меня генералов много всяких и разных. Есть даже очень талантливые полководцы. Но соль дела в том, что каждый из них рассматривает, чаще всего, проводимую ими боевую операцию, как часть собственной карьеры и личных успехов, открывающих им дорогу к особым наградам и персональному благополучию. И лишь Жуков видит свою операцию, как часть общего плана защиты страны, не выделяя её в отдельное личное сражение его фронта, а рассматривая свои действия в гармонии с успехами других фронтов! Я уже не говорю о его, Жукова, природной одарённости талантами полководца. Только наш Жуков видит общую картину войны, которую ему не заслоняют и не сбивают с пути планы ведения операции, исполняемой им в данное время. Понял, нарком?

– Если честно, то нет.

– Не понял ничего? – Хитро прищурился Сталин и добавил, вздохнув: – Может быть это и к лучшему!

Глава 6

До Сталинграда нужно было лететь несколько часов. Жуков сел у круглого самолётного окошка, у откидного столика, обложившись своими записными книжками и гармошками карт южного фронта.

В нагрудном кармане генеральского кителя, в кожаном бумажнике, всегда грея сердце, лежала небольшая фотография молодого Жукова. С картонки, с уже обламывающимися от времени краями, из далекого 1916 года, точно из другого

мира, смотрел молодо и бесстрашно молодой Жуков, так непохожий на сегодняшнего зрелого человека, прильнувшего к иллюминатору.

Не выдержав, Жуков достал бумажник и взглянул на молоденького солдата. С картонки на генерала открыто и прямо глянул вице-унтер-офицер, выпущенный и подготовленный к войне учебной командой, расположенной в украинском городе Изюме, что в Харьковской губернии. Лихо примятая, с модно коротким козырёчком драгунская фуражечка сдвинута на левую бровь. Погоны широкими кантами уходят за края фотографии. Губы унтера крепко сжаты и лобастая голова сидит на развороте плечей гордо и прямо. Во всём круглом славянском лице выражение упрямства и непокорного своеволия. Ковшик ладони, на дне которого лежала фотография, покоился на карте с широко и чётко обведенным красным карандашом названием «Сталинград». В этом времени – между давним снимком к глазами генерала – пролегло не просто 26 минувших лет, а и фронт Первой мировой войны, тяжёлое ранение, конные атаки Гражданской и уверенная поступь по служебным ступеням воинской профессиональной службы в Красной Армии, начиная от командира кавалерийского эскадрона и оканчивая неожиданным сегодняшним назначением на пост заместителя Верховного Главнокомандующего сражающегося СССР.

Из окошка казалось, что самолёт стоит на месте, а земля громадная, выпуклая, поросшая мехом лесов, необъятно неохватная, – медленно разворачивается под крылом ватного облака.

Георгий Константинович глянул из поднебесных высот на весь открывающийся мир земли, не имеющей ни начала ни конца, и вдруг ужаснулся мысли, пришедшей ему: теперь-то он, тот молоденький унтер, поживший, много повидавший и испытавший, волей данной ему судьбы и высшим командованием этой страны и государства, стал не столь могущественнее и сильнее, сколько взял на себя великую ответственность за её честь, свободу и независимость. Отвечает за все неудачи Жуков не перед грозным и беспощадным судом Сталина или Берии, а перед всей великой историей народов, сегодня населяющих СССР. В случае проигрыша полководца Жукова их, предков, месть будет безжалостнее и суровее любого трибунала и продлится тысячелетия...

Жуков и его сопровождение через четыре часа полёта сели на полевою площадку в районе Камышина на Волге.

На командном пункте Первой гвардейской армии Жуков встретился с Москаленко и с командующим Сталинградским фронтом генерал-лейтенантом Горловым. Они произвели на Жукова впечатление людей, знающих силу противника и возможности своих войск. После обсуждения обстановки все пришли к выводу, что подготовить войска к контрудару невозможно ранее 6 сентября. Жуков тут же по ВЧ доложил об этом Верховному. Сталин внимательно выслушал и сказал, что у него возражений нет.

Наступление первой армии было невозможно, так как войска, входящие в её состав, из-за отсутствия горючего растянулись в пути, и к утру 2 сентября не вышли бы в исходные районы. По просьбе командарма Москаленко атака была перенесена на следующий день, о чем Жуков и донес в ставку.

3 сентября 1942 года за подписью Сталина, Жуков получил телеграмму: «...Положение со Сталинградом ухудшилось. Противник находится в трёх верстах от Сталинграда. Сталинград смогут взять сегодня или завтра, если северная группа

войск не окажет немедленную помощь. Потребуйте от командующих войсками, стоящих к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь сталинградцам. Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации осталось очень мало...»

С прорывом на Кавказ Гитлер связывал вовлечение Турции в войну с Советским Союзом, а также подготовку к вторжению на Ближний Восток. Таким образом, главной целью планов 1942 года был Кавказ! Чтобы обезопасить левое крыло своих войск, предназначенных для достижения этой цели, и оказать им содействие в быстром продвижении вперёд, германское командование решило нанести удар на Сталинградском направлении. Директива 41 говорила: попытаться достигнуть Сталинграда или, по крайней мере, подвергнуть его воздействию тяжёлого оружия с тем, чтобы он потерял свое значение как центр военной промышленности и узел коммуникации.

В связи с этими задачами, немецкое командование осуществило намеченное ещё в апреле разделение групп армий Юг на группы «А» и «Б». Овладение Сталинградом Гитлер возложил на Шестую полевую армию генерал-полковника Паулюса и Четвертую танковую армию генерал-полковника Гепнера. Начиная здесь боевые действия, немецкое командование было уверено, что ослабленные предыдущими боями войска Красной Армии тут незначительное сопротивление. Начало сражения за Сталинград подтвердило это. Немцы прорвали фронт на правом фланге 62-ой советской армии, глубоко охватив с севера левый её фланг. Резервов Ставки русских войск в этом районе не было. В войсках был зачитан приказ 227, гласящий: «...Враг бросает на фронт всё новые силы, разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население.

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много населения, и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам. Из этого следует, что пора кончать отступать.

Ни шагу назад! Можем ли мы выдержать удар, а потом и отбросить врага назад? Да, можем, ибо наши фабрики и завод в тылу работает теперь прекрасно, и наш фронт получает всё больше и больше самолётов, танков, артиллерии, минометов. Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности...»

Приказ 227 предписывал «железной рукой» пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны отступать и дальше на восток, что от такого отступления не будет, якобы, вреда. Предписывалось также снимать командующих армиями, командиров дивизий, допустивших самовольный отход войск. Те же меры предлагались принимать и по отношению к комиссарам полков и батальонов за оставление воинами без приказа боевых позиций.

Отступающим без соответствующего на это приказа, грозило не только снятие с должностей и понижение в званиях, а и Военный трибунал с его безжалостным трафаретным наказанием: РАССТРЕЛОМ. С каждым днём обороны Сталинграда положение советских войск становилось всё напряженнее.

23 мая армейская группа «Клейст», наступающая из-под Краматорска, соединилась южнее Балаклеи с частями Шестой армии генерал-полковника Паулюса и перерезала нашим войскам пути отхода на восток за реку Северский Донец. Немцы замкнули окружение большого числа соединений 6-й, 9-й и 57-ой наших армий, часть которых отдельными разрозненными группами выходила из окружения самостоятельно.

– Это, Александр Михайлович, разгром, – сказал Жуков.

– Нет! Нет, Георгий Константинович, – возразил Василевский, – это ещё одно суровое предупреждение судьбы, говорящее о том, что мы ещё не ухватили чёрта за бороду, как думают у нас в Ставке многие!

– Глядя на карту сегодняшних событий, – сказал Жуков, – я не могу забыть, как в моём присутствии Сталин в телефонном разговоре с командующим Тимошенко высказывал серьёзное опасение в отношении краматорской группировки противника. А вечером того дня, я помню, у Верховного состоялся разговор на эту тему с членом Военного Совета Хрущевым, который, как и командующий этого направления, заявил, что опасность со стороны краматорской группы противника преувеличена и нет оснований прекращать операцию. 19 мая Военный Совет Юго-Западного фронта в связи с резко осложнившейся обстановкой, начал принимать меры к отражению ударов противника, но было уже поздно. Тимошенко имел немалые танковые силы и он, используя их, мог более решительно и результативно наступать и отражать атаки врага, но он мало и неэффективно использовал этот род войск...

Глава 7

Жуков, как первый заместитель Верховного Главнокомандующего, в работе по защите Сталинграда действовал совместно с недавно назначенным начальником Генерального штаба Красной Армии генералом Василевским.

12 сентября Жуков и Василевский докладывали Верховному Главнокомандующему Сталину об обстановке на Кавказе и под Сталинградом. Верховный задал вопрос, что нужно фронту чтобы ликвидировать коридор противника и соединиться с Юго-Восточным фронтом?

– Нужно не менее одной армии с крупным усилением, – сказал Жуков.

Сталин не ответил. С задумчивым и сосредоточенным видом водил мундштуком трубки по карте, он углубился в изучение положения фронтов. Не желая ему мешать, Жуков и Василевский отошли в сторону.

– Следует бесперывными атаками наших войск тревожить и долбить вражеские позиции, – сказал Василевский, на что Жуков быстро ответил, почти машинально:

– Надо, Александр Михайлович, искать иное решение...

Жуков сказал это машинально не только потому, что не было паузы для серьёзного обдумывания, это был суммированный сам собой его военный опыт. Опыт, который подтверждал: самый верный и правильный вариант из множества решений – это тот, который выбран из оставшихся после отказа от общепринятых и уже ранее используемых, но не принёсших нужного результата. Сталин вскинул голову:

– Какое иное решение? Вот что, товарищи, идите-ка в Генштаб и там хорошенько подумайте над сказанным. Найдите это иное решение для защиты Сталинграда... Отправляйтесь вместе и думайте. Я буду ждать ваше предложение.

Весь следующий день Жуков и Василевский проработали в Генштабе. Перебрав многие варианты, они сформулировали свои выводы: в наступлении на юге Красная Армия отдавала инициативу немцам, отражая их натиск. Сейчас надо навязать противнику свою волю, но как? Ударить на фланги 6-ой армии? Но это не даст нужных результатов, так как вокруг масса вражеских войск, у которых всегда найдутся резервы для затыкания брешей. Немецкие войска показывают умение воевать и упорство в обороне, что не отличает союзников Германии – итальянцев и румын. Группировка армий врага напоминает острие гигантского клина, в основании которого и находятся эти менее стойкие войска союзников. Сюда и надо ударить!

Вечером 13 сентября Жуков и Василевский снова были в кабинете Сталина с картами и расчетами. Верховный внимательно изучил этот предварительный план, задал много вопросов:

– Хватит ли сил для спланированной большой операции? Не лучше ли ограничиться ударом с севера на юг и с юга на север?

– Иосиф Виссарионович, – ответил Жуков, – это будет не больше чем повторение безуспешных боёв начала сентября. Паулюс и Гот тут же выведут из города часть танковых дивизий и снова парировать наш удар.

Василевский объяснил:

– Предлагаемый план будущей операции предусматривается осуществить в два этапа. На первом – прорыв обороны врага, окружение Сталинградской группировки и создание прочного внешнего фронта обороны, который отразит любые попытки немцев оказать помощь окруженным! На втором этапе – уничтожение окруженных!

Сталин, обдумывая, ходил по кабинету. Резко остановился:

– А сейчас главная задача – удержать Сталинград.

Прощаясь с генералами, стоящими у дверей, Верховный сказал:

– То, что мы здесь сегодня обсуждали, кроме нас троих, никто не должен знать!

...С первых дней своей солдатской службы на войне, с первой минуты, когда вице-унтер-офицер Георгий Жуков, во главе своего конного взвода драгун, вылетел из польской деревушки навстречу атакующим немецким уланам, чтобы схлестнуться с ними в сабельной драке и впервые увидеть, как под бритвенным ударом клинка разваливается пополам человеческое тело, пульсирующее, брызгающее красным соком крови, он почувствовал себя... нет, даже не малым винтиком отлично налаженного и четко работающего военного механизма. Он почувствовал себя песчинкой, несущейся в громадном обвале песчаной волны, в которой он, Жуков, был всего лишь крошечным комочком чего-то живого, одетого в серую шинель, делающую его ничем не отличимым от многих подобных безликих и скроенных на один общий манер. «Серая скотинка из гигантского стада, гонимого на убой». Её обучают, выстраивают и направляют к гибели волей и властью небожителей высших штабов, могущество которых было безгранично. Власть над серой массой всемогуща и безгранична.

Жуков со своими личными воспоминаниям не забывал, что каждая «серая скотина» из миллионных стад в серо-зелёных шинелях считает, что те, из высших штабов, повелением которых вершилась война, которые отправляли на смерть солдат, были в глазах готовившихся к бою не просто людьми, облечёнными особыми властными полномочиями, а некими богоподобными существами, стоящими выше человеческих, нравственных и физических законов существования всего живого на земле.

Бесчувственность и безжалостность, суровая жестокость и механическая планомерность, с которыми эти штабные небожители готовили и осуществляли свои боевые операции, удивляло и потрясало солдатские сердца, впечатывая в них образ чего-то не знающего пощады, каменно-неумолимого, не имеющего никакого отношения к простым человеческим чувствам, живущего лишь одним: неуёмной жаждой победы ценой рек солдатской крови!

Но вот волей судьбы, изощённо ткущим потоком жизни и желаниями властителя страны, зорко отслеживавшего нужных ему для воплощения в реальность своих, иногда многим неясных и непонятных планов, Жуков сам взброшен на небесную высоту небожителя высшего штаба.

Жуков понимал, что если отдельная личная доля одного из бывлых «серых скотов» могла круто измениться, то общая судьба и предназначение всего армейского стада осталась прежней. И теперь он, Жуков, в глазах этой серошинельной массы, есть олицетворение жестокости, воли, своими жёсткими приказами безоговорочно продолжающей посылать солдат на смерть. Борьба с таким пониманием роли и образа высшего военного командования было невозможно, так как это было веками устоявшееся солдатское видение своего Верховного командования, всегда добывающего успех за счёт отваги к мужества своей живой силы, атакующей неприятеля для того, чтобы разменять свои жизни на генеральские победы.

«И потому-то, – думал Жуков, – какими бы полководческими талантами и военными знаниями генералы ни платили за свои победы, они всегда будут в неоплатном долгу перед своими солдатами!»

... Вот почему во всех мемуарах и воспоминаниях генералов и маршалов, описывающих свои встречи с Жуковым, чаще всего эти встречи происходили на повышенных тонах и в конфликтных обстоятельствах. Но читатель никогда не найдёт рассказа простого красноармейца или солдата, сказавшего о том, что полководец его оскорбил или обидел! Также, как нигде не найдёт самовосхваления Жукова, возносящего свои успехи выше других!

Как к заместителю Верховного Главнокомандующего, к Жукову со всех фронтов стекались сообщения о проявлении наиболее яркого и впечатляющего мужества сражающихся войск. Вчитываясь в этот поток рассказов о массовом героизме красноармейцев, Жуков как-то понял, что из поведения серой массы солдат куда-то исчезла ранее разграничительная линия, чётко разделяющая армию на две части. Первую: беспощадно приказывающую, безжалостно повелевающую и не жалеющую солдата, и ими же ненавидимую и незнаемо-далёкую от судьбы и жизни серошинельных масс. И вторую, главную, половину армии: рабски покорную, безропотно и бессознательно подчиняющуюся любым бесчеловечным приказам. Эта вторая часть армии чаще всего действовала неосознанно и безынициативно, не осознавая своего места и роли в процессе изгнания и разгрома чужеземных войск с просторов родной страны. Чем больше и глубже Жуков, осознавал это, погружался в хронику нравственного отношения солдат к войне, чем яснее из этой череды самых невероятных примеров мужества вырисовывалась общая картина поведения армии на фронтах, тем отчётливее для Жукова становилась морально духовная позиция миллионов людей, одетых в серые шинели. При всей их слитности в некую однородную и единообразно действующую, при их одноцветности, вся эта масса сегодня была поразительно монолитна и цельна в проявлении своей любви к Родине и желании

воевать за неё. Хотя и тут, как в каждом святом деле, она не обходилось без подлостей и измен! Как часто сквозь сухую хронику штабных сообщений Жуков видел, как нравственная патриотическая сила подвига была сильнее волевой властной энергии самого грозного и самого безжалостного к войскам военачальника.

Каким приказом можно было в самый критический момент сражения за Сталинград, когда немцы уже вышли к Волге, заставить 33 красноармейца 1309 стрелкового полка с одним на всех противотанковым ружьем, под деревней Малая Россошка, отразить атаку немецких танков? Ради исполнения приказов небожителей такое не делают! Видать, стреляла и подбила из того единственного противотанкового ружья двадцать семь танков, некая большая сила, чем воля командующего, приказавшего не пропустить вражеские машины, рвущиеся освободить окружённые войска немцев в Сталинграде. «Серой скотинке» это не по силам!

...Подготовка разгрома немцев под Сталинградом требовала от основных авторов, готовящих операцию под кодовым названием «Уран», – генерала армии Жукова и генерал-полковника Василевского – максимального напряжения. Уже в начале октября 1942 года Верховный Главнокомандующий подписал карту-план контрнаступления Красной Армии. План предусматривал концентрические удары из района Серафимовича – северо-западнее Сталинграда, и от озер Памца и Барманцак – южнее Сталинграда, в направлении на Калач, с последующим окружением Шестой полевой армии Паулюса и Четвёртой танковой армии, завязших в городе.

Напряженная работа по подготовке операции, проходящая в тайне, требовала частых перелётов в Москву и обратно в Сталинград.

Обычно в таких случаях Жуков входил в корпус транспортного самолёта ИТ-2 и устраивался у одного из иллюминаторов, расстелив на краю крошечного стола документ, необходимый для доклада в Ставке.

Когда самолёт делал прощальный круг над аэродромом, Георгий Константинович видел, как вслед за его самолётом со взлётной полосы стремительно стартовали четыре или шесть боевых красnozвёздных истребителей. По двое или тройками они пристраивались к транспортникам, как его надёжная опора, словно бы под руки вели через сотни километров от разрушаемого немецкими бомбами Сталинграда, в уже мирную и тихую Москву. Точно чем-то спаянная в вышине, эта самолётная связка, под гул моторов, час за часом пронзала облачную муть неба. Иногда в иллюминаторе на отдалении Жуков видел, как параллельным или встречным курсом в облака идут германские бомбардировщики ровными, геометрически выверенными девятками, непоколебимые в своём упорном движении к цели. Увидел он их и в этот полёт. Войдя в кабину пилота, Жуков спросил:

– Отчего это немцы так уверенно идут, словно ничего не боятся?

– А чего им бояться, когда у нас такая нехватка истребителей?

Прилетев в Сталинград, Жуков позвонил командующему военно-воздушных сил Юго-Восточного фронта генералу авиации Хрюкину:

– Тимофей Тимофеевич, в каких именно самолётах мы сейчас испытываем нужду в небе Сталинграда?

– Катастрофическая нехватка истребителей! Нечем отгонять от стен Сталинграда немецкие бомбардировщики!

– Изменит что-либо, если Вы получите шесть истребителей?

– Сколько? Сколько?

- Покамест шесть, но ожидать долго не придётся!
- Шесть, Георгий Константинович, это два звена! Да если ещё к тому же с опытными экипажами – то такому подарку цены нет!
- Завтра же возьмите их из предназначенных для сопровождения моего Ила в Москву!
- Товарищ генерал армии, так это же Ваша охрана!
- Самолёты должны сражаться, а не сопровождать генералов на совещания!

Глава 8

Командующий немецкой группой армий «А» фельдмаршал Лист, вызванный нетерпеливым Гитлером в ставку, доложил:

– Мой фюрер! Выполняя ваши грандиозные планы, моя полевая 17 армия, уничтожая отдельные группы противника в излучине Северского Донца, повернула войска центра и правого крыла к Дону, и достигла его нижнего течения на участке южнее и севернее Ростова, соединившись на севере с 1-ой танковой армией. Войскам армий удалось форсировать Дон. Противник, в отличие от северного участка, оказывает на юге лишь незначительное сопротивление. Тыловые коммуникации наших войск чрезвычайно растянулись, и это уже начало сказываться на их боеспособности. Несмотря на уже принятые меры, подвести в далёкие и обширные нефтяные районы необходимое количество горючего и боеприпасов не удастся, поэтому наступление временно пришлось приостановить. К сожалению, войска группы армий не смогли быстро овладеть ни нефтяным районом Грозного, ни перевалами через Кавказский хребет, несмотря даже на то, что они были почти ничем не защищены. Правда, мой фюрер, одна группа солдат немецких горно-егерских войск поднялась на Эльбрус и водрузила на его вершине наш немецкий флаг! Теперь это боевое, славное знамя развеивается на высоте 5629 метров, но это скорее символический акт, чем тактический.

– Я, фельдмаршал, прикажу усилить армию поступлением новых частей войск, переброшенных из Крыма через Керченский пролив.

– Это необходимо совершить крайне быстро, так как имеющимися у меня силами мы достигнуть намеченных целей не сможем.

– Для помощи, чтобы разобраться в создавшемся положении я, герр Лист, направлю к вам своего наилучшего специалиста по вопросам тактики – начальника штаба оперативного руководства вооруженных сил Германии, полковника Иодля. Он, с присущим ему талантом, разберётся во всех ваших делах и задержках наступления, и предложит свой выход для продолжения наступления. Возвращайтесь к войскам.

Через некоторое время полковник Иодль прислал свой доклад, мало в чём отличающийся от уже сообщённого фюреру фельдмаршалом Листом. Разгневанный пессимистическим выводом доклада, Гитлер обвинил Иодля в сговоре с Листом и в противостоянии его, фюрера, планам. Лист был снят с командования группой армий «А», а на его место назначен генерал-полковник фон Клейст.

Начальник Генштаба сухопутных сил об успехах старался докладывать сам:

– Мой фюрер, наша армия генерала Паулюса, действующая в составе группы армий «Б», встретила упорное сопротивление противника, занимающего хорошо подготовленную оборону по левому берегу Дона. Наступление на Сталинград

приходится вести фронтально, что сказывается на менее благоприятной оперативной обстановке. В первое время потери армии удалось восполнять за счет тех немецких частей, которые обеспечивали левый фланг наступающей группировки, и которых постепенно сменяли прибывшие на их место румынские, итальянские и венгерские войска. Первоначально предполагалось, что до тех пор, пока союзные войска не привыкнут к условиям решения боевых действий на Востоке, в их тылу будут находиться крупные резервы немецких войск. Сегодня нам, мой фюрер, удалось в ходе упорных боев охватить Сталинград с запада и севера, и одновременно, с целью обеспечения фланга, значительно продвинуться между Доном и Волгой – на север. Здесь мы заняли оборону на рубеже Дубровка, Кочалино, в результате чего наш противник лишён возможности оказывать с севера какое-либо влияние на ход боёв за городом. Часть войск 4-й танковой армии, совместно с румынскими частями, приблизились к городу с юга и взяли его в клещи. Началась ожесточённая борьба за улицы и площади Сталинграда, и сколько она будет продолжаться – никто не знает. Потери сторон огромны. Боюсь, мой фюрер, что наша Великая Германия, в ходе развернувшихся в степях под Сталинградом сражений, не в состоянии восполнить людские потери.

– Нужны новые решения, чтобы повлиять на события, – сказал Гитлер. – Для этого в первую очередь необходимы новые люди с их новым пониманием сегодняшнего положения. Я вскоре отдам распоряжение о том, чтобы кадровой политикой в армии занимались те, кто способен умно делать это, руководствуясь лишь интересами войны и рейха. Я прикажу изъять право распоряжаться кадровыми назначениями из компетенции Начальника Генштаба, как это было ещё при Гальдере, и передать это право моему главному адъютанту генерал-лейтенанту Шмунду. Я думаю, что таким образом я лучше обеспечу своё влияние на решение любых вопросов, связанных с войной и людьми, делающими её.

– Станный парадокс, – гневно продолжал Гитлер, – мои армии взяли вражеский город в железные тиски! Мои танки разъезжают по его улицам, а мои солдаты их государственные учреждения превращают в общественные туалеты. При этом сказать, что мы уже завоевали этот город, я до сих пор не могу! Господа! Мы слишком много, может быть, даже излишне много, поставили на карту овладения Сталинградом, и эта задача будет обязательно выполнена. Но при условии, что не только каждый из нас на своем посту будет работать на победу, но и все наши военные ведомства и отделы внесут в это великое событие свой вклад, Я вижу здесь начальника разведывательного отдела иностранных армий – полковника Гелена. Захват и эксплуатация нефтепромыслов Северного Кавказа становится главной нашей военной операцией на юге. Я, герр Гелен, хотел бы знать о вкладе в это дело агентов разведывательного отдела «иностранные армии – Восток», созданного при Генеральном штабе Вермахта. Как руководитель отдела, что вы можете сказать нам об его успехах? Для вашей успешной деятельности Великая Германия не жалеет ни крупных средств, ни своих лучших людей!

– Оставив нам, разведчикам, – подхватил полковник, – всего лишь одну единственную возможность доказать необходимость Германии иметь и содержать нас: демонстрацию личного мужества наших агентов и продуманности разведывательных операций.

– Хотелось бы знать и об их успехах, – потребовал фюрер.

– Мой фюрер, в своей деятельности, во имя и блага рейха, мы большую ставку делаем на вербовочную работу среди советских военнопленных. Мы организуем так называемые «специальные группы исследователей». Эти группы уже отобраны из массы пленных, несколько тысяч будущих наших агентов, подходящих под гриф «возможных». После тщательной проверки и перепроверки, пропагандистской промывки мозгов, все отобранные нами будут переведены в лагеря, где они будут содержаться в гораздо лучших условиях, в качестве «вероятных». Мой фюрер! На территории, занятой нашими войсками, мы организовали 60 школ по ускоренной подготовке агентов, засылаемых далее в ряды и расположения Красной Армии или в советскую промышленность.

Гитлер требовательно постучал карандашом по доске стола:

– Вы нам об этом недавно сообщили! Сегодня, герр Гелен, нужны, как никогда, конкретные дела! Что Вы сделали для захвата Сталинграда и Кавказа?

– Наш агент из военнопленных Манишков, оказавшийся бывшим видным партийным офицером, внедрённый нами на военно-партийную работу в аппарат Государственного Комитета обороны СССР, лично мною проинспектированный перед заброской в Москву, недавно сообщил, что на заседании Совета и Политбюро маршал Шапошников заявил, что Красная Армия будет отступать к Волге, что вынудит немцев зимовать в этом районе. При отступлении же всё будет уничтожаться, а промышленные предприятия эвакуироваться на Урал и в Сибирь.

Он же сообщает, что английский представитель обратился к советскому руководству с просьбой о направлении помощи в Египет, но получил ответ, что советские мобилизационные резервы не столь велики, как это представляют союзники. Наш агент сообщает, что для облегчения положения под Сталинградом Ставка намечает два отвлекающих удара на участках: севернее Орла и севернее Воронежа.

– Это весьма ценные сведения, – буркнул Гитлер, – мы учтём их в своих планах. – Цейцлер! – повернулся он к начальнику Генштаба. – Для того, чтобы вырвать нашу мужественную Шестую армию Паулюса из советских «клещей», я послал Четвёртую танковую армию с задачей прорвать русский фронт и соединиться с осаждёнными, после чего с боями вывести их из этого проклятого котла, спутавшего все наши прекрасные планы. Где же и что делают танки 4-ой армии?

– Передовые экипажи танков этой армии передают, что уже слышат артиллерийскую стрельбу в котле, но преодолеть оставшееся расстояние до осаждённых не могут из-за частых контратак русских.

– Герр Цейцлер, что вы, как новый начальник Генштаба, предлагаете в данном положении?

– По моему мнению, мой фюрер, для 6-ой армии и генерала Паулюса есть один единственный выход: несмотря ни на что, прорываться с боем из окружения советских войск!

– Интересное предложение, – хмыкнул Гитлер. – Ответьте, Цейцлер, на сколько хватит горючего у Шестой армии?

– Мой фюрер, горючего ей хватит для того, чтобы преодолеть самое большее 30 километров.

– А дальше? Разве непонятно, что, потеряв маневренность, армия будет уничтожена?

- Но есть какой-то шанс спасти небольшую часть еще боеспособных войск.
- Более чем грустное утешение!
- Фюрер, это реальность!
- Где обещанные Герингом воздушные переброски боеприпасов и продовольствия?
- Они идут, но из обещанных Герингом 500 тонн груза в день, транспортные самолёты в состоянии перебросить лишь чуть больше 100 тонн. Да и те не всегда достаются осаждённым.
- Обстановка складывается так, – в странной, несвойственной ему задумчивости проговорил Гитлер, – что возможность оказания помощи нашей Сталинградской группировке с суши исключена. Мы предоставили судьбу Шестой армии нашему воздушному флоту, но и он ей помочь не в состоянии. Таким образом, герр Цейцлер, нам всем остается уповать лишь на господа Бога...
- Мой фюрер, – добавил начальник Генштаба, – и на пока ещё действующие два аэродрома в районе Тацинской и Морозовской.
- Немного для утешения. Но что мы скажем народу Германии? Господа, кто мне скажет, что там, в Сталинграде, делает наш старый знакомый ещё по Москве?
- О ком вы, мой фюрер? – Спросил Цейцлер.
- О генерале Жукове.
- Его активность поражает. Он исполняет обязанности Представителя Ставки и координирует взаимодействие фронтов, чёткое выполнение боевых операций, в разработке которых он оказался большим мастером. Нашему бедственному положению в Сталинграде мы целиком и полностью обязаны, главным образом, ему.
- Если это так на самом деле, – сказал Гитлер, – то мы с вами совершили глубочайшую ошибку, дав возможность этому русскому генералу разбить нас под Москвой. Если мы не разобьём его под Сталинградом, то, боюсь, нам ещё не раз придётся об этом пожалеть!

Глава 9

Жуков легковой автомашиной днём возвращался с совещания в штабе Сталинградского фронта. В попутчиках у него был журналист армейской газеты, попросивший подбросить его в центр города к артиллеристам знаменитой зенитной батареи. Ведомая опытными руками шофера «эмка», окрашенная маскировочными пятнами, неспешно катилась по улице между кирпичных стен обрушенных и выжженных дотла пустых коробок городских зданий, заштрихованных косыми летящими нитями снегопада,

Из-за Волги непрерывно била советская крупнокалиберная артиллерия, в ответ немцы посылали свои мины. Недавно этот квартал ещё занимали немецкие гренадеры, но их выбили. С выпуклого серого стекла неба только что сползла тройка русских бомбардировщиков, бомбами помогавшая пехоте вышибать фрицев из квартала. Побитая снарядами городская мостовая чернела воронками, шофёр старательно объезжал груды битого кирпича, поваленные телеграфные столбы, расплюснутые танками и автомашинами чемоданы и корзинки с набитыми в них одеждой и бельем.

Миновал угол разбомбленного дома, автомашина резко остановилась, – поперек

её пути, на проезжей части, лежал труп немецкого офицера. Пытаясь его объехать, эмка задними колесами соскользнула в глубокую колдобину и забуксовала.

– Приехали, мать твою, – выругался шофёр, – теперь пока его не оттянем в сторонку, – глину колесами месить. Товарищи офицеры, подтолкните дружно!

– Вылезаем! – приказал Жуков.

– Как это они своего офицера бросили? – удивился журналист. – На немцев не похоже.

– Хоронить-то у них негде, – уточнил Жуков, – а вывозить трупы самолётами они уже давно перестали. Как только в зоне их аэродромов мы начали барражировать своими истребителями и усилили противовоздушную оборону, немцы поняли, что места в самолёте лучше отдавать живым.

– Драпает в первую очередь их начальство, – добавил шофёр, – места в самолётах покупает взятками и начальственными записками.

– Пожалуйста, – попросил Жуков журналиста, – дайте мне его документы.

Журналист вытащил из нагрудного кармана немецкого кителя кожаный бумажник и, раскрыв его, высыпал себе под ноги какие-то фотографии и письма, нашёл там твердый квадрат офицерской книжки и протянул Жукову. Раскрыв её, он с сожалением проговорил:

– Жаль, что я не знаю немецкий.

– Я знаю, – сказал журналист, – что вам перевести?

– Кто он такой?

– Обер-лейтенант 129-го гренадерского полка, пятой дивизии, шестой армии Эрих Плинер.

Жуков, разглядывая документ, выронил какую-то бумажку, заложенную между страничек офицерской книжки.

– А это что?

Журналист развернул сложенный вдвое листок и прочел:

«Памятка поведения германского солдата на востоке...»

– Прочтите.

– «Помни и выполняй:

1. Нет нервов, сердца, жалости, – ты сделан из немецкого железа. После войны ты обретешь новую душу, ясное сердце для детей твоих, для жены, для Великой Германии, а сейчас действуй решительно, без колебаний.

2. У тебя нет сердца, нервов, – на войне они не нужны. Уничтожь жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой женщина или старик, девочка или мальчик. Убивай, этим ты спасешь себя от гибели. Обеспечишь будущее своей семье и прославишься на веки.

3. <...> Ни одна мировая сила не устоит перед германским напором, мы поставим на колени весь мир».

– Все, товарищ генерал армии, – ошарашено проговорил журналист, – даже, ей Богу, не верится, что и этот, такой красивый человеческий экземпляр, из той же стаи людоедов, без нервов и сердца.

– Они ему уже не понадобятся и после войны, – тихо проговорил Жуков, – жаль такого молодого парня, что ему пришлось умереть без сердца и души. Возьмёмся за него и оттянем в сторону на обочину, чтобы больше не мешал.

– Да, – согласился журналист. – Но, товарищ генерал армии, взгляните в него:

каков великолепный экземпляр пресловутого Белокурого Арийца – тевтонского рыцаря!

В жидкой дорожной слякоти, вольно разбросав мощные руки и ноги, лежал на спине, выброшенный взрывом бомбы или снаряда из амбразур окна, громадного, богатырского роста и сложения немецкий офицер. На его разбитые стёкла в позолоченной оправе свежий снег уже насыпал небольшие сугробики. Мёртвая рука в порванной перчатке как бы ещё тянулась к отброшенному в сторону чёрному автомату. На овчинной безрукавке желтел отличной кожей нагрудный патронташ для трёх автоматных рожков, а за поясом торчали две ручные гранаты «калатушки» – с длинными деревянными ручками. Подошвы хромовых, некогда изящно и красиво скроенных офицерских сапог, были подвязаны цветным немецким телефонным проводом. Глубокая стальная каска ещё держалась на подбородочном ремешке, и ветер трепал белокурые волосы, перемешивая их с сединой крупяного снега. На новеньком мундире, через шею, на муаровой ленте висел чёрный Рыцарский Крест первой степени, по краям светящийся тонким кантом нечернёной стали.

Смерть не изуродовала молодое лицо офицера, а как бы алебастрово и скульптурно сохранила то выражение вдохновенного восторга возглавляющего атаку бойца, с криком ярости первым выскочившего из оконного проёма, возможно, прямо в середину огненного куста снарядного взрыва, выросшего прямо перед взором этого храброго немца. Германский офицер навзничь лежал на липкой плёнке дорожной грязи, как поверженная скульптура – колосс какого-то искусного скульптора, попытавшегося в своей работе воплотить образ сражающегося солдата и символ мужской военной красоты, рожденной вдохновением и упоением атаки жестокого боя. Скрюченная, похожая на паука, кисть офицера зарылась в пористый, окровавленный снег. На ней виднелся, присыпанный снегом, крупный, литой стали, перстень «Мёртвая Голова», – символ принадлежности к наиболее стойкому и жестокому военному ордену немецких войск СС.

Шофёр подошёл к телу офицера, ногой перекатил его со спины на живот и, ухватив за ногу, потащил с дороги.

– Что ты делаешь? – с возмущением воскликнул Жуков, – побойся Бога! Это тоже человек, а ты его мордой по дороге!

– Он, товарищ генерал армии, и при жизни не был человеком! Зверьё!

– Пожалей хоть как солдата. По всему знатный был боец! А зверем его умело сделали – вынули сердце и разрешили убивать детей и стриков. Но, как солдат, он достоин человеческого обращения.

Глава 10

13 ноября 1942 года в кабинете Сталина в последний раз обсуждались детали предстоящего контрнаступления.

– Кто из вас, – спросил Верховный, обратившись к авторам предстоящей операции Жукову и Василевскому, – возьмётся за выполнение этого замысла?

– Сталинградская операция во всех отношениях уже подготовлена, – ответил Жуков. – Василевский может взять на себя координацию действий войск в районе Сталинграда, а я подготовку наступления Калининского и Западных фронтов.

Сталин согласился, но всё-таки вновь послал Жукова в Сталинград ещё раз

проверить готовность к наступлению.

В назначенный день, под великий гром артиллерийской подготовки, войска, оборонявшие Сталинград, перешли в наступление. Жуков к тому времени уже был в другом месте, координируя действия Калининского и Западных фронтов, пытаясь срезать Ржевский выступ. Задуманное в полном объеме не получилось, но зато на юг к Сталинграду от немецких войск отсюда не была переброшена ни одна дивизия.

...Подходя в своём повествовании ко времени исторических событий 1942-43 годов под Сталинградом, событий, многократно описанных в документальной и художественной литературе, обросших легендами и домыслами, автор полагает, что настал момент обратиться к книге «Мировая война» и к главе «Гибель Шестой армии». Эта глава создана коллективными усилиями германских генералов, сумевших донести до нас как бесспорное воинское мастерство советского командования, так и героическое сопротивление германских солдат и офицеров, своим несомненным мужеством делающих всё, чтобы избежать разгрома и победить трагически складывающиеся обстоятельства. Обстоятельства, чаще всего рожденные авантюризмом и полководческой несостоятельностью фюрера. Богатую событиями, но растянутую главу, к сожалению, придется пересказывать сокращенно.

...Левый фланг немецкой группировки, действующей на Сталинградском направлении, находился, в основном, за Доном и прикрывался армиями союзников. 3-я румынская армия оборонялась несколько восточнее других войск союзников и примыкала своим правым флангом к немецким войскам между Волгой и Доном. Западнее румынской армии действовала 8-я итальянская армия, имевшая в своем составе 10 дивизий. Она обороняла участок до Нижней Калиты. Далее, на северо-запад, оборону занимали 20 дивизий 2-ой венгерской армии. Собственно говоря, этих 30 дивизий должно было хватить для удержания 400-километрового фронта. Однако, несмотря на все усилия, достаточно укрепить боевую мощь союзных войск не удалось. Они всё ещё имели небольшое количество современной артиллерии и противотанковых средств, не хватало им и средств связи. К тому же, большинство дивизий союзников не имело почти никакого опыта боевых действий в крупных операциях, а у их командования не было соответствующих навыков для организации чёткого взаимодействия родов войск. С большим опасением командование группы армий «Б» ожидало того момента, когда войска этого фронта должны будут отражать предполагавшееся крупное наступление русских. Оно делало все возможное, чтобы усилить эти войска в огневом отношении, в особенности противотанковой и зенитной артиллерией, надеясь тем самым не допустить паники в войсках союзников, которая могла возникнуть во время танковых ударов противника

Вскоре русские начали разворачивать свои силы для наступления. Немцы, разумеется, знали о подготовке этого наступления, но ничем не могли его задержать, так как вся их авиация была занята под Сталинградом. Под руководством генерала Василевского, русские создали две ударные группировки: Донской фронт под командованием генерала Рокоссовского на плацдарме в районе Кременской, и Сталинградский фронт под командованием генерала Еременко. 19 ноября эти две ударные группировки перешли в наступление против войск 3-ей румынской армии на севере и войск 4-ой румынской армии на юге. Одновременно, в районе между

Волгой и Доном, перешло в наступление около 20 русских стрелковых дивизий, несколько танковых и моторизованных бригад с целью сковать здесь основные силы немцев. Обе ударные группировки быстро прорвали оборону румынских войск. Один немецкий танковый корпус, неполного состава, находившийся в резерве позади румынской армии, бросился навстречу русским, но его сил было недостаточно даже для того, чтобы остановить их, уже успевших глубоко вклиниться в расположение румын. Кроме того, момент для контрудара командующим корпусом был выбран не совсем удачно.

Шестая немецкая армия генерал-полковника Паулюса, почувствовав опасность в своем тылу, немедленно направила все свободные силы против левого фланга прорвавшихся русских войск. Но её усилия оказались напрасными: одновременно был прорван фронт 4-й румынской армии на юге. 22 ноября Шестая армия оказалась в кольце.

Образовался громадный котёл, в который попали штабы пяти корпусов с основными силами Шестой армии, 6 пехотных, 3 танковых, 3 моторизованных дивизии. Помимо того, в окружение попали одна зенитно-артиллерийская дивизия и большое число армейских частей, части резерва главного командования, а также части 1-ой румынской армии, 1-я румынская пехотная дивизия, и 100-й хорватский полк.

Командующий Шестой армией генерал-полковник Паулюс и большое число командиров окруженных корпусов, а также начальник генерального штаба считали, что из создавшейся обстановки необходимо сделать соответствующие выводы и немедленно осуществить прорыв на запад, чтобы спасти соединения, которые ещё оставались достаточно сильными и боеспособными. Само собой, это решение было бы связано с большим риском, так как горючее и боеприпасы в Сталинграде были на исходе. К тому же войска не имели зимнего обмундирования. Попытка прорыва могла привести к тому, что войска, оставив удобные для обороны позиции в городе и его окрестностях, не имея достаточных средств передвижения и боеприпасов, сделались бы в условиях суровой русской зимы лёгкой добычей превосходящих сил противника. Не лучше ли было сначала укрепить свою оборону в городе и ждать обещанной помощи извне?

Гитлер долго колебался. Однако, получив обещание Геринга снабжать армию Паулюса по воздуху, Гитлер, видящий в самом факте сдачи Сталинграда подрыв престижа Германии, сразу же принял решение. Армия получила приказ удерживать Сталинград до конца, было обещано, что будут приняты все меры к её ежедневному обеспечению и своевременному выводу из окружения.

Когда русские начали охват германской группировки у Сталинграда, немцам пришлось часть войск отвести на запад и на юг, для создания круговой обороны. Резервов для этого почти не имелось, поэтому были наскоро сформированы подразделения из обозов, тыловых частей, штабов и так далее. Окружённые войска занимали район протяжённостью до 40 км с северо-востока на запад и до 20 км с севера на юг. В центре располагался аэродром, имевший решающее значение для снабжения немецких войск по воздуху. В первое время он был почти недосыгаем для огня русской артиллерии.

Завершив прорыв, русские вышли на оперативный простор. Они имели возможность, закрыв фланги, направить часть сил на юг, в тыл войскам группы армий «А». Это было, конечно, рискованно, но обещало быстрый и крупный успех. Могли

также повернуть и на запад, чтобы ударом во фланг смять оборону немецко-румынского фронта на Дону и выйти к Северскому Донцу, чтобы затем перерезать пути отхода войск группы армий «А».

Чтобы освободить войска, окруженные в Сталинграде, а на это теперь были направлены все мероприятия немецкого командования, необходимо было в первую очередь собрать воедино разрозненные остатки войск, действующих в промежутке между итальянской армией и группой армий. Для этой цели была создана группа армий Дон под командованием фельдмаршала фон Манштейна. Ему были подчинены все части, находящиеся между Элистой (Степной) в калмыцких степях и правым флангом итальянской армии, а также все новые силы, направляемые в этот район.

Войска, переброшенные с Кавказа и с других участков Восточного фронта и приданные группе Дон, сосредоточились в районе Котельниково. Они были переподчинены Четвёртой танковой армии генерал-полковника Гота, которая к 10 декабря создала ударную группировку в составе 4 танковых, 1 пехотной и 3 авиационных дивизий. Эта ударная группа перешла в наступление вдоль железной дороги Сальск – Сталинград.

Обстановка в котле, несмотря на отдельные осложнения, была довольно сносная, значительно хуже обстояло дело со снабжением. Несмотря на все усилия авиации и на самоотверженные действия лётного состава, иметь востребованных Паулюсом и обещанных Герингом 500 тонн груза за день не удавалось. Нормы питания в Котле пришлось сократить, а боеприпасы расходовать более экономно. Запасы горючего постоянно уменьшались, в результате чего сокращалась и подвижность войск. Для танков и самоходок горючего оставалось лишь на 30-40 км пути.

Наступление танковой Четвёртой армии, несмотря на неблагоприятные погодные условия и частые контратаки русских, развивалось вначале довольно успешно. 31 декабря передовые танковые части подошли к окруженным в Сталинграде войскам на 50 км. Танкисты уже слышали артиллерийскую стрельбу в котле. Казалось, что окруженные войска вот-вот будут освобождены. Однако новое контрнаступление русских войск положило конец продвижению Четвёртой танковой армии – её наступательные возможности иссякли.

Тем временем 16 февраля русские войска перешли в наступление на фронте итальянской армии и после непродолжительных боев разорвали его. Армия была вынуждена начать отход, превратившийся местами в настоящее бегство. Несмотря на сопротивление отдельных частей и соединений, армия очень скоро оказалась расколотой на части и стала отступать в панике на запад. В немецком фронте появилась новая брешь шириной, примерно, до 100 км.

Одновременно с итальянской армией, сильным ударам подверглась также и группа армий Дон. В этой обстановке фельдмаршалу Манштейну ничего не оставалось, как прекратить наступление своей танковой группировки, не имевшей перспективы на успех, и за счёт неё укрепить свой фронт и обеспечить его северный фланг.

Генерал-полковник Паулюс, через посылаемых им офицеров связи, неоднократно сообщал об отчаянном положении Шестой армии. Но теперь, несмотря на все старания, ни главное командование сухопутных сил, ни командование военно-воздушных сил не были в состоянии помочь окруженным войскам. В качестве реальной поддержки Паулюса и его войск фюрер сообщил генерал-полковнику, что ему присваивается звание генерал-фельдмаршал.

Оказание помощи раненым наталкивалось на всё возрастающие трудности. Воздушного транспорта явно не хватало на то, чтобы эвакуировать больных и раненых. К тому же увеличилось число обмороженных, так как войска не имели тёплого зимнего обмундирования. Отсутствовали помещения, пригодные для госпиталей. Морозы и недостаточное питание вызывали дополнительное число жертв. Вследствие плохого питания и трудных условий, физическое состояние даже здоровых солдат и офицеров быстро ухудшалось, а воля их к сопротивлению уменьшалась.

13 января командующий одним из русских фронтов, генерал Рокоссовский, направил Паулюсу первое предложение о капитуляции. Оно было отклонено, и тогда русские снова перешли в наступление яростью мощной артиллерийской подготовки. Введя в бой большое количество танков, русские концентрическими ударами с севера, Запада и юга начали сжимать кольцо окружения. Они захватывали один аэродром за другим, вследствие чего снабжение войск ещё больше сократилось. Норма была ещё понижена до 200 грамм в сутки. Немцы ещё могли бороться несколько дней, пока у них окончательно не иссякнет и продовольствие, и боеприпасы.

Сжатые на небольшом пространстве, раздробленные на отдельные небольшие группы, остатки Шестой армии закончили своё существование в последних числах февраля 1943 года. 30 февраля фельдмаршал Паулюс подписал акт о капитуляции.

Германия не просто проиграла битву, она потеряла испытанную в боях армию, она потеряла ту славу, которую обрела в начале войны, и которая начала меркнуть ещё в боях под Москвой 1941 года. Это была потеря, которая в самом скором времени должна была исключительно отрицательно повлиять на весь ход войны и, в первую очередь, поколебать внешнеполитические позиции Германии.

Глава 11

Немецкие генералы, сделавшиеся историками, вероятно до сих пор мучаются неразгаданными тайнами причин Утерянных Сражений. Разбираясь в несчастном для них военном Прошлом, в своей немецкой истории былого, они свою генеральскую неутраченную горечь пытаются, сохраняя честь мундира, упрятать за предельную объективность излагаемых событий. Неназойливо и со знанием дела раскрывают потаённый механизм назревающей военной катастрофы, рождаемой повысившимся военным мастерством советского командования и обеспечением русских войск тяжёлым вооружением, что легко и ясно читается в последующих главах их исторического труда: «Мировая война 1939-45 годов».

... В то время, как битва под Сталинградом приближалась к своему финалу, а созданный немцами с большим трудом Южный фронт – от слияния Северского Донца с Доном до Воронежа, – едва сдерживал мощные удары русских, войска группы армий «А» фельдмаршала фон Клейста всё ещё стояли под Новороссийском, у Майкопа и в районе Моздока. Гитлер всё ещё не мог собраться с духом и, исходя из обстановки, сложившейся в Большой излучине Дона, принять, наконец, решение на отвод с Кавказа Первой танковой армии и полевой 177 армии группы армий «А». Ослабленная передачей части своих сил на другие фронты, эта группа армий попала в такое положение, при котором и она легко могла попасть в окружение. Когда угроза окружения оказалась совершенно реальной Гитлер, наконец, решился отдать приказ на отход.

4 января 1943 года, после начала наступления советских войск, между Северским Донцом в районе Ворошиловграда, и левым флангом 2-ой армии южнее Воронежа, образовалась огромная брешь, в которой остались одинокие очаги немецкого сопротивления. Сил закрыть эту брешь, немцы не имели. Итог, который немецкому командованию пришлось подводить на этом участке фронта, был поистине ужасен. За 14 дней советского наступления группа армий «Б» была почти полностью разгромлена. Вторая армия оказалась сильно потрепанной, к тому же она в процессе боёв потеряла основную массу своей боевой техники. 2-я венгерская армия была почти вся разгромлена, уничтожена. Из 8-ой армии спаслась лишь часть корпуса альпийских стрелков, от остальных частей и соединений уцелели жалкие остатки. Из числа немецких войск, действующих в полосе 8-ой итальянской армии, остались потрепанные остатки нескольких немецких дивизий, которым удалось спастись за рекой Оскол.

Первого февраля 1943 года радиостанция Ставки фюрера Германии Гитлера в Восточной Пруссии – Растенбурге – перехватила правительственное сообщение Советского Союза. Ликующий торжеством, наполненный счастливым волнением голос диктора сообщил о том, что 30 января 1943 года, в окруженном советскими войсками Сталинграде, в подвале универмага, сдался в плен со всем штабом только что произведенный фюрером в генерал-фельдмаршалы командующий Шестой немецкой армией Фридрих Паулюс. Тот самый Паулюс, который ещё в начале 1942 года получил боевое задание Гитлера: «Штурмом овладеть Сталинградом»...

Обычно, по распоряжению фюрера, ставка «Волчьего логова» в 12 часов дня начинала свою работу с обсуждения военного положения за истекшие сутки. Все речи и выступления фюрера со всеми его замечаниями и предложениями тотчас же записывались стенографистами.

История сохранили страницы совещания 1 февраля 1943 года, над которым витал дух переживающего сообщения из праздничной Москвы.

– Нет, господа, – буркнул кто-то из германских генералов, – тут что-то не так... Немецкие фельдмаршалы просто так не капитулируют!

– Они сдались по всем правилам, – сказал Гитлер. – Можно было бы поступить иначе: сплотиться, образовать круговую оборону, оставив последний патрон для себя. Если представить, что у одной женщины достаточно гордости, чтобы, услышав несколько оскорбительных слов, выйти, запереться у себя и немедленно застрелиться, то я не испытываю уважения к солдату, который в страхе отступает и предпочитает сдаться в плен.

Начальник Генштаба сухопутных войск генерал-полковник Цейцлер покачал головой:

– Я тоже не могу этого понять. Я всё ещё думаю, что может это не так, что он, Паулюс, возможно, лежит там тяжело раненный?

– Нет, это не так, – объяснил фюрер. – Они немедленно будут отправлены в Москву, предстанут перед ГПУ и их принудят отдать приказ, чтобы северная часть Котла также сдалась в плен. Шмидт всё подпишет. Кто не имеет мужества ступить на путь, на который в конце концов ступит каждый человек, тот не имеет также силы противостоять этому. Он попадает в душевный транс. У нас слишком много развилось интеллектуалов и слишком мала твердость характера.

– Это, мой фюрер, нечто такое, что совершенно непостижимо, – согласился

Цейцлер.

– Но первое подозрение у меня возникло раньше, – сказал фюрер. – Это было когда он запрашивал, что ему теперь делать? Как он мог делать такой запрос? Следовательно, в будущем каждый раз, если какая-либо крепость будет осаждена и начальники гарнизонов получают требования о капитуляции, он первым делом станет спрашивать: «Что ему теперь делать?»

– Тут нет никаких оправданий! Он обязан был далее застрелиться, как только почувствовал, что нервы могут отказать...

Гитлер гневно сверкнул глазами:

– В эту войну больше никто не получит звания фельдмаршала! Всё это будет сделано только после окончания войны! Пока же, господа, я могу сказать со всей уверенностью, что война не окончена, она продолжается, и одному Господу и вашему фюреру известно, чем закончится! Великая Германия не оставит своих намерений стереть с карты мира этот СССР.

Первого февраля 1943 года в ставке Гитлера состоялось секретное совещание высшего командного состава немецкого вермахта. После внушительного, остроаналитического доклада начальника штаба Верховного Главнокомандования Германии фельдмаршала Вильгельма Кейтеля, главной задачей вермахта для победы на германо-советском фронте было принято решение: «Немедленное и неуклонное восстановление гигантских потерь в людях и боевой технике».

В подтверждение этой, как поняли все присутствующие, главной стратегической задачи, фельдмаршал предоставил слово начальнику Экономического Отдела генералу Томасу. Тот сделал следующее заявление: потери немцев в технике, в результате только одной Сталинградской катастрофы, равнозначны количеству боевой техники 45 дивизий всех родов войск, и равны потерям за весь предыдущий период боев на немецко-советском фронте.

– Действительные, – подчеркнул своё определение докладчик значительным повышением голоса, заставившего пробежать шепоток по генеральским рядам, – действительные потери нашего вермахта только в танках и автомашинах – шестимесячное производство страны. В артиллерии – трёхмесячное, четырёхмесячное – в стрелковом, девятимесячное – в миномётном оружии. Господа, в этой гигантской битве, длившейся 200 дней и ночей, Германия и её союзные войска потеряли одну четвёртую часть численности армий. Общие потери убитыми, пленными и пропавшими без вести составляют 1,5 миллиона человек, до двух тысяч танков и штурмовых орудий, более 10 тысяч орудий и миномётов, более трёх тысяч боевых и транспортных самолётов и свыше 70 тысяч автомашин. Германский вермахт полностью лишился 33 дивизий и трёх бригад. В русский плен попало 2500 офицеров и 24 генерала.

– Господа, – внимательно выслушав доклад фельдмаршала, Гитлер вдруг проговорил с театральным пафосом. – Несмотря на всю трагичность произошедшего мы, германские офицеры, в сегодняшнем мире, поражённом разъедающим рыцарство германского солдата материализмом, обязаны, как воины, ещё сохраняющие благородство, присущее рыцарским поединкам, даже понеся поражение, признать высшее качество военного мастерства, с которой была проведена русская операция. Известно, кто непосредственно вложил в неё свой полководческий гений?!

– Над разработкой операции, мой фюрер, – сказал начальник военной разведки

адмирал Канарис, – работала вся советская ставка их Верховного Главнокомандующего Сталина. Но сама операция была озарена полководческим талантам двух русских генералов, ставших истинными авторами плана окружения и разгрома наших войск под Сталинградом.

– Кто они!

– Это начальник Генерального штаба Красной Армии генерал-полковник Василевский и сегодняшний первый заместитель наркома обороны СССР генерал армии Жуков.

Вечером того же дня, верный и многолетний камердинер Гитлера, помогая своему господину раздеться на ночь, неодобрительно проговорил:

– Мой фюрер, мне известно, что вы сегодня на совещании в Рейхсканцелярии преподали нашим твердолобым генералам преотличный урок понимания офицерской порядочности и солдатской чести. И то, что эти качества не есть личное их достояние. Они должны, безоговорочно и вечно, от начала и до конца, целиком и полностью принадлежать лишь одной нашей великой Германии. Странно, мой фюрер, что такую простую и прекрасную истину необходимо напоминать людям, выбравшим свой жизненный путь – защищать свою немецкую родину!

– У предателей, мой добрый Линке, нет родины в нашем с тобой понимании. У них слишком короткая память на то, что им было предоставлено фюрером!

– Говорят, мой фюрер, ваша речь о том, что лучше самому застрелиться, чем живым попасть в руки русских варваров, ошеломила и заставила крепко задуматься многих. Однако, господин Гитлер, мне кажется, что было преждевременно и недостаточно логично при этом упоминать себя.

– Линке, это хорошо, что ты затеял такой разговор. Я сегодня перед ними так выступил не безрассудно. Меня подтолкнуло к этому размышления о Сталинградских событиях: они могут оказаться, к сожалению, не последними на трудной дороге к германской Победе... Герр Линке, я вам приказываю буквально завтра связаться с рейхсминистром государственной безопасности Генрихом Гиммлером и передать ему мое требование: обеспечить фюрера на всякий случай нашей сегодняшней непредсказуемой жизни двумя-тремя малыми стеклянными ампулами быстродействующего смертельного яда! Это такие очень хрупкие, из тонкого стекла крошечные палочки: кладешь между зубов, стискиваешь... Хруст! И ты не обязан отвечать никому и ни на какие вопросы! Спокойной ночи, мой, верный Линке.

– Спокойной ночи, мой фюрер! Странно как получается: два примитивных русских недочеловека-генерала загнали великую Германию в великий траур, сделав то, что им хотелось!

...Именно верный личный камердинер Линке, в апреле 1945 года, в осажденном Красной Армией немецком Берлине, пользуясь своим авторитетом, достал страшно дефицитный в то время бензин в двадцатилитровой канистре для сожжения тела Гитлера, брошенного в снарядную воронку сада Имперской канцелярии. И произошло событие, начало которого лежало в снегах Подмосковья и у стен Сталинграда...

Совещание по поиску мер и решений, которыми можно было бы восполнить урон немецкому вермахту, было продолжено на другой день в рабочей комнате кабинета фюрера отчетом-докладом личного друга и советчика Гитлера, бывшего архитектора,

а ныне рейхминистра вооружения и боеприпасов, одного из руководителей государственного Центрального Комитета по планированию Альберта Шпеера.

– Альберт, – сказал Гитлер, – наши неожиданные и трагические неудачи у Сталинграда напомнили мне, что несколько лет тому назад, если мне не изменяет память, а она мне никогда не изменяет, в 1939-м году самые всемирно известные германские физики обещали мне и Германии создать бомбу невиданной колоссальной мощи. По их уверению, она должна сделать нас, её обладателей, неограниченными властелинами мира и вселенной. Бомбу принципиально нового устройства, способную буквально испепелить и превратить всю планету Земля, со всеми её государствами и их правительствами, в дым и пепел... Прошло почти четыре с половиной года от заверений этих физиков, а я почему-то до сих пор не являюсь обладателем такого замечательного оружия. Альберт, где эта бомба и почему у меня нет её до сих пор? Или я ими, этими мудрыми и, конечно же, евреями-физиками, обманут?

– Мой фюрер, обещания наших знаменитых физиков не высосаны ими из пальца, а основаны на исключительно серьёзном фундаменте открытий всемирной физики в области внутренней энергии атомного ядра.

– Значит, подобную устрашающую бомбу действительно можно создать?!

– Мой фюрер, не только сделать! Нами уже дано название проекту по её созданию: «Урановый проект».

– Что вы ещё сделали – гневно повысил голос фюрер, – для реального создания Оружия Возмездия Фюрера, кроме того, что придумали название работам по его созданию?!

– Организованные ядерные исследования, мой фюрер, в Германии начались с сентября 1939 года. К работам по осуществлению Уранового Проекта привлечены практически все физические, физико-химические и физико-технические институты Германии, и также крупнейшие концерны предприятий. Работы по проекту ведутся в двух направлениях...

– Каких?!

– ...Получение урана-235 и постройка атомного реактора для получения плутония. Первому направлению отдается предпочтение.

– Почему?

– Вначале считалось, что это единственный путь к созданию ядерного оружия. Военное руководство предполагало, что для решения проблем будет достаточно девяти месяцев. Однако все настойчивые попытки получить Уран-236 и построить атомный реактор закончились безуспешно.

– Почему?

– Так как эти работы не были подкреплены научно-техническими проработками и не обеспечивались необходимыми материалами, в частности металлическим ураном!

– Хорошо, герр Шпеер. Нас мало интересуют проблемы физики. Ответьте вашему фюреру коротко и ясно: когда и к какому сроку вы и ваши заумные ученые смогут мне предложить уже готовую к действию немецкую атомную бомбу?

– Мой фюрер, если считать исходным сроком существующий уровень достигнутого, то ученые дают обещания и заверения, что они смогут порадовать своего великого фюрера не позднее, чем через два года!

– Это, господа, будет всего лишь 1945 год! – воскликнул Гитлер. – Самый пик

наших германских Побед! Всего лишь два года, и они, как обычно, пролетят почти незаметно. Передайте вашим ученым, герр министр, что их фюрер, как и вся великая Германия, надеются на верность обещаний германских знаменитостей.

– Однако, господа, – добавил фюрер, – как я понимаю, эти два года нашего неизбежного ожидания рождения оружия Немецкой Победы нам предстоит провести в боях с русским коммунизмом. Герр Шпеер, что нам обещает вложить в руки ваше министерство вооружения и боеприпасов, чтобы победно просуществовать наступивший 1943 год?

– Мой фюрер, моё министерство сделает всё самое невероятное, чтобы начавшийся год стал достойным вкладом в окончательную победу над большевистским азиатским колоссом!

– Конкретно, что вы предложите в этом году нашим доблестным войскам, уже много потерявшим в бесконечных сражениях с русскими?

– Мой фюрер, не только я, как государственный министр, а и вся мною опекаемая и руководимая военная промышленность Германии готовы на ваш вопрос дать исчерпывающий ответ вам лично, олицетворяющего военное и политическое руководство великой страной Германии. Мы, ради Победы, готовы творить чудеса!

– Мы, Альберт, готовы вас внимательно выслушать. Приступайте.

– Господа, ни для кого не секрет, что в условиях войны особе значение приобретает проблема перераспределения людских резервов, необходимых как для восполнения военных потерь армий, так и для дальнейшего расширения военного производства. А в нём уже сейчас у нас ощущается нехватка квалифицированных рабочих в связи с их призывом в армию. А для стабилизации фронтов и подготовки новых операций вермахтом вооружённым силам необходимо еще три миллиона человек.

В конце января 1943 года главное командование сухопутных войск вермахта разработало план формирования новых 20 дивизий взамен уничтоженных под Сталинграда. Предполагается мобилизовать в армию в течении 4-5 месяцев 800 тысяч человек. Значительную часть призываемых придётся изымать из оборонной промышленности. В свою очередь, для нее потребуется дополнительно 800 тысяч рабочих!

– Ну, с этими внутренними вопросами деятельности промышленных предприятий мы уже начали справляться, – быстро вставил Геринг. – Вы, герр министр, лучше скажите точно и чётко: сколько новых самолётов, танков, пушек и стрелкового оружия вы дадите немецкому фронту?

– Что у нас с танками? – требовательно бросил Гитлер и оглянулся на вошедших помощников, которые начали развешивать на стенах красочно выполненные таблицы и графики.

– В 1942 году значительно возросло производство танков. Этот рост продолжается и в наступившем 1943 году. Господа, в январе этого года наш фюрер потребовал довести ежемесячный выпуск танков до 1500 машин, а в марте приказал увеличить расходы на танкостроение вдвое! Этой отрасли были представлены особые преимущества в обеспечении сырьем, рабочей силой и так далее. Однако новая программа выпуска танков оказалась невыполнимой. За первые три месяца бронетанковая промышленность выпустила всего 7377 танков и штурмовых орудий. Это объясняется трудностями перевода производства с одних типов танка на другие.

Если в 1942 году главное место выпуска занимали в основном танки Т-3, то теперь начат выпуск, в основном, танка Т-4 с более мощным вооружением. Запущены в серийное производство танк Т-6, именуемый как «Тигр». Первые его машины в количестве 77 штук были изготовлены ещё в 1942 году. В первом же квартале 1943 года их выпустили 104 единицы. Тогда же были изготовлены первые десятки штук танка Г-5, именуемые как «Пантера» и созданные немецкими конструкторами на основе изучения тактико-технических характеристик всем вам известного русского танка Т-34. С весны 1943 года на базе шасси танков Т-3Э и Т-4 начат выпуск 105 и 150-миллиметровых штурмовых орудий. Завершено конструирование самоходного орудия, – истребителя танков Фердинанд.

– Господа, выступая перед вами, людьми ведущими нашу великую Германию к победам, я не могу не сказать и о том, что в нашей военной промышленности сейчас наблюдается особо быстрый рост артиллеристского производства. Внедрён поточный метод, значительным образом ускоряющий создание артиллерийских систем. В первом квартале 1943 года выпуск орудий полевых, противотанковых и танковых достиг 171 единицы, зенитных орудий – 9350 штук. На вооружение армии стала поступать 75-миллиметровая противотанковая пушка с высокой бронепробиваемостью. Уже в первом квартале 1943 года выпущено 123 миномета. Налажен выпуск зенитной пушки. Вместо считающегося лучшим пулемётом войны МГ-34, начат выпуск не худшего – пехотного МГ-42.

– Герр Шпеер, благодарим вас от имени всей сражающейся и ждущей неминуемой нашей победы Германии. Бесспорны успехи руководимого вами министерства. Они особенно сейчас важны, так как, по моему разумению, год, который вы так результативно начали, должен стать и быть годом отмщения за позор Сталинграда. Господа, совещание окончено.

– Герр Шпеер... Альберт, скажи мне, – когда все разошлись, спросил Гитлер, – скажи мне, нет ли в твоих графиках выпуска немецкого оружия спада и замедления темпа после наших неудач под Москвой зимой 1941 года?

– Есть, мой фюрер и это совпадает с нашим поражением от контрудара русского генерала Жукова.

– Всё тот же, – грустно усмехнулся фюрер.

– Что вас, мой фюрер, в этом тревожит?

– Простая мысль. Тот же проклятый Жуков к авторству контрудара под Москвой уже присоединил и авторство контрнаступления под Сталинградом. Меня, Альберт, не тревожит, а пугает такая зависимость боевой славы и обеспеченности вермахта оружием от творческой деятельности какого-то примитивного славянского недочеловека в военном мундире советского генерала.

– Мой фюрер, дорогой Адольф, я верю во всемирно знаменитых германских почти гениальных физиков. Я верю в то, что, как они предсказывают, через два года нам всем будут не страшны никакие генералы, сколько бы они ни грозили нам и в какие бы мундиры ни были одеты! Оружие Возмездия германского фюрера достигнет их, где бы они ни находились!

– Как, мой Альберт, хочется тебе верить!

Глава 12

Осуществляя координацию Волховского и Ленинградских фронтов, Жуков в январе 1943 года окончил проведение операции «Искра» и снял немецкую блокаду с Ленинграда.

16 февраля 1943 года в газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Жукову звания Маршала Советского Союза.

Воронежский фронт по заданию Ставки срочно разработал план овладения Харьковом и Харьковским промышленным районом. Эта операция получила наименование «Звезда». Её план был утвержден Сталиным, лично продиктовавшим директиву на её выполнение. Первоначально операция «Звезда» развивалась успешно.

Пока Донской фронт в январе-феврале 1943 года ликвидировал окруженную группировку Паулюса, на разных участках советско-германского фронта осуществлялся ряд операций. Они являлись составной частью общего замысла Верховного Главнокомандования по развитию завоеванной Красной Армией инициативы. Ответственную роль в этом замысле играли наступательные операции на Верхнем Дону.

На заседании Ставки командующий на то время Воронежским фронтом генерал-лейтенант Голиков заявил:

– Товарищи, нам нельзя терять ни одной минуты, – враг поспешно отступает, вернее, бежит в растерянности от нашего наступления, парализованный сокрушительным разгромом под Сталинградом. Мы гоним и тесним перед собой громадные германские силы, ещё способные продолжать участие в боевых действиях. Они все спешат спрятаться за широченный Днепр и там отсидеться от полного для них катастрофического разгрома. Они там, на великолепных оборонительных рубежах, могут отсиживаться многими месяцами, выжидая момента для своего нового стратегического удара на Москву.

– Месяцами? – воскликнул Ватутин. – На таких оборонительных позициях, под охраной Днепра, можно отсиживаться годами!

Мнение Ватутина в Ставке ценилось высоко, ведь ещё недавно его Юго-Западный фронт во взаимодействии со Сталинградским и Донским фронтами взяли в окружение ударную группировку противника на Волге. Затем они наголову разбили 8-ю итальянскую армию на среднем Дону и вырвались южнее Харькова на Северский Донец. 16 февраля 1943 года был освобожден Харьков. Войска наступающих фронтов шли от Сталинградских калмыцких степей к Харькову, пережившему ужасную немецкую оккупацию. Освобождённые харьковчане потрясенно смотрели на идущие по городским улицам армейские колонны, в обозах которых были впряжены важно выступающие, диковинного вида звери, – верблюды...

– Николай Фёдорович, – сказал начальник оперативного Управления советского Генштаба Штеменко, – не следует забывать о том, что достоверных и хорошо проверенных сведений о том, что немецкое командование рассчитывает отвести свои войска за Дон, мы не имеем.

– Что показывает авиационная разведка? – спросил маршал Жуков.

– Она показывает активное перемещение больших немецких танковых колон.

– Это ещё не признаки отступления, – сердито прокомментировал Жуков. – Какие вы, товарищ Ватутин, боевые задачи хотите поставить своим войскам, настаивая на

продолжении наступления? Кажется, вы уже доложили товарищу Сталину свои соображения. И что он решил?

– Да, товарищ маршал, 18 января 1943 года я послал Верховному свой доклад.

– И что он решил?

– Иосиф Виссарионович ознакомился с моим докладом и дал мне разрешение проводить операцию по освобождению Донбасса по своему замыслу. Мой штаб фронта разработал её и назвал наступательную операцию «Скачѐк».

– В чём, Николай Фѐдорович, её суть и смысл?

– Я намерен через Старобельск бросить сильную подвижную группу в направлении Мариуполя, отсесть врагу все пути отхода из Донбасса, а на других направлениях продолжать наступление. В район Мариуполя предполагается выйти на седьмой день наступления. Одновременно я намечаю силами подвижных фронтовых резервов захватить основные переправы через Днепр. Операция проводится во взаимодействии с Южным фронтом, который должен будет наступать вдоль побережья Азовского моря.

– Я только что прилетел от войск, – тихо начал Жуков, и вдруг с гневом грохнул кулаком по столу: – Черт знает что! Сами лезете на неприятности!

Он стоял за столом, глыбасто нависнув над оперативной картой, разгневанный, с потемневшем лицом, ссутулившийся, с широкими золотыми маршальскими погонами.

– Что с вами, Георгий Константинович? – в недоумении спросил Ватутин.

– Чѐрт тебя подери, Николай Фѐдорович, я сам говорил с теми пилотами, которые тебе сообщили о перемещении многих немецких танковых колон в районе Полтавы.

– Что же, товарищ маршал, – самолюбиво вскинул брови Ватутин, – эти пилоты вам рассказали такого, о чём умолчали нам?

– О том, товарищ командующий фронтом, что большинство машин в этих немецких колоннах были окрашены в жѐлтый цвет...

– Цвет пустыни? – вырвалось у потрясенного Ватутина. – Каким таким образом?

– Вот об этом-то и следовало думать, прежде чем выпрашивать у Главнокомандующего разрешение на продолжение наступления. В районе Полтавы наши лѐтчички видели, судя по количеству танков, танковый корпус, недавно немецким командованием переброшенный из экспедиционного африканского корпуса генерал-фельдмаршала Роммеля. А это, Ватутин, и все вы, считающие, что германское командование спешно отводит свои войска за Днепр, не что иное как подпитка немецких позиций свежими силами – наступательным танковым оружием... Вы говорите: немцы поспешно бегут, а я утверждаю, что они готовят нам мощный контрудар! Он, как это немцы любят делать, обрушится на нас неожиданно и с большим превосходством в заранее приготовленных силах!

Германское командование хорошо понимало, что на них надвигается возможность «котла», страшнее Сталинградского. Приближающаяся опасность мобилизовала и стряхнула с руководства Германии остатки бывшего пренебрежения и недооценки возможностей Красной Армии.

Жажда отмщения за поруганные надежды и былые иллюзии объединила силы, мечтающие об окончательном разгроме СССР. На наиболее угрожающие вермахту участки советских Юго-Западного и Воронежского фронтов Гитлер направил мощный кулак из танковых дивизий СС «Адольф Гитлер», «Рейх», «Мертвая голова». Сюда же,

из группы армий Центр, была переброшена моторизованная дивизия «Великая Германия». Эту быстро и решительно созданную группировку назвали группой армий «Юг», а её командующим был назначен один из любимцев фюрера, знаток прорыва русской обороны генерал-фельдмаршал Эрих Манштейн. Штаб группировки «Юг» был расквартирован в Запорожье.

В Берлине по радио Геббельс сообщил немецкому народу о том, что Великая Германия начинает свою тотальную войну.

19 февраля, выполняя директиву фюрера, Манштейн совершил сокрушительный удар по флангу Юго-Западного фронта, войска которого не ожидавшие такого мощного штурма своих позиций. Увлечённые наступлением, они были вынуждены отступить. Манштейн, отбросив советские армии на исходные рубежи, продолжал преследование частей Красной Армии, двигаясь дальше, начал угрожать Белгороду. Жуков в эти дни находился на Северо-Западном фронте у маршала Тимошенко. Туда позвонил Сталин и спросил, какая там обстановка.

– Ранняя оттепель привела к тому, – ответил Жуков, – что река Ловать стала труднопроходимой и, видимо, войскам Северо-Западного фронта временно придётся здесь прекратить свои наступательные действия.

– Ну что ж, – ответил Сталин, – если это так, то я согласен... Надо обсудить обстановку на Юго-Западном и Воронежском фронтах. Возможно, вам даже придётся срочно вылететь в район Харькова.

После совещания в Москве у Сталина Жуков вылетел на Воронежский фронт, откуда по телефону сообщил Верховному, что здесь обстановка ещё хуже, чем ему сообщали в Генеральном штабе и во время обеда у Сталина.

– Харьков немцы взяли и, не встречая особого сопротивления, продвигаются на Белгородском направлении, уже заняли Казачью Лопань. Необходимо срочно перебросить сюда всё, что можно взять из резервов Ставки. В противном случае немцы захватят Белгород и будут развивать удар на Курском направлении.

В результате поездок Жукова в район боевых действий у Харькова, Георгию Константиновичу стала понятна ситуация, возникшая здесь как следствие неожиданного наступления немецкой группы армий «Юг». Тут держали оборону войска левого крыла Воронежского фронта командующего Голикова, во взаимодействии с Юго-Западным фронтом командующего Ватутина, их общая цель была – отразить контрнаступление войск Манштейна. На острие удара противник превосходил советскую армию в живой силе в два раза. В артиллерии – в 2,6 раза, в танках – в 11,4 раза, в самолётах – более чем в три раза. Несмотря на упорное сопротивление Красной Армии, противнику удалось прорвать оборону и захватить Харьков и Белгород. Судя по диспозиции немецких войск, Манштейн рассчитывал далее пробиться к Курску и, овладев им, захватить Орёл с тем, чтобы вновь предпринять штурм Москвы!

Докладывая в Ставку об угрожающем положении на участках Воронежского и Юго-Западного фронтов, Жуков, преувеличивая опасности, чётко знал, что это наступление Манштейна вновь, но уже на третьем году войны ставит Советский Союз на самый тонкий и шаткий, осыпающийся край пропасти, обрывавшейся в окончательное военное поражение. И только чрезвычайное напряжение сил народа и государства могут совершить чудо – остановить танковый вал отборных эсэсовских танковых дивизий, нацеленных на Москву, положить конец колонизации завоёванных пространств!

Глава 13

Выдвинутые вперёд, по предложению Жукова, 21-я и 64-я армии сумели остановить дальнейшее продвижение врага, образовав южный фас, штабистами названный как Курский выступ. Общий результат этих событий заключался в том, что план противника окружить советские войска в районе Харькова и взять реванш за Сталинград, был сорван. Назревал новый этап развития событий.

... Прилетев из Москвы на Воронежский фронт, Жуков не поспешил на командный пункт командующего Воронежским фронтом генерала Голикова, а, вопреки настойчивым приглашениям встречающих, направился в войска, ещё сдерживающие наступательный вал Манштейна. Вернулся из войска маршал Жуков в штаб Воронежского фронта ко времени назначенного совещания. Вошёл в деревенскую хату пропылённый и обожжённый весенним солнцем. Медленно прошёлся вокруг стола с разложенной на нём картой оперативной обстановки, цепко и зорко вглядываясь в её состояние. Затем остановился и, вынув из своей командирской сумки иную карту, сказал:

– Положение войска фронта на карте, лежащей на столе, нанесено вашим штабом. Тут, как я вижу, на ряде направлений войска уже свои позиции покинули, а на некоторых участках мы вообще никаких войска не нашли и едва не заехали к противнику в гости. Начнём разговор с моей карты, как более точной.

В перерыве совещания, прогуливаясь по двору вместе с командующим фронта Голиковым, Жуков не утерпел и спросил:

– Как это, Филипп Иванович, вы прошляпили удар Манштейна? Он ударил, когда вы ещё находились в наступлении и не могли быстро переорганизоваться в оборону. Подловил, гад, вас на лету!

– Георгий Константинович, хочу честно признаться, что тогда я имел неправильную оценку намерений и возможностей противника! Подобное было не только со мной! Но это не оправдание – знаю! Как я сейчас понимаю, ошибка в оценке действий противника заключалась в том, что мы рассматривали массовое движение его мотомеханизированных сил на Полтаву, как отвод главных сил танкового корпуса СС в район Полтавы, как отступление немцев. А он в это время просто сосредотачивался для контрудара по нам!

18 марта немцы захватили Белгород.

20 марта 1943 года был снят со своей должности командующий Воронежским фронтом Голиков. На его место был назначен Николай Фёдорович Ватулин.

21 марта Жуков вывел 21-ю армию севернее Белгорода и её силами организовал прочную оборону. Первую же советскую танковую армию он сосредоточил южнее Обояни, на всякий случай, если противник повторит свой контрудар на этом участке фронта. Общее контрнаступление противника было остановлено, и фронт стабилизировался.

Удар Манштейна вновь осложнил военное положение СССР. В начале апреля 1943 года Жуков подал в Ставку, на имя Верховного Главнокомандующего, докладную с анализом как уже произошедших, так и только назревающих событий 1943 года. По его предположениям главные события должны были развернуться на участке советско-немецкого фронта под Курском, где линия фронта выпукло внедрялась на территорию занятую немецкими войсками. В обоих штабах – советском и немецком

– его именовали как Курский выступ.

Вечером 12 апреля 1943 года Жуков и Василевский докладывали в Ставке согласованное решение для исправления положения. Речь шла о том, что если немцы возобновят свои активные действия весной или летом 1943 года, надо будет их встретить на заранее подготовленных, оборудованных позициях, обескровить, и только тогда перейти в наступление.

Верховный выслушал с чрезвычайным вниманием, так как среди членов Ставки и некоторых командующих фронтов существовало крепкое убеждение: нечего ожидать наступления немцев в бездействии, надо, не теряя времени, первыми ударить по гитлеровцам и разгромить их во встречном сражении.

Выслушав доложенное, Сталин согласился с тем, что главные усилия необходимо сосредоточить в районе Курска.

Было принято решение всячески укрепить позиции по Курскому выступу, фас которого держал Центральный фронт Рокоссовского, а южный край – Воронежский фронт Ватутина.

8 апреля Жуков предложил свой вариант развития событий на Курской дуге, а 12 апреля оно уже было принято и утверждено Ставкой и Верховным.

По ту сторону фронта, в это же время, Гитлер директивой номер шесть поставил вермахту задачи, как бы предсказанные Жуковым. Различия были лишь в одном: Гитлер верил, что своим решением разгромит оборону Красной Армии и, выйдя к Орлу, вновь начнёт штурм Москвы. А Жуков предвидел окончательный крах наступательных возможностей вермахта на 1943 год.

Согласно разведанным, немцы на Курской дуге имели свыше 900 тысяч личного состава, около 10 тысяч орудий и миномётов, до 2700 танков и штурмовых орудий, примерно две тысячи самолётов. Русские противопоставили им более 1 млн. 300 тысяч человек личного состава, 19 тысяч орудий и миномётов, около 3500 танков, более двух тысяч самолётов. В тылу Центрального и Воронежского фронтов Ставка разместила ещё один фронт – Степной, под командованием Конева. Там имелось ещё до 600 тысяч личного состава, 8400 орудий и миномётов, более 1500 танков. Для сражений третьего года войны страна совершила невероятное – впервые советская сторона подготовила превосходящие силы. Но по расчётам командования Красной Армии, главным оружием предстоящей битвы должно было быть не количество танков, а система и организация обороны...

Владимир МОЛЧАНОВ

ПОЛЕ РУССКОЙ СЛАВЫ

*Это поле победы суровой
Для потомков по праву равно
Полю грозному Куликову,
Ратным доблестям Бородино
Игорь Чернухин*

*России небо, хлебушек и воля!
Да не взойдёт над вами грозный час,
Когда не мы разыскиваем поле,
А поле ищет
и находит нас...
Виктор БЕЛОВ*

1.

Поля, безмолвные поля,
Поля заветные державы.
Родная русская земля,
Святая русская земля,
Земля и доблести и славы.
Когда орда, в степи пыля,
Вновь заковала Русь в оковы,
Поникли тучные поля,
Смирились гордые поля
И лишь восстало Куликово.

Поля, суровые поля,
Поля победные России.
Родная русская земля,
Святая русская земля,
Ты столько горя выносила.
И вновь грохочет тишина,
Поля огнём объята снова.
Москва сдана и сожжена,
Но поле есть Бородино,
Как продолженье Куликова.

Поля, великие поля,
Поля бесстрашия Отчизны.
Родная русская земля,
Святая русская земля,
Ты знала смерть во имя жизни.
Вставай огромная страна,
Спасай себя от зла и боли.
Идёт священная война,
Чья правота в ней, чья вина -
Рассудит Танковое поле.

Поля, бессмертные поля,
Их три навеки у державы.
Родная русская земля,
Святая русская земля,
Земля трагедии и славы...

Три поля России, три поля России,
Как русские гордость, отвага и честь.
Три поля России, три поля России,
Никто нам не страшен, пока они есть.

2.

Уже которое столетье
Идут на мирные поля
Разрухи, войны, лихолетья,
Но так же вертится Земля.

То тишина стоит сплошная,
То никнет в грохоте трава.
Как у тебя, земля родная,
Не закружилась голова?!

3.

На Куликовом поле снова
Конь у реки призывно ржал.
От взгляда Дмитрия Донского
Мороз по коже пробежал.

Вновь поединок вижу гордый
Через пространство сотен лет:
Пал Челубей на землю мёртвый
И стал бессмертен Пересвет.

4.

Мать-Россия. Свобода и воля.
Лес со степью – навеки родня.
Куликово победное поле
Шесть веков помнит топот коня.

Шесть веков чёрных ворогов стая
Красно солнце хотела затмить,
Только нету такого Мамаю,
Чтоб Россию мою покорить.

Шесть веков на неё посягали
Под безумный воинственный клич.
Шесть веков русский дух постигали,
Но и всё ж не сумели постичь.

Кровь столетий сочилась подтало,
Окропляя поля и луга,
А на ней выростала Полтава,
Чтобы Курская встала дуга.

Правоты не добьётся неправый.
Сколько зим ни пройдёт, сколько лет,
Будет вечно вставать над Непрядвой
Незакатной победы рассвет.

5.

Сверканье изломанных линий,
Где Демон когда-то витал...
Да что нам июльские ливни,
Такое ли век наш видал?!

И как только выжить сумели,
Когда над судьбою земли
Смертельные громы гремели,
Нещадные смерчи прошли?

Когда над страной, над Россией
Всё небо вдруг стало темней...
Могуча, конечно, стихия,
Но мы устояли пред ней!..

6.

История прощает нам ошибки,
Оправданным –
Не навязать вины.
Славяне мы.
В любви мы беззащитны,
А в ненависти
Праведно страшны.
Славяне мы.
Мы выше чьей-то злобы,
И нам рабами быть не суждено.
Французы взяли
Некогда Европу,
А обожглись-то
О Бородино.
Одна война спешила за другою –
Я их и перечислить не могу.
Фашизм хотел
Весь мир согнуть дугою,
А сам был согнут
В Курскую дугу.
Возможно,
Мы порою грубоваты:
То – нежности,
Что в нашем сердце, щит.
Славяне мы,
Оратаи,
Солдаты –
На том стоим!
И мир на том стоит!

7.

О солдатах скажу я слово,
Что прошли через тьму невзгод,
Когда тучей чернел сурово
Над землёй сорок третий год.

О солдатах скажу я слово,
Что создали реальный миф, –
Третье поле российской славы –
Поле Танковое.
О них!

8.

Здравствуй, Танковое поле, –
вот и мы к тебе пришли,
Не изведавшие боли,
кровью политой земли.
В небе тихо...
По-за лугом
речка сонная тиха,
Но, встревоженные плугом,
бьют осколки в лемеха.
Здравствуй, поле!
Как угодно
о людской суди вине,
Кто пришёл к тебе сегодня –
знает цену тишине.
Верь нам, поле...
Люди, верьте, –
наша память не слаба.
Между смертью и бессмертьем –
человечества судьба.
Верь людскому поклоненью,
верь велению любви,
Это наше поколеньё
поднималось на крови.
В наших силах, в нашей воле
отобрать всю власть у тьмы.
Здравствуй, Танковое поле!
Вот пришли к тебе и мы.

9.

*«... На полном ходу танк старшины Найдёнова ринулся
на вражескую батарею, смял четыре пушки и три
миномёта. Тяжёлый удар потряс старшину...»*

*Из письма генерала А.Егорова,
хранящегося в Прохоровском
музее боевой славы.*

Потерпевший под Москвой
И на Волге поражение,
В этом танковом сраженьё
Враг особенно был злой.

Тыща двести танков!.. Пыль
С кровью смешана, с угаром.
С каждым грохотом-ударом
В небеса взлетал ковыль.

Воздух бешено порол
Вой «катюш» мотивом смертным.
В боевом порядке первым
Старшина машину вёл.

Ни на пядь нельзя назад.
Вдруг – удар! На силу – сила...
И танкиста ослепила
Тьма внезапная в глазах.

А за тьмой – враги, враги...
Осознать не всё успевший,
Вёл свой танк танкист ослепший,
С болью стиснув рычаги.

Месть священна и крута,
Хоть глазницы кровью плачут.
И казалась самой зрячей
Для врага машина та.

Мчался танк сквозь рёв и свист
С грозным, яростным размахом,
Словно видел над рейхстагом
Красный флаг слепой танкист.

10.

Свой ритм
Нарушила природа
И в этом
Не её вина.
Четыре года
Время года
В стране моей одно -
Война...

11.

«Со всех участков белгородского направления поступают сообщения о том, что наши бойцы и командиры ведут самоотверженную борьбу с противником... Лётчики Н-ской гвардейской части сбили 156 немецких самолётов... Лётчик гвардии лейтенант Горовец встретился в воздухе с группой немецких самолётов...»

*Из оперативной сводки Совинформбюро
13 июля 1943 года.*

Вовремя,
Без опоздания,
Закон у войны суров,
Выполнившее задание,
Шло звено «ястребков».
Нынче везло им крупно –
Ясен был свод небес.
Был, замыкавшим группу,
Лейтенант Горовец.
Зная врага повадки,
Смотрит не только вперёд.
Сзади, из-за посадки,
«Юнкерсов группа прёт.
«Фрицы», – в эфир сказал он, –
«Первый», ты слышишь? нет?»
Но, как назло отказала
Рация в тот момент.
Гулко в висках стучало:
«Что ж, против всех – один!»
И – на куски для начала
Одну из вражьих машин.
«Ах ты, фашист проклятый!» –
Лётчик гашетку жал.
Пятым...
Шестым...
Девятым
«Юнкерс» сбитый пылал.
Снова враги сомкнулись...
Кончился боезапас.
Справа под боком – «юнкерс»,
«Фоккер» – у самых глаз.
Молнией мысль мелькнула:
«Выход один – таран!»

... Вдруг самолёт взметнуло.
Взрыв!
Тишина...
Туман...

Вовремя,
Без опоздания,
Выполнив долг святой,
Без одного с заданья
Группа пришла домой...

12.

Что о войне я нового скажу?
Какую службу словом сослужу
Её ли огневому рубежу,
Её ли полевому блиндажу?

На те слова мне не даны права,
Ведь я рождён в году сорок седьмом,
Когда послевоенная Москва
Ещё чернела в пепле фронтовом.

Я в люльке неподвешенной пищал –
Крюка стального не было у ней.
Вождь недостаток стали возмещал
Стране одной фамилией своей.

Шёл недород блокадой на народ,
Лишённый всех запасов на войне,
И старики сидели у ворот
Изб, не отстроенных ещё вполне.

И ни гвоздочка в скобяных ларьках,
Хоть на Руси углы все в «лапу» сбей.
И хлеба – кот наплакал! – в деревнях,
И сушь сгубила золото полей.

И не моя, наверное, вина,
Что в люльке навевала забытьё
Мне не война... А какова она –
Всем детством я почувствовал её...

13.

«В 1939 году я был призван в армию. Провожала меня девушка, хороший мой товарищ. Но по воле случая мы потеряли друг друга из виду и встретились только на войне...»

*Из автобиографии белгородского
поэта-фронтовика
Константина Мамонтова.*

Кутаясь в кургузое пальтишко,
Детского отчаянья полна,
С юным и застенчивым парнишкой
Вышла попрощаться и Она.

В шуме довоенного вокзала
Горько ощущалась тишина.
Только их надежды разбросала
Пу свету жестокая война.

Мачехе-судьбе не повинуюсь,
Верил он в несбыточность почти.
Письма с той девчонкой разминулись,
С нею разминулись и пути.

Смерть с войной в соседстве неизбежном,
Но и жажда жить вдвойне сильней.
И таил солдат в себе надежду –
Встретиться с надеждою своей.

От роду в рубашке был он, что ли?
Смерть щадила путь его земной,
Но в бою однажды, в чистом поле,
Был он ранен на передовой.

Падал он под залпы батареи,
А когда очнулся – тишина.
– Жив, – услышал, слуху не поверив.
И склонилась над бойцом Она.

Выдюжил солдат, стерпел все боли,
Смертный бой он выдержал с судьбой,
Ведь случилось так, что с поля боя
Вынесла его сама Любовь.

Видел он опять, как видел прежде,
Детское сияние очей.
И сбылась, сбылась его надежда –
Встретился с надеждою своей.

14.

«Ни в чёрта и ни в бога
Не верим друг с тобой...»
Военная дорога
Да дым пороховой.

Закончили до срока
Друзья свой путь земной.
Ни чёрта и ни бога –
Лишь дым пороховой...

15.

*«Батарея 76-мм артиллерийских орудий, которой командовал гвардии капитан Андрей Попов, во время Курской битвы принимала участие в освобождении его родного села Сажное Яковлевского района...»
Из рассказа старого артиллериста.*

– Бой уходил на запад,
Выжжены степь и луг.
Трупный угарный запах
Ветер носил вокруг.
Здесь, посреди июля,
Выжившая едва,
Шею себе свернула
«Мёртвая голова».
«Тридцатьчетвёрки» валом
Мчались в густой пыли.
Всё, что броску мешало,
Стёрли с лица земли.

... Дыма пройдя завесу,
(Бой лишь на миг умолк),
Вышел к опушке леса
Артиллерийский полк.
День подходил к закату,
Время к победе шло.

Слышим слова комбата:
«Братцы, моё село...»
И, обступив комбата,
Глаз не сводя с села,
Будто в чём виноваты:
«Ну, – говорим, – дела...»
С криком «ура-а!» пехота
Круто взяла подъём,
Но поредела рота
Скошенная огнём.
Смотрит комбат нам в лица,
Взгляд напряжённо-лют:
«Братцы, из дома фрицы,
Где я родился, бьют...»
И уже на изломе,
Голос его не свой:
– Огонь!
(По родному дому!)
– Огонь!
(По земле родной...)
Позже с моим комбатом
Брали мы много сёл,
С ним я, как с кровным братом,
Аж до Берлина шёл.
Внемля Победы грому,
Помнил всегда тот бой:
– Огонь!
(По родному дому!)
– Огонь!
(По земле родной...)

16.

«В лагере, находившемся в доме № 6-8 по улице Комсомольской (теперь ул. Коммунистическая), ежедневно умирало от голода, массового избиения и расстрелов до 50 человек... Расстрелянных и умерших от голода складывали на повозки, впрягали по 20 человек военнопленных и под конвоем фашистов вывозили на кладбище в Дальний парк. Когда вывозили со двора трупы, то кровь расстрелянных орошала дорогу...»
Из акта комиссии Белгородского городского Совета депутатов трудящихся от 10 сентября 1943 года «О злодеяниях и расправе немецко-фашистских оккупантов с военнопленными в белгородских лагерях».

17.

Молодая вдова над могилой родной причитала:

“Дай-то Бог, чтоб земля легким пухом на милом лежала,
Спи спокойно, родной, – безутешно она голосила, –
Сколько вдов на земле, не нашедших любимых могилы?”

Молодая вдова над могилой скорбела о павших:

“Сколько есть матерей, в ожиданье до смерти уставших,
Сколько девичьих слёз, сколько боли в судьбе нашей скорбной,
Чтоб родная земля оставалась счастливой и доброй?!”

Молодая вдова над могилой у Бога просила:

“Пусть воскреснет в душе безвозвратно ушедшая сила,
Пусть для тех, кто погиб, кто навеки остался солдатом,
Вечный вспыхнет огонь и рассветов земных и закатов.”

Молодая вдова над могилой в слезах причитала:

“Дай-то, Бог, чтоб земля после нас больше горя не знала...”

Дай, Бог... Дай, Бог... Дай, Бог...

18.

Вдоль дороги травы
И хлебов стена,
Поле русской славы –
Наша сторона.
Защитили Правду
В битвах мы не зря.
Над водой Непрядвы
Мирная заря.

Танковое поле,
Дней кромешный ад.
Здесь народам волю
Отстоял солдат.
И в сраженье новом
Русь была сильна
Поле Куликовым,
Днём Бородина.

Дружно зреют вишни,
Близится июль,
И давно не слышно
Свиста мин и пуль.

Но шумят дубравы
И цветут луга,
Поле русской славы –
Курская дуга.

19.

Не надо слёз и слов не надо лишних,
Ещё не все задачи решены.
Не надо, как о мёртвых, о погибших –
В священные минуты тишины..

Обочь дорог от Волги до Берлина,
Вовек не помышлявшие о зле,
Они лежат в земле своей родимой
И в не родимой горестной земле.

Мы жизнью им обязаны до гроба.
И, не теряя вечного родства,
Скорбит о них спасённая Европа,
Склонилась непреклонная Москва.

В бушлатах и шинелишках потёртых
Солдаты шли в бессмертный свой запас.
... Не надо о погибших, как о мёртвых –
Они, как прежде, защищают нас.

20.

Неужто планета увянет,
И мы запоздало поймём,
Что скоро то время настанет,
Когда и не будет времён?
Неужто вершина познания –
Низина с нейтронной золой,
Когда потеряет название
Всё то, что зовётся землёй?
Неужто леса и поляны
Кровавым дождём оросим,
И громы последние грянут,
Как будто бы сто Хиросим?
Неужто в безмолвии лета
Исчезнет из речек вода?
Неужто увянет планета
И солнце зайдёт навсегда?

А небо искрится лазурью,
Не зная того наперёд,
Что чёрною тенью безумье
По белому свету идёт...

21.

И вновь я думаю о доле,
О боли родины моей.
С платформы «Танковое поле»
Смотрю на солнечность полей.
Смотрю на братские могилы,
Что в центре каждого села.
Какая жизненная сила
На этом поле полегла?!
Смотрю на контур танка чёрный,
Смотрю на красный цвет куста –
И понимаю очень чётко,
Что победила правота.
Покуда войны есть и боли –
Надеждой светит мне во мгле
Платформа «Танковое поле» –
Платформа мира на земле.

1971-2000

Инна МЕЛЬНИЦКАЯ

В НОЧЬ НА 9 МАЯ

Сон испаряется сразу, как и не было. Я подхватываюсь на постели: в комнате темно и тихо – только чуть посапывает Алка да Иришка чмокает во сне. Сердце бьётся неспешно и сильно, звоном отдаваясь в висках.

– Алка, вставай! – шепчу я, но голос меня не слушается, и в темноту падает неожиданно громко: – Вставай!

– А? Что? – бормочет Алка, мигом отбрасывая одеяло. – Что ты говоришь?

И в ту же минуту за стеной хрипло откашливается репродуктор и по дому просторно и торжественно разносится: «Внимание, внимание! Говорит Москва!»

Голос Левитана – ах, какой голос! Неповторимый, просто нечеловеческий – больше, чем человеческий – голос самой Родины! Аж мурашки по коже!

Вчера целый день всё валилось из рук: ждали! Кто-то сказал, что Англия уже объявила о капитуляции Германии. Что войне конец, это было ясно и так: до самого Берлина дошли, знамя наше над рейхстагом – чего же ещё? И всё-таки ждали – какой-то последней черты. Чтобы было сказано: «Всё! Точка! С этой минуты часы отсчитывают мирную жизнь!»

Ждали до полуночи. Спать легли, не выключая радио, – и вот оно, наконец, чрезвычайное сообщение!

По коридору к нашей двери мелко шлёпают босые ноги. На пороге тетя Тася:

– Девочки, вставайте! Победа!

– А мы уже, – кричит Алка, натягивая платье. – Мы уже, мы ещё раньше, ма!

«Безоговорочная капитуляция фашистской Германии...» – гремит Левитан.

– Боже мой, – всхлипывает тетя Тася, – сколько горя, сколько страданий позади!..

– Так позади же, ма, – чего же ты плачешь? – вытанцовывает подле неё Алка. – Ведь всё, слышишь – всё уже позади!

Тетя Тася молча кивает головой – маленькая, в ветхой полотняной сорочке, рано поседевшая моя тётя... Выбелили её снега в Сибири, в эвакуации... Отыскала меня, вызов выслала, приняла, как свою...

За окнами нашей мансарды бесшумно взвиваются две ракеты – красная и зелёная. Сорвав со стены двустволку, дядя Гриша взлетает на табуретку, с табуретки – на стол, и оттуда – единым махом – на крышу. До сих пор его членство в охотсоюзе все считали непростительной блажью: никакого проку, сплошной расход – но теперь... Одной этой минутой всё оправдано! Озарённая снизу оранжевый светом абажура, его фигура чётко вырисовывается в тёмном прямоугольнике окна: голый по пояс, он стоит на одном колене и палит вверх, в темноту – а снизу, со двора ему кричат соседи: «Ещё, ещё, Григорий Васильевич, – ещё разок!» Алка вопит от восторга, а он смеётся, сверкая металлическими зубами, и палит одержимо, самозабвенно, не считая драгоценных патронов, прямо в густое, бархатное небо – да это же мирное небо, ребята!

Маленький Гриня зачарованно следит за отцом. Худое, глазастое личико его серьёзно и важно: он запомнит эту ночь, он навсегда её запомнит – со сполохами выстрелов, с быстрыми, светлыми слезами, с этим непостижимым сплавом горечи и счастья...

Патроны у дяди Гриши кончаются, он слезает с крыши – и тут мы обнаруживаем, что нет тёти Тази. Стоят у кровати её туфли, висит на спинке её единственное платье – а самой тёти Тази нет!

Но мы с Алкой не ждём, мы не можем ждать: мы скатываемся по лестнице, грохоча деревянными подошвами, и выбегаем со двора. Ещё совсем темно, но в окнах – одно за другим – зажигается свет, отбрасывая полосы на тротуар, выхватывая из темноты счастливые, заплаканные лица, вздрагивающие плечи, руки, взлетающие, чтобы сомкнуться в объятии...

Улица бурлит. Никогда ещё, наверное, не видал ночной Харьков такого многолюдья. Толпа на площади Тевелева колыхается, пульсирует, качается тёмное море голов. Рядом со мной плачет какая-то женщина: «Витя, Витенька мой, да что же это! Для всех победа – а ты не дожил!»

С Пушкинской, где расквартирован офицерский запасный полк, доносится пальба. Трещат никому уже не страшные выстрелы, небо расцвечивают фонтаны трассирующих пуль – П О Б Е Д А!..

А площадь все полнится, переливается в Сумскую – и вот мы уже шагаем, взявшись за руки – нас много – вверх, вверх по Сумской, к памятнику Шевченко, к площади Дзержинского. С неба падают редкие капли, и совершенно непонятно, что, в конце концов, течёт у тебя по щекам – дождевики или слёзы. Мы идём цепями, во всю ширину улицы; родные, хорошие люди держат нас с Алкой за руки, и неважно, что до сих пор мы их не знали, и что сейчас, в темноте, едва различимы их лица: чувство счастливой общности захлёстывает нас.

Я оглядываюсь по сторонам, и мне хочется крикнуть этим людям: всех, всех вас люблю, милые вы мои! Подумайте только, какая жизнь теперь настанет! Не будет войны, не будет похоронок!.. Женщины, вы меня слышите? Не плачьте! Больше не будет похоронок! Всё будет, как до войны – даже ещё лучше! Раньше ведь нам и в голову не приходило, как это прекрасно, когда в окнах свет и не надо затемнения, когда можно не бояться самолёта над головой, как это здорово, когда, даже бранясь в переполненном трамвае, друг другу говорят: «Товарищ, куда вы лезете!» Сколько вообще было в нашей двоенной жизни прекрасных вещей, которых мы просто не замечали. Как мы будем радоваться им теперь!

Впереди какое-то замешательство, весёлый галдёж: это попался навстречу молоденький лейтенант. Парня качают, он что-то кричит, взлетая над головами; болтаются, как у куклы, его длинные руки и ноги... Ещё какой-то военный – его тоже окружают. «Пляши, солдат, – требует толпа, – пляши, тебе повезло: жить тебе теперь до самой смерти!» И солдат послушно пускается в пляс: он пляшет отчаянно, с пересвистом, ухарски заломив пилотку, выколачивая тяжёлыми армейскими сапогами бойкую дробь. Ещё кто-то, не утерпев, врывается в круг – а-а, была не была! – а сзади наяривают «барыню», и трофейный аккордеон звучит забористо, по-свойски, как тульская трехрядка: научился-таки по нашему, чужак!

И снова течёт по Сумской ликующая человеческая река – и вдруг застывает, перед самым Тарасом. Навстречу, неожиданно и неуместно, ползёт одинокий танк.

В темноте он кажется огромным. Уткнувшись в живую преграду, танк растерянно останавливается – тяжёлая, неуклюжая стальная машина... И тотчас же люди карабкаются на его броню, а навстречу из открытого люка сыплются танкисты – и снова большими тёмными птицами взлетают над толпой тяжёлые тела. Их бережно принимают и снова подбрасывают, крича что-то восторженно-несусветное; какие-то мелочи сыплются у них из карманов, кто-то бросается эти мелочи подбирать – а рядом со мной всё плачет, плачет женщина: «Витя, Витенька мой...»

Но опять подмывает, выманивает в круг «сербияночка», и дерзит, и лукавит «барыня», и носятся в бесшабашной присядке чёрные комбинезоны: «Гоп, куме, не журыся, туды-сюды поверныся...»

А с высокого пьедестала, в накинутой на плечи солдатской шинели, склонив лобастую голову, смотрит на всех Тарас. Алка трогает ладошкой израненный гранит, осторожно ощупывает щербинки. А какой-то старик, сдернув кепку, выкрикивает слабым голосом: «С победой, Тарас Григорьевич!» – и кланяется ему в пояс, и мы кричим Тарасу «ур-ра-а!», потому что он тоже выстоял всю войну, не дался фрицам – а ведь и его хотели увезти в полон...

Махонькая старушка теребит рослого танкиста: «Сынок, милый, неужто дожили, неужто превзошли?» – «Точно, мать, – превзошли!» – смеётся он, и слёзы катятся по его весёлому лицу.

А потом танкисты возвращаются к своей «коробочке», а мы шагаем дальше. Почему – как это получилось, что все мы, не сговариваясь, устремились на площадь? Вот уже встают впереди её развалины: разбитое здание обкома, горькие камни гостиницы «Интернационал», изуродованный Дом проектов... Зато Госпром – милый наш Госпром, символ города нашего, гордость города нашего – он уцелел! Сколько рвали его и жгли, а он – как заговоренный.

Наши старшие братья и сестры учились читать по букварям, где на страничке с буквой э, под словом этаж, был нарисован наш бетонный красавец и строчки твердили: «В Харькове есть Дом Госпром. В нём двенадцать этажей». Есть, есть в Харькове Дом Госпром – и будет всегда! И будет на месте обкома – здесь, где фашисты с балкона вешали заложников, – новое, прекрасное здание, непременно будет.

А на месте лежащей в руинах гостиницы, в подвалах которой гестаповцы пытали и расстреливали, встанет новая, лучше прежней, и назовут её так же: «Интернационал» – потому что фашизм раздавлен, и немец больше не значит враг, и надо, чтобы всем на свете было хорошо – и немцам тоже...

Мы уже поворачиваем на площадь, как вдруг справа, с улицы Иванова, выходит коренастый человек со знаменем в руках. Собственно, это не знамя – это обыкновенный флаг, такие по праздникам вывешивают на всех домах, – но сейчас, в рассветных сумерках, его кумачовое полотнище кажется тёмным, как запекшаяся кровь, и бархатно-тяжёлым. Мы встречаем его дружным «ура», потому что именно этого – как мы раньше не догадались! – именно знамени нам не хватало в эти минуты.

– Умница, дорогой ты мой человек! – кричит знаменосцу высокий худой мужчина с пустым рукавом.

У меня захватывает дух, а Алка не стесняясь ревёт, сияя глазищами. А платье-то у неё, оказывается, надето навыворот!

Толпа расступается перед знаменем: неизвестно откуда кто-то подкатывает перевёрнутую то ли урну, то ли тумбу и заботливо подсаживает человека с флагом.

Широко взмахнув древком, он кричит:

– Товарищи! Вот она, Победа – пришла, наконец! Не сама пришла – великой ценой, кровью великой, трудом великим добытая! Не только армией – всем народом нашим!..

Голос у него осекается, он умолкает и, неловко махнув свободной рукой, слезает со своей импровизированной трибуны. Его подхватывают, тискают в объятиях – и тут чей-то сильный голос уверенно запекает: «Это есть наш последний...» Не сразу, вразнобой к нему подстраиваются аккордеоны – и вот уже вся площадь гремит, и нет, и не может быть большого счастья, нет и не может быть роднее этих людей, нет и не может быть праздника светлее и горше...

А на востоке, за изувеченным зданием обкома, светлеет, зеленея, небо: занимается над городом первый мирный день – День Победы.

Василий ВОРГУЛЬ

ОТЦОВСКИЙ СУД

ОЛЬХА

На ветру леденели слова,
Бесновалась январская стужа.
Бедовала ольха, как вдова,
На войне потерявшая мужа.

Горевала в сугробе тайком,
Дни листая, как старые письма.
Что-то есть в ожиданье таком
Выше правды и здравого смысла.

А весенняя хлынет пора,
Луг укроет цветением ранним,
У ольхи покраснеет кора,
Как бинты, прикипевшие к ранам.

Выйдет женщина в чёрном платке,
Тихо тронет ольховые косы,
И серёжки скользнут по щеке,
Словно вдовьи засохшие слёзы.

МОНОЛОГ НА ПАШНЕ

*Светлой памяти мамы –
Ольги Кузьминичны*

Не корова – хитрюга,
Ей бы только вздыхать.
Отвернётся от плуга
И не хочет пахать.

Вон – бурёнка Наталки:
Впереди, далеко.
Та и пашет без палки
И даёт молоко.

Поднатужься, подруга,
В борозде не реви,
Не шарахайся плуга
И постромки не рви.

Возмужал твой телёнок –
По колени трава,
А мои из пелёнок
Вырастают едва.

Мама – в хворях старушка,
И на фронте супруг.
Не упрямясь, подружка,
Подналяжем на плуг.

Труд в тылу нам не страшен,
Перетерпим хомут.
Если ж поле не вспашем,
То Берлин не возьмут.

И не ты виновата,
Нынче всем нелегко:
И паши до заката,
И давай молоко.

ВОКЗАЛ

Хриstopродавцев порицая,
В душе изменников кляня,
Встречаю внука полицаю,
И тот приветствует меня.

Идёт он прямо к электричке,
Нехитрый выставив товар,
И продаёт свои «вещички»,
Как дед «людишек» продавал.

В толпу то гукнет он, то гикнет,
Чуть перегаром отдаёт,
С лихим движением «Хайль Гитлер!»
Клиентам сдачу отдаёт.

Ему судьбина наказала
Вести вокзальные торги.
Он ходит с внуком партизана,
Хоть деды – вечные враги.

Дружки клянут и «жизнь-подлянку»,
И «Нафтогаз», и гривни курс.
Лишь «партизан» гуднёт «Смуглянку»,
Напарник тут же: «Got mit uns!»*

Бурлит вокзал, как все вокзалы.
Меня ж чудной заскок вскружил:
Вон тот – пошёл бы в партизаны?
А этот – Гитлеру б служил?

* Got mit uns – С нами Бог (нем.)

РУКА

*«У него рука!» – говорят о человеке,
имеющем влиятельного покровителя.
А в его рукопожатии угадывались
честность и сила.*

Усталая, но крепкая рука,
Не то, что у лукавца, у враля.
Обычно у такого мужика
Ухожены семейство и земля.

Подвластны ей и молот, и топор,
Она любимым счастье куёт,
Она на честность делает упор,
С неё синица зёрнышко клюёт.

Довольные кормёжкой и теплом,
О ней в сараях блеют и мычат,
Она уймёт пожар и бурелом,
Растит хлеба и пестует внучат.

Не строит баррикад на площадях,
Крепчает от косы и от весла,
Не дрогнет ни в метелях, ни в дождях –
Она страну от ворога спасла.

Спроси о ней любого земляка –
Засветится, как солнце по весне:
– Богатая рука у мужика!..
Другую он оставил на войне.

ОТЦОВСКИЙ СУД

Пожелтел старик, согнулся,
Доживёт ли до зимы?
Старший сын с войны вернулся,
Младший позже – из тюрьмы.

Старший дрался в Сталинграде,
Дважды ранен был в Орле.

Младший жил в отцовой хате,
Полицействовал в селе.

Из-под палки, под нажимом,
Не глядел в глаза родне.
Пусть казнился, но служил он
Не на нашей стороне.

Нынче ходит как-то боком,
Стал похожим на овцу.
И живёт в селе упрёком
Удручённому отцу.

Сыновья не знают сладу –
Не чужие, не свои.
– Уезжать обоим надо! –
Повелел глава семьи.

Обнял старшего, горя:
– Расставаться очень жаль!
Бросил младшему: – Помру я,
Хоронить не приезжай!

Моего на этом свете
Ты прощения не жди.
Отмывай грехи до смерти
И детей не заводи.

Так старик остался в горе,
Со двора не выходил.
Смерть его призвала вскоре –
Старший сын похоронил.

Поминальный справил ужин,
А когда пришёл рассвет,
За иконой обнаружил
Запечатанный конверт.

Вскрыл его. Рука отцова.
И бумага, словно жечь.
А на ней всего три слова:
«Завещаю: хату – сжечь».

БАЛЛАДА О ЛЁТЧИКЕ

Среди кипящего базара,
Что о богатстве шумно лгал,
Стоял он с грустными глазами
И самолётик предлагал.

Махнув крылом на сор эротик,
Затмив чужие словеса,
Казалось, вздрогнет самолётик
И устремится в небеса.

Базар базарил о базарном,
Шаманил всюду сатана,
Небритый хлыщ в смешке азартном
Присвистнул: – Купим летуна!

А «продавец» в папаху спрятал
Своей неловкости предел.
Он, будто вновь над Сталинградом
В ревушем пламени летел.

И падал с неба, обгорелый,
В безвестный ад, в бездушный суд...
Шептали губы: – Боже, сделай,
Чтоб не раскрылся парашют.

Парад 1941 года

В былое глядим всё проще мы,
Но...
Враг у Московских врат,
Проходит по Красной площади
Из боя и в бой парад.

Шинели... Бушлаты... Ватники...
Горячие ППШ...
Шагают бойцы без паники,
Отчизну в руках держа.

А день снегопадным выдался,
Рассерженно-ветровым.
Парад всему миру виделся
Сражением роковым...

Вот Сталин под близью выстрела
Раздумен стоит, высок.
Рождается мысль у Гитлера
О выстреле в свой висок.

Вдали ещё Курск невиданный,
Неслыханный Сталинград,
Но, будто Всевышним выданный,
Наградой гремит парад.

А путь по европам шёлковый?!
Берлин далеко не пал,
Но Гитлеру «праздник» – шоковый,
Для Сталина – высший балл...

Несёт колесо нас чёртово
От славных побед назад...
У «немца» б спросить «почётного»:
– На что
Променял
Парад?!

МАРШАЛ ЖУКОВ

Владимиру Васильевичу Карпову

Стратегически мыслить мастер,
Вы победно вели бои.
Вас боялись фашисты, маршал,
Испугались – потом – свои.

Не жалея ни сил, ни жизни,
Вы сломали хребет войны,
Возвернули покой Отчизне,
Глядь – и сами уж не нужны.

Вас клевала льстецов орава,
Увязая в своей возне,
Вечно – Ваша – мешала слава
Самым высшим чинам в стране.

Пребывая в крутой опале,
Вы не пали в обидах ниц.
И сраженья опять вскипали
На полях боевых страниц.

Надо – спорили Вы с вождями.
И на встречах, в любви, в мечтах
Убедительно побеждали,
Как и прежде, на всех фронтах.

Ваша слава в боях добыта,
Подвиг мыслями не объять.
Только нет на Земле гранита,
Чтобы мужество изваять.

ИЗ ДЕТСТВА

*Моей учительнице –
Антонине Васильевне Луханиной*

Мир добивает фашиста проклятого,
Слушая раненый голос Москвы.
Ходит по классу зима сорок пятого,
А между партами ходите Вы...

Я и теперь, Антонина Васильевна,
Ваши движенья ловлю сквозь года.
Вы – в моём сердце легенда красивая,
Свет негасимый во мне, а тогда...

Школа – добра и надежды излучина
В дымный, истерзанный бедами час.
Вами вчера «похоронка» получена,
Я – получаю «пятёрку» от Вас.

Я расселяю счастливые буквы
Тонким пером на линейках косых.
Сердце гремит. И мне кажется, будто бы
В Пушкинский – робко – въезжаю язык.

Годы пройдут, и мои сочинения
Вы прочитаете классу всему.
Ваши уроки и Ваше терпение
Только потом оценю и пойму.

Время причешет и тьму, и мучения...
Слушая Ваш материнский совет,
Глядя с любовью на Ваше свечение,
Понял я в детстве: учение – свет.

* * *

Сколько лет прошло, сколько зим!
Помахало полвека ручонкой,
Но, как будто, опять голосим
Над погибшей девчонкой.

Помню, крохотный след у бровей,
На красивом лице – ни кровинки,
Лишь кружил на щеке муравей,
Да к губам поналипли травинки.

А старик, что мальцов разводил
После этой разбойной бомбёжки,
Всё руками – в слезах – разводил,
Всё стонал у кровавой дорожки.

Да когда б не шальная волна,
Не осколка заблудшая сила,
Нарожала б детишек она
И с любовью внучат бы растила.

Мы её схоронили тогда
В огороде, где птицы сновали.
Поразмножилась тут лебеда –
Зря ли частой слезой поливали.

А пришли золотые деньки,
Мы не долго судили-рядили:
У могилы её топольки
Торопливой весной посадили...

Урожайми эта земля
Отвечает на наши заботы,
Но глядят с высоты тополя:
Не летят ли опять самолёты.

* * *

Встаёт, как будто из тумана,
Поры военной эпизод...
В ту ночь две Марьи, два Ивана
Вели пшеницы обмолот.

Махая длинными цепами
Иваны были горячи,
И Марьи им не уступали,
Терзая звонкие бичи.

Всю ночь усердствовали парни,
О ток стучали, как в набат.
И перемигивались Марьи:
Мол, не отстанем от ребят.

Работа спорилась что надо,
Лишь звёзды падали во мглу,
Да подступала канонада
К полусожжённому селу.

Луна, к земным спускаясь тропам,
Узнала в сумерках сырых,
Что было юным хлеборобам
Все сорок лет. На четверых.

* * *

Средь попавшей в беду земли,
Когда Родина кровоточила,
Когда друга на казнь вели,
Не заплакал мужчина.

Когда город сожгли и дом,
И врагу отдалась дивчина,
Нервы сжав, не забыв о том,
Не заплакал мужчина.

Он войну на горбу тянул,
Та бесслёзью его учила.
Разбивался, горел, тонул,
Но не плакал мужчина.

Шли бои, где ни лечь, ни встать,
В бездну рушилась чертовщина.
Речь завёл о пощаде тать,
Рассмеялся мужчина.

Он с Победой покинул танк,
И девчушка цветы вручила.
Соловьи заливались так,
Что заплакал мужчина.

Владимир ГЛЕБОВ

ПОД МОСТОМ ПЕРЕКУРИТЬ...

Рассказ сапёра

Начинал я в сорок третьем
С переправы на Донце.
Месяц май на Эльбе встретил.
Повезло – остался цел.

Был закон у нас, сапёров,
Смысл его суров и прост:
Если ты построил мост –
Становись к его опорам.

Танки, пушки и пехота
Громяхают над тобой,
Отвечаешь за работу
Тут буквально головой.

Внук меня про счастье спросит –
Снова вспомню я о том,
Как под топот, гром колёсный
Мы курили под мостом.

Как дошли мы до Победы –
Так сумеь бы жизнь дожить,
Чтоб спокойно напоследок
Под мостом перекурить.

Новобранцы города Тулы

В тесном клубе не вмещался
Дружный хохот молодой,
Но никак он не касался
Парикмахерши седой.

Парикмахерша на сцене
«Под нулевку» стригла нас.
Для меня, как откровенье,
Был простой её рассказ:

«В сорок первом новобранцев
Из Рабочего полка
Стригла в поле. Стыли пальцы.
Холод, ночь, ни огонька.

Только небо в красном свете.
Я спешила, что есть сил.
С поля дул студёный ветер,
Ветер волосы сносил.

И ушли промёрзшей пашней –
Напрямую, без пути...
Уцелел в той битве страшной
Лишь один из десяти.

С той години новобранцев
Со слезами я стригу
Каждый раз...
А отказаться
Почему-то не могу».

Солнце

Выдали портянки для меня,
Мама в них меня запеленала.
Год назад окончилась война,
И всего ещё недоставало.

Хлеба, керосина и гвоздей –
Полстраны в обугленных руинах...
Я пишу об этом не затем,
Чтоб создать суровую картину,
Полную лишений и невзгод,
И сказать: «И мы хлебнули лиха!»
Нет! Глядит светло и многолико
На меня из детства каждый год.

Было солнце, солнце – каждый день!
Что его над нами поднимало?
Почему нас обходила тень?
Знают только Родина и мама.

Анатолий МИРОШНИЧЕНКО

ВЗЛЁТНАЯ ПОЛОСА

Ребята, как там ваш аэродром?
Неужто небо
 может
 рас –
 колоться?!

И тишину вы носите ведром,
Как воду из соседнего колодца?..

И по ночам из беспокойных снов
Тревога вырывает вас, как коршун?
...Уже на взлётной полосе звено,
А ночь и сон – всё это где-то в прошлом.

Ревут турбины, и земля дрожит,
И горизонт в кровавый цвет окрашен...
Как отрываться от бетона страшно!
А надо отрываться,
 чтобы жить!

МЫ – МУЖЧИНЫ

Мы – мужчины.
Нам к лицу и рубцы и морщины.

На рубахах солёный пот
От тяжёлых земных работ.

Впору кирзовые сапоги
И пространства глухой тайги.

Мы, где сто, где один из ста,
Валим сосны и варим сталь.

Тянем с рыбою невода,
Строим сёла и города.

За полярный уходим круг
Открывать острова (а вдруг!).

Но за уймой забот и дел
Ждёт нас грозно другой удел...

Да, за нами, как зверь живой,
Дым пластается пороховой...

Мы и ночью, и белым днём,
Под бомбёжкой и артогнём,

Над промёрзшей до дна Невой,
Над днепровскою синевой

Поднимаемся в полный рост,
Рядовые стрелковых рот.

Если грянет опять война,
Нас построит в полки страна.

В годы мира и в дни кручины
Мы – мужчины!

На холме, где роща – каской,
Где стоит вороний гвалт,
Сорок лет в могиле братской
Спят четырнадцать солдат.

Встать бы им да вспомнить вместе
И походы и бои!..
Лишь один из них известен –
Рядовой Житков П.И.

Понапрасну к ним спешила
И Победа и весна:
Изломала, искрошила,
Даже имени лишила
Их проклятая война!..
Сорок лет их ищут где-то,

Ихней славой дорожат,
А они в могиле этой
Безымянными лежат...

Если б ты во тьме сгущённой
Вспомнить мог о силе слов,
Безымянных поимённо
Мог назвать, П.И. Житков!

Ветер стон сюда доносит
Сквозь сосновый лес штыков...
Вещих слов не произносит
Рядовой П.И. Житков...

Братский холм и сосен стража
В жёлтом океане ржи...
Кто же вспомнит, кто мне скажет,
Здесь ли мой отец лежит?..

ПРОВОДЫ В СЕНТЯБРЕ СОРОК ПЕРВОГО ГОДА

Припав ко мне и обнимая,
В любви и верности клянётся,
И я, лицо её целуя,
В любви и верности клянусь.

Пока не подана команда,
Пока я в строй не стал,
Клянётся.
Пока не примкнуты штыки,
Пока не розданы патроны,
Пока не вспыхнула ракета,
Пока в атаку не пошёл я,
Пока под Тулой в рукопашном
В траву со стоном не упал,
Пока в траве полусожжённой
Не брошен я и не забыт,
Пока командой похоронной
Поспешно в землю не зарыт,

Клянётся
 ждать
 меня
 она!

И сам я, зная всё,
 клянусь,
Что к ней живым
 с войны
 вернусь...

МОНОЛОГ

*...Я убит подо Ржевом.
А. Твардовский*

Взойду ли я травой,
Дождём ли я прольюсь,
Я говорю с тобой,
И плачу, и смеюсь.

Я лёгок на помин –
Дождём или травой –
Любимая, пойми:
Я дождь, но я живой!

Я василёк во ржи,
Полынь и зверобой,
Я умер, чтобы жить
Дождём или травой...

Не жди меня в саду,
Поникнув головой, –
Я сам к тебе приду
Дождём или травой...

Памяти отца

Искал твоё имя
В освобождённом Донбассе
На каждой дощечке,
Поднявшей звезду жестяную,
На каждом кресте безымянном,
На каждом кладбищенском камне
Искал твоё имя...

Искал твоё имя
По всей Украине
На братских могилах,
На плитах гранитных,
На мраморных стелах,
На обелисках из нержавеющей стали
Искал твоё имя...

Ищу твоё имя,
Скитаясь по белому свету,
В военных архивах,
На пепелищах Хатыни,
В бараках Майданека и Дахау,
На стенах рейхстага
Ищу твоё имя...

Отец,
Отзовись,
 если можешь,
 из небытия!

Война меня детства лишила,
Лишила последнего права:
Оплакать тебя
И живые цветы положить
На могилу твою,
 на могилу,
 отец...

Сижу на валуне со стариками,
Слежу за мыслью, пущенной в полёт:
– Здесь хороши и жареные камни,
Когда картошки всем недостаёт!

– Не верь, Петрович, этой стерве серой!
В лесу вредней кукушки – птицы нет!
– Не сплю ночами – вспоминаю север,
Арест в семнадцать с половиной лет!..

– А мне, ребята, снится голодовка
Так, что в желудке закипает сок!..
Бегу в буфет, забывши, что золовка
Его назло закрыла на замок.

– Степаныч, помнишь, как спасали Прагу?..
А лес, в котором земляки висят?..
– Демьян Сергеич, доставай баклагу –
Налей танкистам по сто пятьдесят!

Течёт, как речка горная, беседа
Рабочих, офицеров, каторжан...
... Взят Кёнигсберг. Оплакана Победа.
Горит рейхстаг всю ночь... у гаража...

ГОЛАЯ ДОЛИНА

Голая Долина... Голая, как стол:
Ни лесочка рядом, ни вдали – кустов!

Всё, как на ладони, где ни схоронись,
Здесь, должно, не стоит и полушки жизнь...

Только вьётся змейкой речка через степь.
Эх, браток, налей-ка – одурачим смерть!

О, ходы-окопы, ямы-блиндажи,
Хоть и нет охоты, смейся-не-тужи!

Знает ли, положим, генерал Чуйков,
Сколько здесь положит наших мужиков

Немец в сорок третьем и в сорок втором?
Завтра на рассвете двинем напролом

Батальоны-роты, мех-и кавполки,
Полчища пехоты, сабли да штыки.

Ну, товарищ случай, выручай солдат!
Где он взялся сучий фюрер – Гитлер-гад?

Матом кроет «батя» ротных на КП...
Поднимайся, братец, и вперёд теперь!

Под огонь кинжальный при и под картечь.
Интендант-печальник, водкой обеспечь!

Видишь – огнёмёты, видишь – нас живьём...
От пехоты-роты только мы втроём

Уцелели: Таллин, Тула и Чита...
Сосчитай нас, Сталин! Ну-ка, сосчитай!!!

Не твоей ли властью, вурдалак рябой,
Пошвыряли части в бойню, а не в бой?!

...Затянулся туго фрицевский мешок!..
Эх, война-разруха, санитар-дружок!..

Стонет, воеет, плачет, прокликает степь...
Нет, не одурачить ни судьбу, ни смерть!

...Вот, браток, на стелах наши имена...
В карауле смена, в трауре страна...

Э, да там, похоже, – толика одна!
Сосчитай нас всё же, родина-страна!

Всех, да поимённо, да за ратью рать,
Да склони знамёна славные опять...

Чтобы жёны-бабы... Чтобы знал народ,
Сколько нас хотя бы здесь в сорок втором...

Назови повинных, укажи перстом!
Голая Долина... Голая, как стол...

Когда окончилась Великая война,
И умерла от голода Надежда,
Я ненавидел немцев так,
Как может ненавидеть их мальчишка,
Отец которого погиб на фронте.

И через год
И три десятилетия спустя
Я ненавидел немцев
несмотря
На показную дружбу с ГДР,
Я ненавидел их, как семилетний сын,
Оставшийся навеки сиротой...

Я медленно мужал, но приступы тоски
По без вести пропавшему отцу
Меня преследовали неотступно.
И лишь спустя полвека понял я,
Что Время, исцеляющее все
Душевные и прочие недуги,
Меня от ненависти не излечит...

Но, слава Богу, ненависть слепая
С течением неумолимых лет
От сердца постепенно отошла.
И я со временем смирился с мыслью,
Что даже ненавистных немцев
Нельзя винить во всех грехах огульно.

Что их поставил под ружьё вампир,
Помешанный на мировом господстве.
Что на Восток не все они пошли,
Как врал паршивый Геббельс, добровольно.
Что на войне Великой не живут
По Божьей заповеди «не убий»...

Я понял суть трагедии кровавой,
Добрался до нейтральной полосы
Оценок объективных, и событий,
И состоянья собственной души,
Смирился с их убийственным итогом,

А утешенья в этом не нашёл...

НА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ...

...Он кроет нас за трусость впрок...
А сам в окопе остаётся...
«За Ро...» «За Ста...» Редееет полк,
Вот-вот атака захлебнётся.

Залечь бы да ползком – назад,
Иначе всем – исход летальный,
Да позади – заградотряд,
А впереди – огонь кинжальный!

Невозмогу!.. Свинцом, как хлебом,
Нас кормят гансы!

Полк – как ртуть –
Рассыпался... Открылся путь –
В окрашенное кровью небо...

Чужую чувствую беду,
Кричу Кавказу и Памиру:
«И я состарюсь и пойду,
Гонимый распрями, по миру...

Окститесь, злые варнаки!
У Времени – стальные спицы,
И ваши танки у реки,
И ваши пушки вдоль границы

Оно сметёт, как мелкий сор,
В распадки, пропасти, ущелья.
Нет повода у нас для ссор,
Нет – для цунами, нет – для селя!..

Ударим, братья, по рукам,
Вернёмся в лоно дружбы прежней,
Где нету места дуракам,
А есть – осмеянной Надежде...»

Когда же выйдет, наконец,
Война, в среде людей, из моды,
И канет в Лету лет свинец,
Разъединяющий народы?!

Пройдут два дня, и грянет День Победы!
Раскошелитесь, наконец, скарады!

Я знаю, кто вас и куда влечёт –
Пускай повременит ваш спонсор чёрт!..

Оставьте ваши дьявольские игры,
Снимите с ветеранских плеч вериги

Окопной жизни, вылазок, сражений,
Побед грядущих, первых поражений –

Всего, что принесла с собой война...
Живых солдат обязана страна

Назвать, а вы их поддержать должны,
Исчадья господина Сатаны!

Вы, пороха не нюхавшие, гады,
Не слышавшие рукопашной правды;

Не видевшие, как в горящем танке
Взрываются заправленные баки;

Как через белорусские болота
Идёт в атаку матушка-пехота;

Какою кровью русский Исполин
Полил дорогу Сталинград-Берлин;

Как водрузили наш советский флаг
Гвардейцы на поверженный рейхстаг!..

Но в День Победы дело не в салюте,
А в ней одной – в Торжественной Минуте

Молчания, когда мы о погибших,
Умерших, искалеченных войной

Скорбим всем миром...

А стандарт двойной
Страшнее бомбы на кремлёвской крыше!..

ПОБЕДИТЕЛИ

Они идут по улицам сейчас,
Как некогда, в далёкий День Победы,
И ордена на штатских пиджаках
Под солнцем ослепительно блестят.

Они идут, седые старики,
Друзья, однополчане, ветераны!
За ними следом – ветры, и война,
И выжженные крылья плащ-палаток.

Да, это Победители идут!
Чуть-чуть хмельные от вина и славы
По улицам, запруженным людьми,
Как некогда, в далёкий День Победы!

Роман ЛЕВИН

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ

Рождение Христа - вселенская надежда
И вера для землян в добро, любовь и мир.
Мария - Божья мать, обняв младенца нежно,
Оставила векам сей неповторимый миг.

И просветленность лиц над колыбелью детской,
Вникающих душой в Божественный завет,
И ангелов крыла, что негасимой фреской
Украсили в ночи, уснувший Назарет.

Но жизнь куда сложнее рождественских идиллий.
Был распят Божий сын, в исканьях возмужав.
За правду и добро его, глумясь, убили.
Воскрес он, но вечна кровавая межа

Между добром и злом, неся вражду и войны.
Не потому ль себя не в силах превозмочь,
Покамест я живу, я памяти невольник,
И вспоминаю вновь рождественского ночь.

Сорок второй. Война. Расстрелы. Оккупация.
Мальчишка, как-то смог ты смерти избежать,
Чтобы в чужом доме согреться, отоспаться
И, главное, найти спасительницу-мать.

Что приняла тебя и побратала с сыном.
Молитве «Отче наш» по-польски научив.
В рождественскую ночь за стол нас усадила,
Обитель подсветив мерцанием свечи.

Далекий Назарет в полесское местечко,
Как некий вещий знак привет свой передал.
Осталась эта ночь в моей душе навечно.
Хотя нас ожидал трагический финал.

Мать Флория спасла в том геноциде лютом
Не мало жизней, чтоб себя не убересть.
Её арестовал тот полицей-Иуда,
Чтоб прямиком в тюрьму к гестаповцам упечь.

Иуд и палачей хватает и поныне.
О, Господи, прости. В рождественскую ночь
Не должно говорить об этом. Но святыни,
Что озаряют нас, сумеют нам помочь.

Василий ОМЕЛЬЧЕНКО

ЦВЕТOK РАЗРЫВНОЙ ПУЛИ

Все дальше и дальше откатывается от нас страшное эхо Великой Отечественной войны. Все меньше остается живых ее свидетелей – участников освобождения нашей Отчизны от немецко-фашистской своры. Все слабее память о тех великих и жутких событиях.

О той войне, сегодня уже далекой, много написано книг, снято фильмов, но любой фронтовик согласится, что до сих пор о Великой Отечественной сказано далеко не все. И многое не совсем так, как было. Настоящую правду не принято было писать. Помню, в одной из своих документальных книг я поведал, как мать в голодный сорок пятый год бросила на вокзале своих дочку и сына. А потом через много-много лет они нашли свою мать, и встреча эта была не из самых радостных. Редактор, который славился тем, что после него ничего уже не будут вычеркивать, красным карандашом перечеркнул все эти драматические страницы: «низ-зя!».

Многое было «низзя». Однажды я написал очерк «Без боя», а потом – повесть о Степане Прасолове, человеке, вернувшемся с войны с обезображенным лицом, которую послал Константину Симонову. Мол, такие произведения, как «Русский характер», «Семья» и «Просто любовь», может быть, и были нужны во время войны и сразу после ее окончания, но судьба людей, подобных герою моей повести, от этого не становилась легче.

К. Симонов ответил (потом это письмо было опубликовано в «Известиях» и девятитомнике писателя): «Вам, мне кажется, следовало бы задуматься о том, как прозвучит та правда, о которой вы пишете... Ведь самую горькую правду можно и нужно сказать людям, если она может им помочь, если благодаря этой правде они поймут, что и как им надо сделать, что и как изменить в своем поведении, в своих взаимоотношениях с людьми, чтобы добиться счастья, любви, найти свое место в жизни.

Я лично не убежден, что сказанная в вашей повести правда способна оказать такое действие на человеческие отношения... Повторяю, мне кажется, что все это должно Вас, человека, видимо, хорошего, душевного, заставить задуматься над этой жестокой стороной литературы».

Я не послушал совета классика и написал все-таки правду, руководствуясь народной мудростью: лучше горькая правда, чем сладкая ложь. К тому же, зачем вводить в заблуждение поколение, которое не знает, как это было, что такое война и

каковы ее последствия? От лакировки пользы немного. Мы, «дети войны», последние ее свидетели. И мы должны, обязаны говорить о ней истинную правду, какой бы горькой она ни была, чтобы люди знали, как это было, и чтобы этого больше не было ни-ког-да..

Войну знают и помнят не только те, кто с оружием в руках защищал Отечество, но и те, кто не получал повесток в военкомат – дети. Мальчишки и девчонки военного времени познали голод и безотцовщину, оккупацию и эвакуацию, бомбежки и надругательства фашистских захватчиков. Дети войны пережили все ужасы тех кровавых лет, и это время оставило незаживающие раны.

Дети войны страдали не только от фашистских оккупантов, но и от своей родной советской власти. Если твой отец попал в плен, на тебе – клеймо сына предателя, врага народа. Если ты жил во время войны на оккупированной территории, к тебе нет доверия. Ну а если ты был еще и невольным донором, у тебя брали кровь для немецких раненых летчиков... А если ты родился от немца... Отцов не выбирают, но как к тебе будут относиться твои сверстники?!

Автор намеренно оставил вне своего внимания великих страдальцев – малолетних узников концлагерей, сынов полка, юных героев – о них написано немало хороших книг. А вот о большинстве детей войны, о рядовых ее свидетелях и жертвах, которые жили незаметно, страдали молча, трудились наравне со взрослыми, книг раз-два – обчелся.

Автор этих строк попробовал зафиксировать, так сказать, «живые голоса» последних свидетелей Великой Отечественной войны.

Помню первое организационное собрание детей войны. Тихо и, как мне показалось, осторожно стекались на него пожилые, придавленные нынешней жизнью люди. В глазах у каждого – затаенная боль и невысказанная обида: есть ветераны войны, есть участники боевых действий, есть те, кто в войну трудился в тылу, и они как-то замечены, о каждом из них хоть маленькая, но проявлена забота. А разве они не имели никакого отношения к войне? Разве война не оставила в их сердцах незаживающую рану?

Усаживаясь в зале, перебрасывались короткими фразами: я родилась в окопе... а мне немец ногу прострелил... а меня фриц держал за ноги над колодцем и хохотал... а моего брата у меня на глазах расстреляли... а нас с сестренкой, когда был голод, мать привела на вокзал и бросила... а мне... а у меня... а у нас...

Я смотрел на этих истерзанных жизнью людей и думал: «Эти люди – последние свидетели войны. Взрослые видели ее своими глазами, дети – своими». Так и возникло желание написать книгу, составленную из воспоминаний детей войны. К тому же известно, что один из «вождей» Октябрьской революции, Лев Троцкий, цинично утверждал, что история будет такой, какой мы ее напишем. Я обратился через газеты к тем, кто знает, как все это было, получил много писем-воспоминаний, беседовал с очевидцами тех страшных событий и охотно представляю их истории читателю. Пусть нынешнее поколение знает, что пришлось пережить их дедушкам и бабушкам, когда они были детьми. Пусть знает и власть...

He нужна мне немецкая конфета

Таисия Романовна Ковалева из села Охочее Нововодолажского района. Когда началась война, ей было немногим более трех лет. В войну дети взрослеют быстро и многое помнят. Таисия Романовна рассказывает:

– Я не знаю, когда захватили наше село немцы. По рассказам мамы, уже покойной, отца забрали за сорок дней до войны, и на фронте он был до конца войны, а потом его списали по ранению. У меня сохранился его военный билет, и там все написано – где воевал, кем был и какие ранения получил.

Когда отец пришел с фронта, израненный, пошел сразу работать в колхоз, потому что нас, детей, было трое, надо было нас кормить.

Я хорошо помню, что мы ходили в школу, разные по возрасту, ходили в один класс, писали на чем придется: на газетах, на старых книгах, на разных квитанциях. После уроков ходили в поле, собирали колоски и сдавали их в колхоз.

После войны я работала в садике-яслях. Если вы не знаете, что такое кибитка, расскажу. Это запряженные рабочие волю и из фанеры сделанная будка, мы садились, и какой-нибудь инвалид управлял этими быками, а мы брали по два младенца на руки и везли в поле, где работали их мамы на молотилке, чтобы они покормили детей. Мы молотили хлеб и сушили зерно на току, и за это нас кормили галушками и затирухой, а мы были очень рады. Кстати, тогда было голодное время, но мы все были очень дружные.

А про войну что... Мама рассказывала, что меня, совсем маленькую, хотел застрелить немец, потому что я выбросила конфету, которой он меня угостил. Он направил на меня автомат и сказал: «Ваши киндеры с пеленок уже партизаны». Мама плакала, говорила, что я еще ничего не понимаю. А я понимала, честное слово, понимала, мне противен был немец, и мне не нужна была его конфета...

Самые вкусные были листья липы

Людмила Валентиновна Пруссакова, харьковчанка:

– Когда началась война, мне еще и трех лет не было, а когда освободили Харьков, было только пять. Говорят, что такие дети еще не помнят ничего, но это, наверное, если они растут в мирное время. А я так много помнила, что иногда даже удивляла этим своих родственников после войны.

Мы жили в то время на Лысой Горе – поселок Красный Октябрь. Немцы сначала выгнали нас из дома, мы жили в сарае и погребе. Но потом им понадобился погреб для боеприпасов, и они выгнали нас и оттуда. И мы жили в выкопанной во дворе землянке. Не считаются дети участниками войны, не представляются им никакие льготы, а сколько им пришлось пережить...

Голод был страшный, зимой – вообще ужас. А когда появлялись листья на деревьях, мы ели листья, и я хорошо помню, что самыми вкусными были листья

липы. Я так привыкла к ним, что и после войны еще какое-то время ела их.

Чтобы не умереть с голоду, моя мама, рискуя, что меня могут пристрелить немцы, когда они напивались в доме и выбрасывали в окна объедки, посылала меня ползти и собирать это, спрятавшись сама за углом дома. Сколько седых волос у нее за это время появилось, ведь она не знала, доползу я обратно или нет...

Ангелы-хранители

Может быть, и не вспомнилась бы эта в общем-то обыкновенная история, если бы не узнал однажды, как в Харькове в войну в детском доме брали у сирот кровь для раненых немецких летчиков. Они становились донорами поневоле, «выхаживали» вражеских летчиков – страшный момент в жизни детей войны.

Эту историю мне рассказала вдова солдата Прасковья Антиповна Затолокина. Было это в сорок третьем году в поселке Васищево. Шли бои за Харьков...

Как-то вечером прибегают домой дети – девятилетняя Саша и двенадцатилетняя Маруся:

– Мама, мама, там, в борочке, самолет, а под ветками летчики наши... раненые...

Мать шикнула на детей: в селе же немцы. Завела в хату, попросила рассказать толком, где и что они видели. Подумав, Прасковья собрала в узелок хлеба, картошки, сказала дочкам:

– Пошли, покажите, только запомните: мы идем на огород кукурузу полоть, понятно?

Девочки кивнули. На подходе к бору увидели новую просеку, прорубленную упавшим самолетом. Когда самолет уже был виден (обгоревший, он лежал на боку, со сломанным крылом), у просеки вдруг показались немцы с автоматами.

– Вэк, вэк, матка!

Пришлось вернуться.

– Их убили, мама, да? – допытывались дочки со слезами на глазах, – убили, да?

Что она могла ответить детям?.. А на следующий день сама выпрашивала у соседей как бы мимоходом, не слышали ли чего про летчиков. Никто ничего не знал. Или знал, да молчал. Вечером следующего дня зашел к ним однорукий Гриша, он работал в лесничестве сторожем. Пришел он насчет летчиков. Вчера ездил за соломой к Аксютовке. В скирде там они прятались, всего трое их. Один майор, голова перевязана, распухший весь... Он помог майору поменять повязку. Летчик просил приютить их денька на два, а потом, мол, отдохнув немного, будут переходить фронт.

– Я не могу их к себе взять, – словно оправдываясь, сказал сторож, – хатка у меня маленькая...

– Давай возьмем их к нам! – одновременно попросили мать девочки.

– Ну ладно, – сдалась Прасковья, – если денька на два, то можно...

За летчиками пошли все втроем, Прасковья и дочки – вроде в гости к родичам. На лодке переплыли речку Уды, потом шли по черной пахоте, потом – лесочком. Летчиков нашли в условленном месте.

Одного звали Григорий Маркович, другого – Вася, третьего – Володя. Когда совсем стемнело, все отправились в поселок. Поселили раненых в сарае. Сделали под сеном что-то вроде куреня; когдаходишь в сарай, ничего не видно. Днем на сене дети играют, а то и спят.

Прошла неделя. Но летчики по-прежнему не могли идти к своим.

Однажды сестры, играя на сене, услышали такой разговор:

– Сколько можно ждать?

– А что ты предлагаешь?

– Мы вдвоем с Володей пойдем, а потом прилетим за тобой.

– Нет, куда вы сейчас не пойдете. Если попадетесь, погибнете не только вы, но и хозяйка и ее дочери, – это говорил Григорий Маркович, майор.

Больше всех, наверное, переживала Прасковья: и летчиков было жалко, и дочек. Однажды приходит Саша с улицы от подружек и говорит матери:

– Ленка спрашивает, правда ли, что мы прячем советских летчиков?

На следующий вечер явились «гости» – два немца и два полица. Они пришли как раз, когда Прасковья собралась делать майору перевязку. Выскочила на голоса, стала привязывать собаку – привязывала не торопясь, чтобы дать летчикам спрятаться в укрытие. Заглянули фашисты в дом – никого. К сараю направились. Отворили дверь, вошли и Прасковью толкнули туда, но на сене мирно спали дети...

Потом обшарили весь двор, заглянули даже в курятник, обследовали погреб, снова зашли в хату.

– А чего это девки твои такие бледные? – спросил один из полицаев.

– Кушают плохо... – нашлась Прасковья и заставила себя улыбнуться, – садитесь, я вам огурчиков дам, самогона, правда, нет.

Полици не сели, рассовали огурцы по карманам и удалились.

Утром пришел свекор Прасковьи и сказал, что немцы вроде бы собираются уходить. Ночью работали наши бомбардировщики и штурмовики, днем не давала покоя фашистам артиллерия. Немного окрепшие летчики оживились от этой новости и собрались уходить. Как стемнело, пришли прощаться:

– Спасибо за все, мы никогда вас не забудем!

Ночью снова явились фашисты, забрали корову и выгнали мать с детьми из хаты.

– Куда же вы нас? – Прасковья, прижимая к себе детей, побежала к своей хате, но ее грубо оттолкнул немец.

– Вэк-вэк, а то бац-бац! – прокричал он, клацая затвором автомата.

Побрели к лесничеству, где сторожил однорукий Гриша. Там, в большом подвале, вместе с другими женщинами и детьми провели неделю, в темноте и сырости.

По частым взрывам и гулу самолетов было понятно, что наши уже близко.

Немцы отступали. Как-то дверь подвала широко распахнулась, и в проеме показалась грозная фигура фашиста с автоматом в руках.

– Есть партизан? – завопил он, направляя на людей дуло автомата.

Все замерли, но его кто-то окликнул – и фашист захлопнул дверь подвала. Наверху слышались выстрелы, крики. Через какое-то время снова распахнулась дверь и

все опять вжались в холодные стены подвала: сейчас немец бросит гранату...

– Тут есть кто живой? – раздался сверху чей-то бодрый голос. – Если есть, вылезайте – свои пришли!

– Наши! Наши! – закричал кто-то.

Радости не было границ. Наконец-то пришли наши! Прасковья, держа девочек за руки, домой не шла – бежала. Когда до дома осталось несколько метров, они остановились, как вкопанные: от дома-то остались лишь печка да пепел.

– Два раза немцы бензином обливали, – рассказала соседка, всхлипывая.

В тот же день еще одно несчастье обрушилось на семью Затолокиных: у девочек ранили дедушку и убили бабушку.

...Фронт откатился на запад. Как-то девочки спросили мать:

– Интересно, где сейчас наши летчики?

Откуда было матери знать, живы ли они. Хотелось, чтоб были живы, но война есть война... И вдруг – весточка с фронта: все трое живы, и Григорий Карбинский, и Владимир Рушинцев и Василий Болобанов (теперь уже, из письма, их спасители знали всех по фамилии). Они писали: «Спасибо вам, дорогая наша спасительница Прасковья Антиповна, спасибо и вашим милым деткам Сашеньке и Марусеньке, спасибо за все! Мы знаем, сколько вам пришлось пережить из-за нас, мы знаем, на что вы шли, укрывая и выхаживая раненых советских летчиков. Можете считать, что рисковали вы не напрасно, мы снова летаем и снова бьем фашистов. А за те трудные сорок шесть дней и ночей, которые мы у вас прожили, вы стали для нас как родные. Низкий поклон вам, наши ангелы-хранители!».

А через месяц пришло еще одно письмо, из Сибири. Писали отец и мать Володи. Дело в том, что они получили «похоронку» на сына – товарищи видели, как падал самолет... Погиб – и вдруг от него письмо!

«Может ли быть большая радость, – писали отец и мать Володи, – может ли быть выше счастье у родителей, когда, навсегда простившись с самым дорогим человеком, со своим сыном, узнаешь вдруг, что он живой! Мы не знаем, как благодарить вас и ваших детей за то, что вы вернули нам радость жизни, рискуя своей жизнью, спасли нам сына!».

Всю войну летчики писали письма семье Затолокиных, Василий Болобанов, к сожалению, геройски погиб в Латвии. Летчик-штурмовик Григорий Карбинский и его воздушный стрелок Владимир Рушинцев закончили войну в Германии и сразу после победы навестили в Васищево семью Затолокиных. А через некоторое время построили им вместо сожженной хаты новый красивый дом...

Бойцам были очень нужны валенки

О Евдокие Владимировне Левковской из с. Новоивановка Коломацкого района рассказала директор Коломацкого территориального центра социального обслуживания пенсионеров Александра Яковлевна Тимченко:

«Пишу от себя, чтобы Евдокия Владимировна не знала. Она женщина очень

скромная и о себе ничего бы не написала. Я ее очень уважаю и люблю. Это моя учительница русского и украинского языка. У нее очень доброе сердце.

В своей жизни она пережила две беды. Первую, когда ее трех- или четырехлетней маленькой девочкой мать бросила на вокзале в Харькове в 1933 году... Бросила, чтобы уберечь от голодной смерти. Девочку подобрали и определили в детский дом. В ее свидетельстве о рождении росчерком через две страницы написано: «Родители неизвестны».

А вторая беда – война. Пережитое тогда не дает ей покоя и сейчас. А еще с тех пор очень болят руки. Говорит, они столько переделали....

Больше всего ей запомнилось, как они, детдомовцы, валяли валенки. В селе была мастерская – цех по изготовлению валенок. Горы грязной шерсти нужно было распушить. От пыли дышать было трудно, спать хотелось страшно, но нужно было выполнить норму, которая и для взрослого была непомерной... Поддерживала мысль, что там, на фронте, бойцам очень нужны теплые валенки... Если бы бойцы знали, чьими руками эти валенки делались...».

Так, может, не случайно, на рейхстаге в 1945-м появилась и такая надпись: «Спасибо, Батя, за валенки! Панфиловцы». Ее написали те самые, которые в сорок первом году не пропустили немцев в Москву.

Талисман

– В начале войны мне было 4 года, – вспоминает Виктория Дмитриевна Ромаданова из п. Червоный Донец Балаклейского района. – Хорошо помню, как мама собирала отца на войну. Когда решали, какую ложку положить в вещмешок, отец взял мою любимую – десертную. И маленькая, сказал он, и буду вспоминать о дочке. Я же, услышав, что отец хочет взять мою ложку, разразилась слезами – жалко было расставаться со своей ложкой. Такая глупая, несмышленная была...

Отец посадил меня на колени, погладил по голове и сказал, что он обязательно ее вернет, а стало быть, и сам вернется домой. Я тогда мало что понимала, но перестала плакать и разрешила отцу взять на фронт мою ложку. И что бы вы думали? Отец вернулся с войны живой и здоровый и мне мою любимую ложку привез. Много с ним чего случалось на фронте, в какие только переплеты не попадал, но выжил. Говорил, что спасала его обыкновенная десертная ложка его любимой дочери...

Люди были разные

Зинаида Сергеевна Душина рассказывает:

– Когда началась война, мне было четыре с половиной года. Помню, как бомбили город, помню свист авиабомб – было очень страшно. Жили мы на Садовой улице, сейчас это улица Чубаря. Рядом был немецкий штаб. На втором этаже у них была кухня, оттуда очень вкусно пахло, и мы, маленькие голодные дети, становились под окном и просили: «Пан, дай, дай!». Когда немцам надоедало наше попрошайничество,

они выливали на нас ведро горячей воды, мы – врассыпную.

Тетя Лиза, соседка, работала в госпитале уборщицей. Однажды она принесла маме старые немецкие носилки, с которых мама оторвала брезент, сшила юбку, продала ее на базаре и на вырученные деньги купила стакан пшена. Голод во время оккупации был страшный. На базаре картофельные очистки продавались на кучки. Поэтому кулиш из пшена был таким вкусным!

За носилки мы крепко поплатились. Сосед привел двух немцев и сказал: «Смотрите, ее муж ушел за Сталина воевать, а они занимаются вредительством – немецкого раненого не на чем носить, а они поломали носилки». Маму тогда немцы хотели повесить, как ей удалось избежать расправы, не знаю...».

Ирина ГЛЕБОВА

ПИСЬМО В БУДУЩЕЕ

Много замечательных, интереснейших историй происходило во время Великой Отечественной войны. Та, о которой пойдёт речь ниже – из их числа. Она оказалась настолько интересной и даже символической, что в середине шестидесятых годов о ней не раз писали центральные советские издания, был снят документальный фильм, прошедший по всем кинотеатрам большой страны... Помните: перед художественными фильмами в кинотеатрах (кстати, зачастую переполненных зрителями) показывали новостийные хроники или документальные фильмы? Вот тогда и этот фильм посмотрели сотни тысяч людей... В новое время социальных переустройств и переосмыслений, нашим воинам-ветеранам не раз пришлось слышать оскорбительные обвинения от правительств тех стран, по которым они прошли освободителями, где остались могилы их друзей – «В полях за Вислой сонной...». Вот почему этот случай символичен: советский воин, привыкший иметь на поле боя дело со смертью, дарит жизнь новому человеку... Эта история имеет прямое отношение к двум нашим коллегам, харьковским писателям Владимиру Глебову и Ирине Глебовой.

Наверное, в каждой семье есть предания, которыми дорожат, передают детям и внукам. Я хочу рассказать историю из семейной хроники: об отце мужа – о том, что произошло с ним в самом начале победного мая 1945 года и продолжалось потом всю его жизнь.

Алексей Гаврилович Глебов, а в ту пору просто Алёша Глебов, прошёл войну от начала до конца. Застала она его в Киеве, где он служил после окончания медицинского училища. На фронте он был командиром санитарного взвода. В мае 45-го войска Четвёртого Украинского фронта с боями освобождали от фашистов Чехословакию.

На рассвете 3 мая гитлеровцы наконец выбиты из села Стара Вес под Оставой. Ещё на окраине идет бой, а командир санитарного взвода Алексей Глебов уже нашёл подходящее помещение для госпиталя – большой уцелевший дом, прикрепил на крыше флаг с красным крестом. Только-только начал принимать раненых, как на пороге появилась пожилая женщина. Она была очень взволнована, о чём-то просила, указывая на красный крест. Ясно, что о медицинской помощи. Но какой? Кому? Никто из медиков не знал чешского языка, а она не говорила по-русски. Глебов изо всех сил пытался её понять, успокаивая, взял за руку. И тогда она, не отпуская его руки, повела молодого офицера в другой конец дома.

Женщину звали Мария Ондричкова. В маленькой комнате, куда она привела Глебова, на кровати лежала юная, лет двадцати, роженица. Её светлые волосы беспорядочно рассыпаны на подушке, измученное бледное лицо покрывали капельки

холодного пота, голубые глаза бессмысленно блуждали по потолку, потом остановились на военном в советской гимнастёрке... Она вздрогнула, попыталась простыней прикрыться, но руки не слушались. «Не бойся, дочка, – стала успокаивать её женщина, – это русский доктор, он поможет тебе...»

Алексей, конечно, не знал чешского языка, но это было понятно и без перевода. А ещё он сразу понял, что роженица в очень тяжёлом состоянии. Оказалось, последние несколько дней она, её муж Карел и родители прятались в подвале – от лютующих гитлеровцев, от обстрелов и бомбёжек. Молодая женщина и так была слаба, истощена, испугана, а тут ещё простудилась в холодном подвале. Три дня не может разродиться, по сути – погибает.

Алексею Глебову за четыре года войны пришлось увидеть и пережить многое. На его руках умирали смертельно раненные боевые товарищи. Он видел искалеченные, разорванные в клочья тела. На его глазах погибали смелые, сильные, молодые солдаты, и он всегда мучительно, до слёз, переживал за каждого погибшего, каждого раненного... И вот теперь перед ним молодая чешка, она тоже нуждается в его помощи, ей тоже угрожает большая опасность. Надо было действовать, и быстро. К счастью, опыт у молодого фельдшера был. Ещё до войны он работал в сельской участковой больнице. В зимнюю стужу, пургу, в весеннюю распутицу, на лошадке, а то и пешком, прихватив санитарную сумку, он исколесил многие километры, добираясь до отдалённых сёл, хуторов, чтобы помочь больным – в том числе, и сельским роженицам.

... Эти роды были тяжелыми и для матери, и для молодого акушера. Но Алексей делал всё, что можно. И вот наконец он принял ребёнка, младенец закричал, и в комнату вбежали двое мужчин, ставшие только что отцом и дедом.

– У вас сын, поздравляю! – сказал офицер.

Молодого чеха звали Карел Клима, он немного понимал по-русски. Не зная, как выразить свою радость и признательность он спросил:

– Как вас зовут? Мы так назовём сына.

Бабушка Мария просит зятя перевести разговор. И решительно кивает: верно, раз пришли русские, освободили село и помогли роженице, то сам Бог велит дать мальчику русское имя.

– Русское имя? – подхватывает Алексей. – Вот это правильно! Не моё, а просто русское. Назовите его Иваном – в честь всех русских!

Дед приносит сохранившуюся бутылку вина, и в маленькой комнате все пьют за здоровье Ивана Климы. Через пять дней наступит великая Победа, но пока ещё над домами с воем пролетают мины, на улице грохочут проходящие танки. Ещё идет война.

К вечеру советские войска двинулись дальше. Алёша Глебов и Карел Клима обнялись, прощаясь. Задержав руку офицера, чех сказал:

– Пожелай что-нибудь моему сыну.

... Алексей Гаврилович и в старости был большим выдумщиком, человеком с творческой фантазией. А в молодые годы и подавно.

– Знаешь что, – сказал он Карелу. – Я напишу Ване письмо.

Быстро нашёл бумагу, чернила, присел у стола. Торопился: взвод уже ждал его на улице. Письмо получилось коротким, но очень эмоциональным – о том, при каких обстоятельствах родился Ваня. Он желал чешскому мальчику мирной жизни, стать

добрым человеком, нужным своей Родине. «А мы сейчас уходим дальше, добывать фашистов...» И подписался: «Алексей Глебов, русский офицер, 3 мая 1945 года». Указал и адрес – село Глебово Курской области, где жил его отец. На заклеенном конверте Глебов написал: «Вскрыть через 15 лет». Удивлённому Карелу объяснил: когда Иван вырастет, пусть сам откроет и прочтёт...

В армии Алексей Гаврилович прослужил как раз ещё 15 лет – до 60 года, демобилизовался в звании майора медицинской службы. Нельзя сказать, что он совсем забыл ту давнюю военную историю. Но время стёрло из памяти и название села, и фамилию «крестника»: только имя – Иван. Откровенно говоря, не думал, что когда-нибудь услышит о судьбе маленького чеха. Жил, работал рентгенологом в больнице города Ефремова Тульской области, жена учительница, сын Владимир, дочь Ольга... Каково же было его удивление и радость, когда однажды пришло ему письмо из Чехословакии!

Карел Клима исполнил всё в точности: отдал сыну письмо в день его 15-летия. Ваня писал: «... Спасибо вам за всё и за ваше письмо. Мне очень бы хотелось найти вас, побывать у вас на родине, чтобы поблагодарить советский народ и вас лично за то, что вы сделали для освобождения нашей страны и лично для нашей семьи».

Письмо несколько месяцев искало Глебовых, по нескольким местам службы Алексея Гавриловича. И таки нашло! Он ответил мальчику, и между семьями Глебовых и Клима завязалась активная переписка. А летом 63-го Алексей Глебов с женой и дочерью Ольгой поехал в Чехословакию, в город Оставу, где жили Климы. Вместе с Карелом и Ваней Алексей Гаврилович едет в село Стара Вес. В доме, где стоял госпиталь и родился мальчик, его, как родного, встречает уже старая Мария Ондричкова. А в местной школе, оказывается, есть пионерский отряд имени Алексея Глебова.

...Через два года об этой истории узнал корреспондент журнала «Огонёк». В журнале был напечатан большой очерк, и материал оказался настолько интересным, что редакция «Огонька» организовала приезд Вани Климы и его младшей сестры Елы (Гелены) в Советский Союз. Вся семья Глебовых вместе с юными чехами побывала в Москве, в столичных театрах, музеях, парках и стадионах, проехали они по самым интересным местам Подмосковья, отдыхали на Черноморском побережье Адлера и Сочи, путешествовали горными дорогами Абхазии...

Прошли годы, постарели отцы, выросли дети. Иван Клима окончил Оставский горно-технологический институт, Володя Глебов – худграф Орловского пединститута, приехал жить и работать в Харьков. Ребята обзавелись семьями. У Ивана родилась дочь Рената, у нас с Владимиром – дочь Дарья, почти ровесницы. Алексей Гаврилович ещё несколько раз бывал в Чехословакии, у Карела и Ивана Климы. После одной такой поездки сказал внучке Даше:

– Там, в Чехословакии, Рената тоже называет меня дедушкой Алешёй, как и ты. Значит, вы обе мои внучки. Надо вам переписываться.

Ренате было одиннадцать лет, Даше десять, когда они впервые написали друг другу письма.

В середине девяностых годов не было уже в живых Алексея Глебова и Карела Климы – тех, кто впервые обнялись в мае сорок пятого, под бомбёжкой. Но продолжали посылать друг другу письма Владимир Глебов и Иван Клима – родной и названный сыновья Алексея Гавриловича. И переписывались его внучки – Даша и

Рената, уже студентки. Мечтали встретиться.

Это было третье поколение, продолжающее семейную дружбу. Дружбу, которая началась в невероятно тяжкое время, когда смешивались грохот смертоносных залпов и плач новорождённого. Эта дружба оказалась такой крепкой, что пережила конфликтный 68-й год, не разобщила, не поссорила две семьи. А вот более мощный катаклизм, распад наших стран – Советского Союза и Чехословакии, – оказался так силён, что мы потерялись. Изменились обстоятельства жизни, адреса, в какое-то время наверняка не доходили письма... Последнее время Дарья предпринимает попытки найти Ренату через Интернет. Пока, правда, безрезультатно, но надежды не оставляет.

Мы живём теперь совершенно в других государствах – в Украине и в Чехии. И всё же верится, что хрупкие человеческие чувства порой оказываются крепче времени, сильнее государственных устоев.

Александр ДУДКО

ЗАЛОЖНИКИ СВОЕГО РОДСТВА

До войны популярность И. В. Сталина была такой, что его считали чуть ли не божьим посланником, а советские люди называли «отцом и другом всех народов СССР». А был ли Сталин отцом своим родным детям и дедом своим внукам?..

У И. В. Сталина было двое сыновей и одна дочь: Яков, Василий и Светлана, которые дали Иосифу Виссарионовичу девять внуков. Но Сталин видел лишь троих. По воспоминаниям дочери Светланы, она однажды привозила на показ отцу своего сына Иосифа и дочку Катю. А дочь Якова, старшего сына Сталина, Галя (Гуля) жила у бабушки, пока её мать отсидела определённый срок на Лубянке как жена оказавшегося в немецком плену Якова Джугашвили.

Ставшая кандидатом филологических наук Галина Яковлевна Джугашвили вспоминает проживание у деда Иосифа как светлый маячок в своей жизни со вниманием и лаской деда. Оказывается, Сталин был способен и на это. Все остальные внуки Сталина видели своего дедушку только на портретах как вождя народов СССР. Между тем как дети, так и внуки Сталина испытали на себе величие отца и деда при его жизни, а потом и разделили вместе гнёт его имени после хрущёвского «развенчания культа личности Сталина».

Автору этой повести привелось встречаться с двумя внуками Сталина: с Александром Бурдонским, режиссером Центрального театра Российской Армии, и вторым внуком Сталина – работающим в Академии Генштаба полковником Евгением Джугашвили, кандидатом исторических наук по военной стратегии. Бурдонский – это сын Василия Сталина, а Евгений – сын Якова Джугашвили, старшего сына Сталина. Оба – прямые внуки И. В. Сталина, но по-разному относящиеся к деду.

Александр Бурдонский не хотел вспоминать своего родства, сразу объяснив: «Быть внуком Сталина в наше злобное время – значит нести тяжкий чёрный крест. Мне не однажды предлагали за большие деньги сыграть роль Сталина и в театре, и в кино. И я давал категорический отказ».

С Евгением Яковлевичем Джугашвили мы провели ряд интереснейших бесед на ниве поисков и уточнений поведения его отца Якова Джугашвили в немецком плену. Результаты тех бесед мне помогли написать повести о советских военнопленных «Трагедия плена» и «Судьба генерала».

Из-за верности памяти об И. В. Сталине у Евгения были неприятности, в конце концов его досрочно отправили в отставку, сейчас он живет в Грузии, остался непоколебимым правдивой памяти о своём деду. Своих сыновей он назвал: одного – Иосифом, а другого – Виссарионом.

Сталин был в жизни непредсказуемой личностью, но на государственном Олимпе он был твёрдым, рассудительным, даже в некоторых делах – слишком. Может быть,

сталинская твёрдость и решительность с вершин нашего времени кажутся пороками? Между тем Сталин видел за собою эту свою слабую черту и понимал, на основе чего она появилась. Разбираясь однажды с очередными проделками своего сына Василия, нередко спекулировавшего именем отца, Иосиф Виссарионович вдруг спросил: «Ты думаешь, ты – Сталин? Нет, ты не Сталин, как и я – не Сталин! – И тут отец ткнул пальцем в свой портрет. – Это он – Сталин! Народ его нарёк быть богом – Сталиным, вот и тяну я этот нелегкий воз, натирая синяки на своей спине и шее...»

Рассказывают, что как-то перед войной или в начале её вдруг Сталин выразился: «Я знаю, что после моей смерти на мою могилу натаскают кучу мусора. Но ветер истории безжалостно развеет этот мусор».

На XX съезде КПСС в общем-то не очень даровитый от природы человек по имени Никита Хрущев развенчал культ личности Сталина, а за ним начали объявляться всё новые и новые гиены, шакалы, ослы, всевозможные недоброжелатели людского покоя и памяти, – они побежали, как говорится в той басне, чтобы лягать мёртвого льва. Однако, как писал Михаил Булгаков, в любом вранье интереснее всего то, что оно – враньё от первого до последнего слова. Потому людям со временем начинает надоедать это враньё.

С начала 90-х годов, наконец, маятник антисталинской эйфории начал движение в обратную сторону. С этого времени стала сбываться вторая часть сказанного Сталиным: ветры истории загудели над кладбищами похороненного советского прошлого, в том числе и над прахом Сталина.

В современных российских издательствах появляются фундаментальные книги, пересматривающие ложные трактовки как истории Советского Союза, так и личности И. В. Сталина. На суд читателей выносятся глубоко правдивые исследования, разыскания архивных свидетельств и размышлений.

Чтобы излишне не мудрствовать и не увлекаться отсебятиной, сделаем ссылки на одну из таких книг – вдумчивую исследовательскую работу петербургской журналистки Елены Прудниковой «Сталин. Второе убийство», изданную в Санкт-Петербурге в 2003 году издательством «Издательский дом «Нева». Елена Прудникова провела журналистское расследование мифов о Сталине. После прочтения этой книги «вождь всех народов и времён» предстает перед читателем совсем не таким, каким Сталина продолжают показывать ныне молодому поколению.

Вот фрагменты из книги Прудниковой: «...Сталин как историческая фигура и как государственный деятель был умерщвлён, сознательно и с особой жестокостью. Зачем и за что? Почему его ненавидели пришедшие после? Ответ на этот вопрос надо искать не в смерти, а в жизни этой незаурядной, непростой, но уже исторической личности. И коль скоро мы говорим о «тайнах великих», то настоящей тайной Сталина было не то, как он умер, а то, как он жил и что делал для своего народа, страны» (стр. 4). «Идеология послесталинских режимов попыталась заменить культ Сталина культурами Хрущева, Брежнева, но с треском провалилась» (стр. 8).

1. Старший лейтенант Яков Джугашвили

Старший сын И. Сталина Яков родился 19 марта 1908 года, когда Сталин ещё не был Сталиным, поэтому Яков зарегистрирован по родовой фамилии отца – Джугашвили. Первая жена Сталина, грузинка Екатерина Сванидзе, была сугубо религиозной девушкой, владела швейным мастерством. Она была из бедной семьи, но старалась создать добрую семью, тогда как её муж Коба (так звали Иосифа), занятый революционной подпольной работой, был вечно в бегах, преследуемый полицией. С грудным младенцем Като (так звали Екатерину) ходила по богатым семьям, стиркой чужого белья зарабатывая на проживание. Заболев чахоткой, Екатерина умерла на восьмом месяце жизни Яши. Младенца забрала в свою семью сестра Екатерины Александра, проживавшая в Кутаиси. Она стала для Якова родной матерью. Яков беззаботно рос среди горных просторов и только слышал от других, что у него где-то есть родной отец. Яков учился уже в гимназии, когда вдруг этот отец, укрепившийся во власти рабоче-крестьянского советского правительства, настоятельно стал требовать переезда сына Якова к нему в Москву.

Московский Кремль, после грузинских просторов, показался Якову как бы закрытой казармой, а то и тюрьмой. Во всяком случае так воспринял парень свое место в семье отца. Вокруг все говорили не по-грузински, а русским языком Яков владел слабо, воспринимал его только на слух.

Жена Сталина Надежда Сергеевна Аллилуева моментально поняла состояние сына Иосифа Виссарионовича, по-матерински принялась обучать Якова русскому языку, помогать вжиться в новую для него обстановку, в семью, что у нее не так ладно, но стало получаться. Мало того, что Яков «волчком» посматривал на отца, никак не называя его таковым, потому что с раннего детства не знал, что это такое, но и сам Иосиф Виссарионович с подозрением и каким-то видимым отчуждением поглядывал на Якова. Надежде Сергеевне никак не удавалось наладить взаимоотношения между отцом и сыном. Она очень опасалась того, что Иосиф и к родному сыну будет жесток и непримирим. С другой стороны, она весьма тонко, по-женски, по-матерински понимала Якова в его возрастном переломе характера. Понимала, что парню, выросшему без материнской и отцовской теплоты и ласки, теперь весьма трудно возвратиться в состояние, которого он был лишён с детства. Надежда Аллилуева видела, что Яков, в общем-то мягкий и добрый по характеру, стал бояться жесткого отца, а Сталин – «друг и отец всех народов Советского Союза» – никак не мог примириться с родным сыном. Кроме отчужденного отношения, Иосиф Виссарионович стал наказывать Якова и физически. Зайдя однажды в комнату сына и учуяв запах папиросного дыма, он выгнал Якова из комнаты, и тому пришлось ночевать в коридоре с охранником.

Общительный Яков стал замыкаться в себе, избегать встреч с отцом. Бывший секретарь Сталина Бажанов писал в своих «Воспоминаниях»: «У Сталина жил его старший сын от первого брака, и его почему-то никто иначе не называл, как Яшка. Но то был очень сдержанный, молчаливый и скрытный юноша, и вид у него какой-то забитый, он всегда был погружён в какие-то скрытые внутренние переживания...»

Яков закончил десятилетку, поступил в институт. В институте он встретил свою первую любовь, взбрело ему в голову жениться на своей сокурснице Зое. По вопросу женитьбы своих детей Сталин, оказывается, имел собственное мнение: сыновья и

дочь, считал он, всегда будут представлять собой перспективу на «царскую жизнь» всяким проходимцам... Так что вряд ли какой зять или невестка могли угодить Сталину: то евреи, то вообще – никто...

Однако здесь проявил свой грузинский характер и Яков, взял да и женился на Зое. И теперь не могло быть и мысли оставаться в одной квартире с отцом. По предложению Аллилуевых – отца и матери Надежды Аллилуевой – Яков и Зоя уехали к ним в Ленинград.

В Ленинграде на Якова обратил внимание С.М. Киров, тамошний первый секретарь обкома ВКП (б), старый друг по революционной деятельности И. В. Сталина. Киров устроил Якова на работу, заставил продолжать учебу в одном из ленинградских институтов. Сергей Миронович Киров несколько примирил Сталина с Яковым. Вскоре Якову был устроен перевод в Московский железнодорожный институт, который он успешно и закончил в 1936 году. Получил назначение сменным инженером-энергетиком на Московский автомобильный завод имени И. В. Сталина.

...Мирная, созидательная жизнь страны Советов текла своим чередом. Гудели заводские и фабричные цеха, вспахивались и убирались поля, учились дети в школах, институтах... Но пороховой гарью тянуло со стороны фашистской Германии. Правительство, Сталин готовили страну к обороне. Лично Сталин в такой обстановке не скрывал, что своих обоих сыновей он хотел бы видеть в рядах Красной Армии, прикидывал, в какое военное учебное заведение их определить, хотя Василий уже учился в военной авиационной школе, а Якову шел 34-й год. В те довоенные годы при Московской военно-артиллерийской академии имени Дзержинского действовало вечернее отделение учебы командиров Красной Армии. Конечно же, по настоянию отца Яков становится слушателем этого отделения. Сталин даже примирился с тем, что Яков к тому времени женился на одесской еврейке Юлии Мельцер.

Артиллерийскую академию Яков Джугашвили закончил в 1940 году в звании старшего лейтенанта. Но ответственный и добросовестный в учебе Яков посчитал, что на этом вечернем отделении он все-таки не полностью освоил артиллерийскую науку. Учебу Яков закончил в мае 1941 года. А тут и война. Сталина никто бы не осуждал, если бы его сын, старший лейтенант Яков Джугашвили с дипломом Артиллерийской академии был устроен, скажем, в Генеральном штабе или наркомате обороны, но Яков сам рвется в войска, на войну. Однако сына Сталина так сразу побоялись отправлять на фронт. И тут Якову впервые в жизни пришлось обращаться за помощью к отцу. Сталин, выслушав просьбу сына, сказал ему: «Передай тем, кто тебя задерживает, что я разрешаю. А ты иди в действующую армию и воюй, как все. Войны этой хватит для всех. Война есть война для всех – и ивановых, и сталиных...»

...А в Белоруссии шли ожесточенные бои уже в междуречье Днепра и Березины. Мощная танковая и механизированная скороподвижная вражеская группировка, поддерживаемая авиацией, рвала пополам весь наш Западный фронт. Наше же командование решило организовать контрудар силами 5-го и 7-го механизированных корпусов, целью которого было не допустить противника к Витебску. В составе 7-го мехкорпуса была 14-я танковая дивизия, а в 14-м гаубичном артполку этой дивизии одной из батарей и командовал старший лейтенант Джугашвили.

Ранним утром 6-го июля около 700 советских танков ударили под основание вражеского клина. Вначале немцы вынуждены были приостановить наступление у Витебска. Но вскоре немецкий фельдмаршал Клюге подтянул две свежие танковые

дивизии. Противник перехватил инициативу, теперь над нашими контратакующими войсками нависла угроза окружения, и оба мехкорпуса буквально сгорели в яростных ударах вражеских танков.

Наша 14-я танковая дивизия попала в плотное окружение немцев. Сначала на артиллерийскую батарею старшего лейтенанта Джугашвили посыпался град вражеских артснарядов, а сверху – бомбовые удары авиации. Яков еще старался как-то организовать выход из окружения красноармейцев своей батареей и прибывших к ним с других частей, но под бомбёжкой был оглушен, контужен и ранен. Уже на 25-й день войны комбат Джугашвили оказался в немецком плену: немцы подобрали его в бессознательном состоянии. А в этот день его жена Юлия Мельцер-Джугашвили перечитывала полученную от мужа открытку: «У меня пока всё обстоит благополучно, – писал Яков. – Как твоё здоровье? Береги нашу Галку, всегда говори ей, что папе Яше хорошо. Пока всё. Целую, в следующий раз напишу большое письмо». Но больше Якову Джугашвили не представилось возможности написать письмо своей семье.

Пока ни Юлия Мельцер, ни советская общественность не знали, что Яков Джугашвили, сын Сталина, пребывает во вражеском плену.

В центральной газете Красной Армии «Красная звезда» был напечатан очерк о том, как в районе Витебска батареи старшего лейтенанта Джугашвили из своих 122-миллиметровых гаубиц кромсают фашистские танки. И ни слова о том, что тот старший лейтенант уже в немецком плену. Корреспондент также сообщал, что комбат старший лейтенант Джугашвили представлен к награждению орденом Красного Знамени. Письменное представление к такой награде имеется также в архивах Минобороны. А о том, что сын Сталина действительно в плену у немцев, впервые сообщили сами немцы.

Автор этой повести в то время находился в Белоруссии, в курсантских заградительных отрядах. На наши цепи летели с немецких самолётов листовки такого содержания: фотография старшего лейтенанта, а под ней текст: «Это командир артиллерийской батареи 14-го артиллерийского полка 14-й бронетанковой дивизии, сын Сталина Яков Иосифович Джугашвили, который посчитал дальнейшее сопротивление перед германской

армией бессмысленным и добровольно перешёл на нашу сторону», а на обратной стороне листовки: «Пропуск. Предъявитель сего не желает бессмысленного кровопролития за интересы жидов, комиссаров и большевиков, оставляет побежденную Красную Армию и переходит на сторону германских вооруженных сил. Немецкие солдаты и офицеры обеспечат перешедшему хороший приём, накормят и устроят на работу». Под страхом суда ревтрибунала нам запрещали задерживать у себя эти листовки, приказывали специально собирать их и тут же сжигать.

С первыми налётами немецкой авиации на Москву, на столицу, вместе с бомбами, снежным вихрем летели фашистские листовки примерно такого же содержания: фотография и под ней текст о том, что собственный сын Сталина сдался в плен, потому что всякое сопротивление перед германской армией отныне бесполезно! Следуйте примеру сына Сталина! Он жив, здоров, чувствует себя прекрасно. Зачем же вам приносить бесполезные жертвы, идти на верную смерть, когда сын вашего верховного заправила сдался в плен? Отныне геббельсовская пропагандистская машина забрасывала советскую сторону самыми невероятными вымыслами, фальшью

и сплетнями вокруг имени сына Сталина, Якова Джугашвили. То он пьёт бокал шампанского с фашистскими генералами за победу вермахта, то он – среди немецких офицеров вместе с сыном Молотова, якобы тоже перешедшим на сторону немцев (в то время, когда у В.М. Молотова сына вообще не было и нет)...

Тот же В. М. Молотов рассказывал писателю-исследователю Феликсу Чуеву, что Сталин читал сам все эти листовки и возмущался только тем, что немцы точно указывают воинские части, где сын служил – 14 бронетанковая дивизия 14 гаубичный полк. Это наводило его на мысль, что, возможно, Яков сам назвал эти номера... Но на самом деле, по воспоминаниям Г. К. Жукова, Сталин был уверен, что, несмотря на мягкость характера Якова, его старший сын ни при каких обстоятельствах не пойдет на измену Родине или нарушение воинской присяги.

Как свидетельствуют очевидцы, Якова Джугашвили немцы нашли в совершенно обморочном состоянии среди трупов, наваленных после жесточайшего боя под Витебском (Лиозно, в 40 км от Витебска). Якова подобрали и повезли в лагерь военнопленных под Борисовом. Он пришёл в себя только по пути в лагерь. Там пленных построили, после чего подошёл офицер в эсэсовской форме и подал команду:

– Коммунисты и иуды-жиды, три шага вперед!

Два-три военнопленных вышли со строя. Эсэсовцу показалось мало, и он стал обходить шеренгу пленных, всматриваясь в лица. Дойдя до Джугашвили, остановился, замахал дулом «парабеллума» перед носом:

– А ты почему не выходишь? По морде же видно, что ты жид. Выходи, а то на месте пристрелю!

Яков устоял, не шевельнулся перед дулом пистолета, только проронил:

– Я не еврей.

– Врешь! Выходи, иуда!

От изверга-эсэсовца можно было ожидать всего, если бы один из пленных не крикнул из строя:

– Не стреляйте, он не еврей! Он сын Сталина! Он грузин!..

Красноармейца никто больше ничего не спрашивал, но он продолжал:

– Это старший лейтенант Джугашвили, по настоящей фамилии Сталина. Он – командир батареи 14-го гаубичного полка 14-й бронетанковой дивизии.

Так что понапрасну Сталин вначале подозревал, что его сын назвал немцам номера своих частей. Однако это начальное подозрение Сталина, видимо, послужило поводом к тому, что он не прекратил арест Юлии Мельцер-Джугашвили, согласно приказу НКО № 227, как жены командира Красной Армии, оказавшегося в плену у немцев. Приказ № 227 был весь пронизан мыслью, что «нет военнопленных – есть изменники Родины», и Сталин, подписавший этот приказ, как бы заведомо объявил приговор тысячам советских военнослужащих и в том числе своему сыну Якову и его семье.

Правда о судьбе старшего сына Сталина Якова Джугашвили пробивалась очень трудно и мучительно, и именно потому, что он, один из миллионов военнопленных, был сыном самого Сталина. Немцам, гитлеровцам, эта правда нужна была именно такой, как они ее изображали, подавали общественности, на нашей же стороне эта правда при жизни Сталина неизвестно почему скрывалась, а после смерти Сталина она перемешалась со всякими иллюзиями, как и всё советское. Между тем военный разведчик германских вооруженных сил капитан Штрик-Штрикфельд, неоднократно допрашивавший пленного Джугашвили, в своей послевоенной мемуарной книге

отмечал: «Сын Сталина Яков Джугашвили при всех моих допросах держал себя достойно офицера любой армии. Он с негодованием воспринимал мои рассуждения о превосходстве немецкой расы над русской, советской. «Находясь в плену, – говорил Джугашвили, – полностью находясь в ваших руках, я ни в чём не вижу превосходства немецкой нации над другими, во всяком случае я не нашёл ни одной причины смотреть на вас снизу вверх...»

Напомним, что все архивы гитлеровского рейха после войны оказались в руках американцев, ибо фашисты, уходя от Советской Армии, увозили все на запад, заведомо рассчитывая, чтобы их секреты попали к американцам, а не Советам. И когда после войны началась так называемая «холодная война», американцы подальше запрятали те гитлеровские архивы.

Папки о сыне Сталина, офицере Джугашвили, тоже были отнесены к «совершенно секретным». А это вдвойне, втройне рождало желание все же разузнать, что же с ним случилось в гитлеровском плену. И тоже пошли гулять по свету легенды, версии, мол, Яков Джугашвили жив, здоров, Гитлер все-таки даровал ему жизнь, под чужой фамилией он, мол, проживает то в Канаде, то во Франции, Италии, Латинской Америке, а то Мао Цзе дун взял Якова, чтобы спасти от сталинского гнева. Так или иначе, но всё это оставалось лишь результатом политической послевоенной конфронтации.

Правда же о Якове Джугашвили была скрыта в упоминавшихся выше госархивах США. И когда «возня» вокруг имени сына Сталина начала приобретать скандальный характер, в конце 60-х годов американцы были вынуждены изъять из своих секретных сейфов секретное германское дело №Т-176. Историки, исследователи, интересующиеся наконец получили возможность, так сказать, из первоисточника вычитать истину о плене сына Сталина Якова Джугашвили. Вот краткая выписка из одного из первых допросов пленного старшего лейтенанта Джугашвили (вопрос – ответ):

«– В плен вы сдались добровольно или вас захватили силой?

– Меня взяли силой, тем более что я был контужен, без сознания.

– Каким образом?

– 12 июля наша часть была окружена. Началась сильная бомбёжка. Я решил пробиваться к своим, но во время бомбёжки меня оглушило. Если бы я был при сознании, я застрелился бы.

– А вы что, плен считаете позором?

– Да, считаю.

– Считаете ли вы, что Советская Армия ещё имеет шанс добиться перелома в войне?

– Война ещё только начинается. Мы победим. Это однозначно.

– А если мы все-таки возьмем Москву? Вы сдадитесь?

– Такого не произойдет. Москву мы не сдадим, а вы её не возьмете.

– Но мы ведь уже недалеко от Москвы.

– Повторяю и запомните: Москвы вам не взять никогда, никогда!

– Для чего в Красной Армии комиссары?

– Обеспечивать боевой дух бойцов, а также политическое руководство.

– А что, советская власть в России больше соответствует интересам рабочих и крестьян, чем царские времена?

– Несомненно.

- Когда вы последний раз разговаривали или виделись с отцом?
- 22 июня разговаривал по телефону. Отец сказал мне: «Иди на фронт и воюй, как и все».

После Сталинградского сражения в рядах действующих войск прошла молва, что Сталину гитлеровцы якобы предложили обменять генерал-фельдмаршала Паулюса на сына Якова, но Сталин как будто ответил: «Я солдата на маршала не меняю». Правда это или нет, но такого обмена действительно не произошло. Паулюс и Яков были в неравных положениях не только потому, что были в неравных воинских званиях разных армий, а потому, что у того же Сталина общественный, государственный долг был выше семейного долга: как мог Сталин спасти такой ценой собственного сына, когда тысячи, миллионы его граждан находились в германском плену?..

Может быть, и Якову была известна отцовская фраза «Солдата на маршала не меняю». Находясь в плену под наблюдением и допросами, он постоянно ощущал в себе образ отца, понимал его, потому был далёк от осуждения его таким, каким тот был на самом деле, – государственные дела превыше всего и всех.

Нацистский разведчик, специалист по обработке военнопленных Штрик-Штрикфельд предлагал Якову написать личное письмо отцу, которое обещал доставить по адресу. Яков отказался. Предлагал выступить по радио с текстом, написанным самим же Штриком. Тоже отверг такое предложение. Тогда письмо было написано без него и выброшено в районе Москвы из специального самолета-разведчика. «Отец, – писалось в той стряпне, – со мною всё нормально. Хотя я и в плену, но со мною обращаются хорошо». На что, говорят, Сталин ответил: «Глупые немцы, хотя и считают себя умными. Яков никогда не позволит себе допустить такую глупость». При аресте Берии эту записку-листочку обнаружили в его личных архивах. Неизвестно, для какой аферы он её хранил.

Многие бывшие фронтовики тоже читали такие листовки, но никто не верил в их подлинность, как и фотографиям, где изображался военнопленный Джугашвили с бокалом шампанского в мирной беседе с гитлеровскими генералами или офицерами.

Судя по книге Штрик-Штрикфельда, фашистские руководители предприняли еще один путь обработки пленного сына Сталина. На этот раз Якова Джугашвили «взял на себя» сам Геббельс.

Поздней осенью 1941 года Якова доставили в Берлин как личного «гостя» министра пропаганды Иозефа Геббельса и поселили в роскошный номер фешенебельного отеля «Аргон», который обставили лучшими винами, коньяком, едой и закусками. В номер к Якову явились грузины из эмигрантов, снабжённые достаточной суммой марок для разгула. Таким образом рассчитывали всё-таки склонить сына Сталина на службу в пользу

рейха. Однако и с этой затеей у гитлеровцев ничего не вышло. Яков оставался непоколебим. Из «почётного гостя» Геббельса его снова возвратили на положение обычного военнопленного. В конце декабря Джугашвили увезли в город Хаммельбург (Бавария), в концентрационный лагерь «Офлаге-Х-III-Д» для специальной обработки. Этот обширный лагерь был построен немцами еще в Первую мировую войну для русских военнопленных. Во время Второй мировой войны в «Офлаге-Х-III-Д» содержались французские, английские, чехословацкие, польские офицеры – таким образом, он стал международным концлагерем. Бараки пленных были отгорожены друг от друга по национальному признаку: отдельно советские, французские,

чехословацкие, польские офицеры. Ко времени привоза в Хаммельбург Якова Джугашвили, там содержалось уже более трёх тысяч советских офицеров, из них 41 генерал.

Хаммельбургский лагерь отличался от других концентрационных лагерей тем, что здесь не дымились трубы крематория, не было газовых камер, душегубок и прочих смертных точек. В «Офлаге-Х-III-Д» продолжительное время пленные офицеры обрабатывались подкупами, шантажом, голодом, специально вызванными болезнями, а покладистых просто вербовали на службу рейху в различные националистические военные формирования для борьбы с Советской Армией, с партизанами в тылу, в шпионские и диверсионные школы, для заброски в советский тыл.

У тех, кто не поддавался обработке, впереди был только один путь – умереть голодной смертью, слезь от изнурительного каторжного труда. Работая над повестью о судьбе советских военнопленных, автор этих строк в архивных немецких документах обнаружил, что только за первые полгода войны именно в Хаммельбургском концлагере умерло 652 советских пленных офицера.

Бывший узник «Офлага-Х-III-Д» Александр Константинович Ужинский рассказывал: «Сын Сталина Яков Джугашвили появился в Хаммельбургском лагере где-то в конце 41-го или в начале 42-го года. Выглядел он плохо – измучен, растерян. Лицо – почерневшее, взгляд глубоко запавших глаз – грустный, задумчивый. На нём была сильно потрепанная, замызганная шинель, такая же гимнастёрка. На голове – красноармейская грязная пилотка, видно, с чужой головы. Говорил он, что в Берлине его

одевали в шикарный костюм, но перед отправкой сюда переодели вот в это барахло. А когда немецкий солдат из лагерной obsługi выводил краской на одежде Якова две буквы «СУ» (Совет Унион), Джугашвили сказал, обращаясь к пленным: «Пусть малюют! Советский Союз – моя Родина!» Поселили Якова в помещении вместе с пленными советскими генералами, где он быстро сошёлся с такими советскими патриотами, как генералы Г.И. Тхор, М.И. Потапов, Д.М. Карбышев, И.М. Михайлов, И.М. Шепетов. Вскоре Яков Джугашвили был введен в руководящее ядро (подпольный комитет) тайного сопротивления (борьбы) военнопленных офицеров фашистско-гестаповскому режиму и активно работал вместе с ними.

Начальником «Офлага-Х-III-Д» был прислан вызванный с фронта полковник Пелит, отлично владевший русским языком, начавший военную службу в русской царской армии, притом в Брестской крепости вместе с Д.М. Карбышевым. На этого полковника гитлеровское руководство возлагало большие надежды в смысле «обработки», особенно советских пленённых генералов. В «особый список для личной работы с пленными» Пелита был также включён и сын Сталина Яков Джугашвили. Пелит был снят с фронта и направлен в Хаммельбургский лагерь в основном для «обработки» учёного военного специалиста Д.М. Карбышева, с которым проходила их служба в царской армии до Октябрьской революции. Но Дмитрий Михайлович Карбышев, как и Яков Джугашвили, оказался неприступным и для «знатока русского офицерства» Пелита, и полковник был снова возвращён на фронт, где и погиб, притом в той же Белоруссии, где попали в плен и Карбышев, и Джугашвили.

В Хаммельбургском лагере подпольным комитетом было организовано почти открытое празднество 23-й годовщины Октябрьской революции, в котором принял активное участие и Яков Джугашвили. После этого события советская часть этого

лагеря была закрыта, советских офицеров как основных виновников того, что лагерь не оправдал своего назначения, поразвозили по другим лагерям. В названном выше «Деле Т-176», хранившемся в американских секретных сейфах, почему-то записано, что концлагерь «Офлаг-Х-III-Д» захватили американские войска, потому, мол, и освободили пленного сына Сталина, старшего лейтенанта Якова Джугашвили. Можно полагать, что это «освобождение» было выдумано для того, чтобы Сталин считал армию США освободительницей и Берлина, и всей Европы от фашизма. Как говорится, в политике дозволены всякие «выверты». Но ведь к марту 45-го года, когда американские войска подошли к Хаммельбургу, концлагеря «Офлаг-Х-III-Д» там уже не было, он был закрыт и расформирован еще в ноябре-декабре 1943 года.

Вот это «занятие» американцами лагеря и «освобождение» сына Сталина уже в марте 45-го породило первые небылицы о том, что Яков ещё до окончания войны был на свободе, что он скрывается от гнева Сталина где-то в Европе, Азии, Америке... На самом деле, согласно тому же «Делу Т-176», Джугашвили из Хаммельбурга вместе с другими пленными советскими офицерами (А.К. Ужинским, на свидетельства которого автор и ссылается) переправили в еще более строгий концлагерь «Нюрнберг-Х-III-Б», а в апреле 43-го года он уже появился в концлагере «ХС» (Икс-Зет) под Любеком. Этот «Икс-Зет» тоже считался международным концлагерем военнопленных. Среди военнопленных было 2 000 поляков, из которых 1 800 офицеров и 200 рядовых солдат в качестве разрешенных высокопоставленным польским офицерам денщиков, ординарцев. Подобная льгота пленным офицерам была предусмотрена определенной международной конвенцией для всех, кроме советских офицеров: дескать, панам – денщик, а товарищам – нет. Группой польских денщиков, ординарцев командовал тоже пленный польский поручик Мариан Ванцлевич.

Сухумский журналист Семён Апт, писавший в 60–70-е годы о сталинской родословной, отыскал после войны Мариана Ванцлевича, вышедшего в отставку ротмистром. Этот польский офицер, переживший тяжкий гитлеровский плен, не скрывая братских чувств, с огромным волнением рассказывал Апту, а Апт нам:

– В последних числах апреля по лагерю пронесся слух, что к нам привезён пленённый сын Сталина. В карцере отбывал наказание наш польский капитан Sommer. К нему и посадили старшего лейтенанта Джугашвили, который был сыном всемогущего Сталина.

В бараке польских офицеров отгородили небольшую комнату, куда поселили эту важную пленную особу. Чуть позже к Якову Джугашвили подселили французского пленного капитана Блюма – сына премьера Франции Леона Блюма, тоже арестованного фашистами.

Польские офицеры, согласно международным правилам обращения с пленными, от Красного Креста или через него получали продуктовые посылки, что было запрещено советским военнопленным. Тогда на совещании комендантов польских барачков мы решили, что для Якова Джугашвили мы будем отделять из своей части продукты. Я, как командир ординарцев, выделил ординарцем для Джугашвили капрала Владислава Хмелевского, чтобы тот следил за прохождением посылок Джугашвили, потому что Якову было запрещено самому ходить на кухню.

А когда мы начали подготовку к побегу, в свою группу включили и Якова Джугашвили. Рискуя, мы начали подкоп прямо из барака к лагерному ограждению,

за которым виднелось пшеничное поле, где мы планировали выход на свободу. Подкоп был выполнен, оставалось только протолкнуть верхнюю корку – и мы снаружи, в поле, беги куда глаза глядят.

Но этому не суждено было осуществиться. Один стражник утром опаздывал в лагерь, бежал через пшеничное поле и провалился в наш подкоп. Тут же была объявлена тревога. Переполах во всем лагере. Как-то ко мне подошел Яков Джугашвили. Он был совершенно спокоен, сунул мне записку: «Поручику Вацлевичу – на память. Ст. л-т Джугашвили». Вацлевич эту записку берег, передал ее Аπτу, а тот – Юлии Мельцер.

Остался в живых и француз Рене Блюм, который сберег память о Якове Джугашвили: «Яков твердо верил в победу своей страны». И Александру Ужинскому, и поручику Вацлевичу, и Блюму Яков наказывал и просил, чтобы, если кто из них останется в живых, и до отца, и до жены Юлии дошли свидетельства, что, находясь в руках гитлеровцев, он не запятнал чести ни своей Родины, ни отца, ни семьи, что все немецкие листовки, радиосообщения о сыне Сталина – сплошной вымысел гитлеровско-геббельсовской пропаганды.

Из троих вышеназванных бывших узников гитлеровских лагерей одному только Александру Константиновичу Ужинскому удалось встретиться с семьей Якова Джугашвили, о чем будет рассказано ниже.

Личность военнопленного Джугашвили постоянно была на виду у гитлеровских заинтересованных ведомств и служб. То они меняли места его содержания, то старались Джугашвили противопоставить военнопленным полякам, украинцам, а геббельсовская пропагандистская служба всевозможными способами старалась вызвать у самого Сталина негативное отношение к пленному сыну. Наконец, Якова Джугашвили переместили в особый лагерь, подчиненный непосредственно Гимmlеру, который находился в 40 километрах севернее Берлина и в котором содержались политические преступники перед третьим рейхом.

Лагерь назывался «Заксенхаузен» по пригороду Ораниенбурга с таким же названием. В 50-е годы мне пришлось служить в Центральной группе советских войск в Германии, в авиационном гарнизоне города Ораниенбурга. Сначала нам выделили этот бывший концлагерь под склады учебных авиабомб и авиаоружения. Сооружения бывшего концлагеря сохранились в первозданном виде. Бараки, внутри какое-то здание, обозначенное буквой «А», огороженное высокими бетонированными плитами, опутанными колючей проволокой. Сам лагерь тоже огорожен бетонированными плитами высотой в три метра, по-видимому затем, чтобы ораниенбуржцы не видели и не слышали, что делается за этими заграждениями.

Сохранилась и фундаментальная арка с оборудованной проходной, а рядом канцелярия и служебное помещение для охраны. Над лагерем высилась труба и печь, где сжигали политзаключенных. И везде – и снаружи, и внутри – паутина колючей проволоки, по которой пропускали высокочастотный ток.

Вскоре мы, авиаторы, узнали весь ужас «Заксенхаузена». Наши склады оттуда убрали – правительство ГДР там открывало музей-мемориал. Нашему авиаполку пришлось присутствовать при открытии музея. Здесь были руководители ГДР Вальтер Ульбрихт, Отто Гротеволь, премьер-министр Польши Юзеф Циранкевич, бывший узник этого концлагеря. На митинге и после него нашими постоянными гидами выступали ораниенбуржцы, работавшие при комендатуре лагеря. Эти люди сохранили для музея

некоторые экспонаты, в том числе и фотокиносъемки, очень важные для истории. Бывшие работники концлагеря охотно объяснили, что за здания обозначены буквой «А». На подходах к ограждению блоков «А» были густо набросаны «спирали Бруно» как противотанковые заграждения. К спиральям, рассказывают, был подведен ток высокого напряжения с предупреждающими надписями: кто приблизится к этой зоне, тот без предупреждения будет застрелен. Блок «А» охранялся особым караулом СС. В этих специальных фашистских устройствах и нашёл свою кончину Яков Джугашвили.

Свидетели-ораниебуржцы сохранили специальные фотокиноплёнки и рассказывали, что к Якову посадили специальных провокаторов, которые должны были спровоцировать конфликт Джугашвили с охраной. Они даже запомнили фамилию одного провокатора – русский военнопленный Кокошкин; вторым был английский военнопленный, который совсем не скрывал, что ему «действовал на нервы этот Джугашвили своими пропагандистскими большевистско-коммунистическими идеями». В Заксенхаузском музее сохранилась записка заключенного Якова Джугашвили такого содержания: «Скоро, очень скоро наши мучители эсэсовцы сами попадут в советский плен, где будут своими руками отстраивать всё разрушенное на моей Родине. Военнопленный старший лейтенант Джугашвили». И, наконец, сохранился рапорт охранника лагеря Курта Зибельера, рассказывающий, что «14 апреля 1945 года заключенный Джугашвили поднял бунт, не подчинился предупреждениям, бросился к запретной зоне «А» и, согласно инструкции, был мною застрелен». Но, как рассказывают очевидцы, это неправда: Яков прекрасно знал, что ограждения блока «А» под электрическим напряжением и что побег из «Заксенхаузена», таким образом, невозможен.

Надо полагать, что приведённый выше рапорт так называемого «охранника» просто сфальсифицирован, потому что в охране немецкого солдата с такой фамилией вообще не было, что подтверждается немецкими же архивами. Притом подобная фальсификация причины гибели сына Сталина была не единственной. Например, комендант концлагеря «Ягердорф» старший лейтенант Зиленгер «рапортовал» вышестоящему командованию, что заключённый его лагеря сын Сталина Джугашвили тяжело заболел и умер еще в 1944 году в больнице «Ламерсдорф».

Все это объясняется тем, что гитлеровские убийцы любыми способами хотели скрыть обстоятельства гибели не простого военнопленного, а сына Сталина.

Истина умалчивалась на самом высоком уровне. Министр внутренних дел и безопасности третьего рейха Гиммлер 22 апреля 1945 года специальной депешей уведомил министра иностранных дел Риббентропа о «самоубийстве сына Сталина, офицера Якова Джугашвили». В этой депеше фигурируют такие выражения, как «депрессия», «не выдержал и покончил с собой, тогда как ему постоянно предлагались нормальные условия содержания». А правда в том, что, согласно заксенхаузской инструкции, утверждённой тем же Гиммлером, из блока «А» заключенные выходили только через трубу крематория. Правда, для сына Сталина фашистские изверги придумали еще более разительный спектакль смерти.

Бывший узник концлагеря «Заксенхаузен» поляк Леон Висецкий и ставший после войны премьером Польши Ю. Циранкевич рассказывали, что Гитлер буквально пришёл в ярость, когда ему сообщили, что Сталин отказался обменять своего родного сына на фельдмаршала Паулюса, которого фюрер прямо жаждал получить для расправы за Сталинградское поражение. Правда это или предположение Висецкого, но в

концлагере «Заксенхаузен» гитлеровцами было решено организовать «показательную» гибель сына Сталина, заснять её на киноплёнку и подбросить Сталину, чтобы тот до конца дней своих казнил сам себя за гибель Якова. Во всяком случае, на территории лагеря «Заксенхаузен» разыгрывался злодейский бесчеловечный «спектакль» под жужжание киноаппаратов. В лагерь понаехало много эсэсовских чинов, мелькало лицо и Эрнста Кальтенбрунера – главного палача гитлеровской Германии. Деревянный стол из нетёсаных досок был поставлен с внешней стороны колючего ограждения блока «А» – зоны смерти. На столе лежали ножи-тесаки с подведёнными к ним электропроводами. Казнь состояла в том, чтобы под уменьшенным током поочередно рубить фаланги пальцев сначала рук, потом ног, пока перед фотокинокамерой казнимый не скончается. Когда к столу подвели Якова Джугашвили, он догадался в чём дело, вмиг бросился на мотки колючей проволоки блока «А». В момент падения Якова на проволоку высокого напряжения в его сторону прозвучали два pistolетных выстрела.

В музее «Заксенхаузен» лежит письменное заключение о смерти старшего лейтенанта Советской Армии, военнопленного Я. И. Джугашвили: «14 апреля я осмотрел и свидетельствую о смерти заключённого Я. И. Джугашвили, последовавшей от выстрела в голову. Входное пулевое отверстие расположено в 4 см ниже уха, сразу после скуловой дуги. Смерть наступила мгновенно после выстрела. Очевидная причина смерти: разрушение нижней части мозга. Выстрел последовал сзади или сбоку, прицельно. Батальонный медик дивизии «Мертвая голова» (подпись)».

Остатки дивизии «Мертвая голова» в боях за Берлин защищали подступы к Ораниенбургу, потому, видно, и привлекли этого медика к экспертизе.

Нет свидетельств тому, что Сталин просматривал фотокиноплёнку о гибели своего сына, но личному составу нашего авиаполка было предоставлено достаточно времени для ознакомления с ужасами, которые творили гитлеровцы в «Заксенхаузене», а плёнку об издевательской гибели Якова Джугашвили крутили солдатам даже на политзанятиях по теме «Германский фашизм». В музее хранится и карточка, заведённая там на заключённого блока «А» Я. Джугашвили, с пометкой: «Расстрелян при попытке к бегству».

Ни один историк-исследователь не обнаружил в германских архивах материалов о переписке Сталина по поводу обмена сына Якова на фельдмаршала Паулюса. Да, по всей вероятности, такой переписки и не было. А вот следы выражения «Солдата на маршала не меняю» всё-таки есть: эту крылатую фразу Сталин сказал представителю Красного Креста шведскому графу Бернадотту. Значит, разговор об обмене всё-таки был, и в конце войны Сталин ещё не знал, что его сына Якова гитлеровцы уже уничтожили.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 октября 1977 года за проявленные мужество и стойкость в гитлеровских застенках Яков Иосифович Джугашвили был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. Заслуженную награду передали дочери Якова Иосифовича Галине Яковлевне Джугашвили – сотруднице Института мировой литературы, специалисту по французско-арабской литературе.

Яков очень любил свою жену Юлю и дочурку Гулю (Галю), которую успел поддержать на своих отцовских руках только крохой. Остался у него и сын Евгений от первой жены Ольги Голышевой. Ольга Павловна, несмотря на то, что её рано оставил муж, с

началом войны добровольно ушла в действующую армию в надежде встретить там Якова. Их сын Евгений мать с войны дождался, а вот отца, как известно, нет. Зато он, как и сестра Галя, свято берёт память об отце.

Современные идейно-политические взгляды Евгения Яковлевича Джугашвили формировались в атмосфере яростной критики, опровержения заслуг его деда И. В. Сталина, а также хождения всяких небывлиц и выдумок о судьбе его отца Я. И. Джугашвили.

Евгений закончил Военно-воздушную академию имени профессора Н. Е. Жуковского – самое престижное высшее авиационное военно-учебное заведение. Мне довелось встретиться с полковником Е. Я. Джугашвили – доцентом кафедры истории войн и военного искусства общевойсковой Военной академии имени М. В. Фрунзе. Меня, как тогдашнего военного авиатора, заинтересовал вопрос, как и почему этот полковник с высшим военно-авиационным инженерным образованием стал, собственно, общевойсковым специалистом. Евгений Яковлевич охотно ответил, что он после «жуковки» начал службу в космическом бюро. Но то было время разгара начатого Хрущёвым «разоблачения культа личности Сталина», а заодно и пересмотра некоторых событий истории Великой Отечественной войны: например, успехи наших войск были только там, где членом Военных советов армий или фронтов был Н.С. Хрущёв, все неудачи, промахи командования любых степеней валили снова на того же Сталина; звучали упреки, что Сталин, как Верховный Главнокомандующий, на фронты не выезжал, а боевыми действиями руководил по «школьному глобусу» и т.д., и т. п.

– Вот я и пошёл в адъюнктуру Академии имени Фрунзе на военно-исторический факультет, засел за книги, документы, архивы, чтобы самому разобраться со всем тем, с чем был не согласен, – говорит Евгений. – Историей войны я так заинтересовался, что с отличием закончил адъюнктуру, мне предложили остаться на преподавательской работе, и не где-нибудь, а в Академии Генерального штаба.

Как-то само по себе получилось, рассказывал Евгений Джугашвили, что слушатели академии (командиры дивизий, корпусов, засевшие за учебу в Академии Генштаба после фронта) обратили внимание и поддержали молодого преподавателя Джугашвили на его лекциях, в которых он открыто называл имена Н. С. Хрущёва и С. К. Тимошенко, позорно проваливших Харьковскую операцию 1941–1942 годов. До этого все грехи за то поражение валили на Сталина как руководителя Ставки Верховного Главнокомандования. Слушатели, да и преподаватели Академии Генштаба соглашались с выводами полковника Джугашвили, что дискредитация нашего Верховного Главнокомандующего Сталина в годы войны с гитлеровской Германией ведёт за собою умаление роли Советского Союза вообще во Второй мировой войне и всё это дает повод Западу считать их армии главными победителями над германским фашизмом.

О преподавателе Академии Генштаба, кандидате исторических наук, полковнике Джугашвили и его лекциях узнал Н. С. Хрущёв... Джугашвили был удален из академии и уволен из рядов Советской Армии. При М.С. Горбачёве Евгений Джугашвили был восстановлен и на службе в Советской Армии, и на преподавательской работе, но только теперь в Военной академии имени М. В. Фрунзе, а не в Академии Генштаба.

Конечно, Евгения Джугашвили можно считать сталинистом, но ведь он же всё-таки внук Сталина! Да и в правильности его взглядов на военную историю ему нельзя отказать.

2. Генерал Василий Сталин

Жизнь и судьба второго сына Сталина – Василия – коренным образом отличается от жизни и судьбы Якова, хотя у Василия она тоже была и крутой, и трагической. В отличие от Якова, Василий рос и воспитывался при отце, и фамилия у него была уже не Джугашвили, а Сталин. В учётных кадровых анкетах и автобиографии Василий твёрдым, уверенным и гордым почерком писал в графе «Отец»: «до 1917 года – профессиональный революционер, в настоящее время – генеральный секретарь ЦК ВКП (б)». Жил Василий вместе с отцом в Кремле. После смерти жены Сталина Аллилуевой все домашние дела были переложены на кремлёвскую службу. Воспитание детей – дочери Светланы и сына Василия – было возложено на начальника личной охраны Сталина Власика, который в свою очередь переложил это дело на сотрудника НКВД С. Ефимова – коменданта сталинской дачи в Зубалово, которую Сталин полностью выделил для юных Светланы и Василия, и сам туда наезжал очень редко. По сути, ввиду занятости отца, его дети были брошены на произвол судьбы, росли, жили сами по себе. В школе Василий учился с нежеланием, плохо, бедокурил. А директор престижной школы (там учились только кремлевские дети) потакал всему этому. Только один преподаватель истории не стерпел безобразий Василия и написал письмо тов. Сталину. Сталин долго не отвечал, а потом всё-таки написал учителю Мартышкину: «Мой Василий – избалованный юноша средних способностей, дикарёнок (типа скифов), не всегда правдив, любит шантажировать слабых руководителей, нередко нахал со слабой или, вернее, неорганизованной волей, его избаловали всякие «кумы и кумушки», то и дело подчёркивавшие, что он – сын Сталина. Я рад и доволен, что в вашем лице нашёлся хотя бы один уважающий себя преподаватель, который требует от нахала подчинения общему режиму в школе. И если наглец Василий не успеет погубить себя, то потому, что существуют ещё в нашей стране такие преподаватели, которые не дают спуска капризному барчуку. Мой совет – требовать построже от Василия и не бояться шантажистских угроз капризника».

Письмо Сталина учителю Мартышкину было опубликовано в «Учительской газете» и наделало в общественности много шума. Директора московской престижной школы, конечно, заменили, об учителе истории Мартышкине заговорили как о смелом человеке, написавшем письмо самому Сталину, ну а о самом Сталине – как о самом честном, простом и справедливом человеке.

Василий рос без должного материнского и отцовского внимания. Особенно отрицательно повлияли на Василия гибель матери и различные слухи вокруг этой гибели. Юный Вася читал 10 ноября 1932 года газету «Правда»: «В ночь на 9 ноября скончалась активный и преданный член партии тов. Надежда Сергеевна Аллилуева». В этом тексте Вася своим детским умом уже почувствовал фальшь: он знал, что мать застрелилась, а тут пишут «скончалась»... Потом та же «Правда», спустя день-два, крупным шрифтом в чёрной рамке за подписью тех же, кого он постоянно видел возле отца, писала: «Не стало дорогого и близкого нам товарища Надежды Сергеевны Аллилуевой, человека прекрасной души. От нас ушла ещё молодая, полная сил и бесконечно преданная революции большевичка. Память о Надежде Сергеевне как о преданной большевичке, близком друге и помощнице тов. Сталина будет нам всегда дорога».

Вася всматривался в фамилии подписавших некролог: С. Орджоникидзе, К. Ворошилов, П. Постышев, А. Андреев, С. Киров, В. Молотов, А. Микоян, а в сердце шевелилось: «А искренни эти дяди?..» И уж совсем корбила его детскую душу заметка в следующем номере «Правды»: «Умер молодой, скромный и преданный боец партии. Умер в пути на учебу...». Он знал, что мама училась в какой-то Промакадемии, но ведь он знал и то, что она лежала окровавленной у порога своей спальни... Ну никак Василий не мог понять, зачем все эти неточности, эта неправда. И всё это откладывалось болезненными, а порою и озлобляющими рубцами на его формировавшемся характере...

Светлана Аллилуева, дочь Сталина, вспоминает: «...Смерть мамы отец пережил очень трудно, его сложный характер ещё больше ожесточился...»

Наверно, поэтому Сталин пересажал в тюрьмы или сослал в отдаленные лагеря всех, кто только носил фамилии Аллилуевых, кто был близок к Надежде Аллилуевой. И когда Светлана спросила у отца, а в чём же её тетки Аллилуевы виноваты, Сталин ответил: «Знали многое и слишком много болтали, и всё это было на руку моим врагам».

Сталин порою бывал ожесточенным против всего мира, всюду и везде он видел своих врагов. «Это уже было патологией, — замечает Светлана, — патологией от одиночества». А в другом месте Светлана Аллилуева замечает: «А может быть, отец был уже настолько опустошён, что перестал верить в добрые, искренние чувства людей». И это ещё раз подтверждает то, что у власти всегда должен быть психически здоровый человек.

Вася Сталин остался без матери, когда ему было 11 лет. В этом нежном возрасте ребенок и пережил и сплетни, и враньё о своей матери. Естественно, в его характер вкрапливались обман людской, обиды, злость. А тут последовали одно за другим наказания, нравоучения отца, который, видимо, добивался старинного грузинского правила «сын всегда должен

быть лучше отца».

Однажды отец взял Василия на Тушинский аэродром, где торжественно встречали Валерия Чкалова с его дальнего перелёта в Америку. С этого момента Василий и объявил отцу, что он хочет стать лётчиком. Сталин сам питал уважение к авиации, поэтому только обрадовался намерениям сына.

И вот Василий — курсант самого популярного тогда среди молодежи Качинского военного училища лётчиков-истребителей, что в Крыму, недалеко от Севастополя. Курсанту с фамилией Сталин определили отдельную комнату, кормили не из общего курсантского котла, по его желанию давали увольнительные в город. Каким-то образом это стало известно Сталину. В Качу полетела правительственная телеграмма: «Комдиву Иванову (начальник училища — авт). Курсанта В. Сталина немедленно перевести на общее казарменное положение. Содержать, обучать наравне со всеми курсантами. И. Сталин». За угодничество перед тов. Сталиным начальнику авиационного училища комдиву Иванову грозило увольнение из армии. Телеграмма Сталина привела в чувство и Василия. Он стал потише, добросовестнее начал учиться. Пилот-инструктор Власов отметил в лётной книжке: «Летает с интересом, охотно, смело. По основным предметам программы оценки «4», «5». Техника пилотирования хорошая». Василий и сам не поверил похвале инструктора: «Может, такие оценки поставлены потому, что моя фамилия Сталин?» Так в характере некогда заносчивого

курсанта Сталина появились первые признаки скромности. Но Василий действительно начал хорошо летать на учебном самолете.

После учебно-тренировочных самолетов У-2, УТ-2, Р-5, Р-1 Василий перешел к освоению истребителей И-1, И-16, И-153. В лётной группе у лётчика-инструктора Николая Власова, кроме Василия, обучались сыновья Фрунзе, Ярославского, Микояна, Булганина. Старшиной элитной группы Власов назначил Тимура Фрунзе, а увидев, что задето самолюбие Василия, сказал перед строем:

– Ты, Василий, не дуйся. Ты ещё не дорос до товарища Сталина, и до старшины группы не дотянул. Из вас дисциплинированной всех Тимур – он и будет старшинствовать над вами...

После окончания Качинского авиационного училища Василию было присвоено воинское звание младшего лейтенанта с назначением в ВВС Московского военного округа, в котором 16-м истребительным авиационным полком командовал очень требовательный майор Прудков, а 24-й дивизией, в состав которой входил 16-й ИАП, командовал полковник Сбытов. Вот при этих командирах и происходило становление военного лётчика Василия Сталина. Ныне генерал-полковник авиации Сбытов вспоминает: «С самого начала Василий Сталин показал себя лихим лётчиком-истребителем. С ним пришлось много работать майору Прудкову, да и мне. Главное, нужно было сбить с него спесь заносчивости – «я сын Сталина».

Началась война. На подмосковных аэродромах формировались новые авиационные полки, доукомплектовывались уже потрепанные в приграничных воздушных боях. От лётчиков, побывавших в боях, Василий слышал жалобы на то, что когда до начала войны германские самолёты перелетали нашу границу, углублялись на советскую территорию, советским лётчикам-истребителям запрещалось атаковать и сбивать этих нарушителей воздушного пространства. Командование военных округов ссылалось на приказ наркома внутренних дел Л. Берия от 29 марта 1940 года, который предупреждал советских лётчиков и зенитчиков, что те понесут персональную ответственность за сбитый германский самолет, потому что у нас с Германией подписан договор о ненападении и дружбе.

По всей вероятности, Василий при встрече с отцом рассказал ему эту историю, потому что Берия со временем специально отыскал Василия и открыто пригрозил: «Ну погоди! Все равно ты мне попадешься...»

А нарушения воздушного пространства германскими самолетами продолжались. В наркомате обороны подсчитали, что с января по апрель 1941 года в приграничных военных округах зафиксировано 324 нарушения. Дело дошло до того, что однажды среди белого дня «Хейнкель-111» с фашистскими крестами на бортах безнаказанно пролетел по маршруту Минск–Смоленск и безнаказанно произвёл посадку на одном из подмосковных аэродромов. На удивление всех видевших этот полёт немецкого военного самолёта, его посадили, заправили, осмотрели и разрешили вылететь обратно. Вот какова была «боязнь» Сталина спровоцировать войну с гитлеровской Германией. Между тем этот случай произошёл в мае 1941 года, а в июне Гитлер двинул свои армии на Советский Союз согласно плану «Барбаросса», острие, главная ось направления удара которого точно совпадала с маршрутом описанного выше германского «Хейнкеля-111». Выходит, была проведена открытая авиационная разведка.

Гитлеровское правительство и на этот раз выразило сожаление, что экипаж их

транспортного самолёта якобы отклонился от заданного маршрута, а потом, дескать, потерял ориентировку... Вот почему при жизни маршал Г. К. Жуков неоднократно подчеркивал, что «Сталин и Молотов были ловко и нагло обмануты Гитлером. Он сумел внушить им, что Германия не собирается нападать на Советский Союз». Ну а наш «прозорливый» и «умный» Сталин, выходит, больше верил Гитлеру, чем своим добросовестным разведчикам, отовсюду славшим депеши с точным сроком начала войны.

А военно-воздушное высшее командование, имея в своих рядах сына Сталина, продолжало выслуживаться перед Сталиным. Младшего лейтенанта Василия Сталина назначают инспектором в Главную инспекцию Военно-Воздушных сил Союза ССР. Потом оглянулись: в представительной инспекции собраны лучшие боевые летчики страны, а Василий только закончил училище и всего лишь младший лейтенант рядом с инспекторами-майорами, подполковниками, полковниками. Василию присваивают сразу звание майора и для налёта практических лётных часов посылают на Липецкие высшие лётно-тактические курсы, там как раз был набран курс повышения квалификации командиров эскадрилий.

Перед отправкой в Липецк начальник Военно-Воздушных сил Красной Армии, дважды Герой Советского Союза 38-летний генерал-лейтенант авиации П. В. Рычагов сам лично проверил технику пилотирования Василия. Возвращаясь домой с аэродрома, Василий встретил Галину Бурдонскую – с этой красивой девушкой его познакомил хоккеист Владимир Меньшиков как со своей невестой. Но Василий сходу предложил Гале идти прямо в ближайший ЗАГС. И девушка не выдержала такой «атаки» бравого лётчика-истребителя.

В Липецк Василий приехал с молодой невестой. Начальник курсов полковник Вершинин выделил молодожёнам отдельную комнату. Когда Василий решился признаться отцу, он позвонил ему по телефону и попросил разрешения на женитьбу. Сталин, выслушав, ответил:

– Знаю, что ты уже приехал в Липецк с молодой женой. Но ты должен знать, что я не люблю лгунов – женился, потом спрашиваешь разрешения. Это мальчишеский трусливый ход. Тоже мне лётчик-истребитель... Ладно, поздравляю, вот только жаль эту Галину Бурдонскую, что связалась с таким дураком... Она из порядочной семьи, потому, полагаю, и сама порядочна. Поздравь её от меня, и живите себе на здоровье.

Вот так работала служба Берии. В отношении женитьбы сына Сталина они даже перестарались: доложили, что Бурдонская – еврейка, зная, что Сталин боится «сионистским синдромом». Но Сталин, говорят, упрекнул Берию:

– Плохо сработали твои сыщики: Бурдонская не еврейка, а ее фамилия происходит от бывшего пленного французского солдата Бурдони, оставшегося на постоянное место жительства в России (это уже была работа личной разведки Сталина).

Между тем Сталин заужал свою невестку. Когда после учёбы на липецких курсах Василий был назначен уже начальником Главной лётной инспекции ВВС и возвратился в Москву, молодой семье была выделена просторная квартира в самом Кремле. Были свидетели, что сам Сталин занимался меблировкой квартиры, – она должна была быть непременно тёмно-бежевого бархата – купил мебель за свои деньги, чтобы там не было ничего казенного. А когда в семье Василия родились сначала сын, а потом дочь, Сталин старался быть внимательным дедом, хотя хватило этого старания только на младенческий возраст внуков. А когда они подросли, дед устранился от

своих забот и внимания. Ни сын Василия Александр, ни дочь Галя, конечно же, не помнят своего живого деда. Галина осталась с фамилией Сталина, а Александр, всю свою жизнь заметно тяготившийся дедовством Сталина, носит фамилию матери – Бурдонский.

По возвращении в Москву Василий снова окунулся в круговорот московской жизни: друзья-товарищи, пьянки, кутежи, женщины, свобода действий на сталинской даче Зубалово... И семья распалась.

Повторим, что в Главной инспекции Военно-Воздушных сил были собраны лучшие асы военной авиации. В задачи этой инспекции, кроме инспектирования лётных качеств пилотов ВВС, с началом войны входили контроль боевой деятельности частей и комплектование лётным составом авиационных полков и дивизий для фронта. В инспекции служил тогда майор Дмитрий Тихонович Никишин, будущий фронтовой командир, а после войны – командующий ВВС военного округа. Дмитрий Тихонович много рассказывал, какую огромную работу выполняла Главная инспекция ВВС и какую положительную роль для ВВС играл ее начальник с фамилией Сталин. Одна фамилия Сталин уже решала все. Был такой случай. Во время Харьковской операции одному авиационному полку потребовались ракеты для внешней подвески, чтобы наверняка помочь пехоте отбить вражеские атаки. Но где их взять, когда эти ракеты, к сожалению, и по табелю снабжения не положены? Полк базировался на глухом степном аэродроме Великий Бурлук. К кому только ни обращался командир авиаполка, и отовсюду ответ: «Нет, не положено, нечем доставить». И тут лётчик Котов вспомнил, что учился в Каче вместе с Василием Сталиным. «Позвони ему», – просили его. Дозвонились. Василий ответил: «Помню, Котов. Ждите. Ракеты будут». Вскоре на полевом аэродроме начали приземляться транспортные Ли-2. Необходимое лимитное боеоружие было доставлено.

Как рассказывает Д. Т. Никишин, Василий Сталин сам рвался на фронт. Лётчики-инспекторы хотя и бывали в боевых частях, но практически там участвовали только в воздушных боях, а Василию Сталину хотелось постоянно находиться в боевой обстановке.

В Орле формировался 42-й истребительный авиаполк (ИАП). Командиром полка был назначен Герой Советского Союза Ф.И. Шинкаренко. Главная инспекция ВВС подбирала лётчиков-истребителей в этот полк, и Василий добился в него перевода. Шинкаренко и его заместитель майор Г.В. Зимин определили В. Сталину должность командира эскадрильи. Полку оставалось только получить на авиазаводе новые истребители Як-1. Ныне маршал авиации Г. В. Зимин вспоминает: «Василию не терпелось вылететь самостоятельно на новом «Яковлеве-1». Для переучивания лётного состава нам дали два-три «Як-1». Ещё никто пока у нас на них не летал, ждали лётчиков-инструкторов из инспекции.

И вот однажды в дождливый день, в явно нелётную погоду, слышим в штабе, что кто-то взлетает с размокшего аэродрома. Звоним на аэродром, волнуемся: кто и что? Никто ведь не запрашивал разрешения на взлёт. А нам отвечают: «Командир эскадрильи Сталин выполняет тренировочный полёт». Мчимся с Шинкаренко на аэродром. А Василий, произведя совершенно благополучную посадку, докладывает: «Товарищ командир, я выполнил самостоятельный полет на «Яке-1». И хотя принято наказывать за самоуправство, за нарушение авиационных наставлений, порядков, Федор Иванович Шинкаренко сказал: «Так ему надо благодарность выносить за

самостоятельный вылет без всяких переучиваний. Потом Василий ведь нам пригодится со своей фамилией для получения этих «Яков» с авиазавода».

И действительно, комэск Сталин поехал на авиазавод, без очереди получил полный наряд новых самолётов и с лётчиками-перегонщиками, будучи ведущим группы, перегнал в Орел 32 новеньких «Як-1».

...С приближением немцев к Москве в Куйбышев начали эвакуировать наркоматы (министерства), госучреждения, в том числе и правительство. Перед Главной авиационной инспекцией была поставлена задача привести в боевую готовность первым делом Тушинский спортивный аэродром, подыскать для взлёта военно-транспортных самолётов дополнительные взлётно-посадочные площадки вокруг столицы. Задание весьма сложное и ответственное, потому что готовился в самый последний момент вылет в Куйбышев и Сталина. Сам Сталин считал, что его оставление столицы для народа будет означать сдачу немцам Москвы. На Политбюро об эвакуации в Куйбышев Сталин заявил:

– Выезжайте все, а я остаюсь в Москве, хотя и читал где-то, что Гитлер вместе со своими передовыми войсками везёт специальную клетку, чтобы посадить в неё меня и повозить по Европе на показ азиата. Но мы не пустим фашистов в Москву, и оную клетку отнимем у его войск, прибережем её для самого Гитлера, и этого изверга провезём на показ честному миру...»

На Политбюро посмеялись над шуткой Сталина, а он продолжал шутить:

– Думаю, Калинин, Жданову, может быть, Андрееву нужно в первую очередь убираться из Москвы, потому что их, как и меня, гитлеровцы тоже посадят в клетку... Молотов – дипломат, укроется где-либо у нейтралов. Берия сбежит на Кавказ в горные ущелья. Кагановича вывезет на специальном самолёте к себе в Америку Рокфеллер или кто-либо другой из евреев-миллионеров. Думаю, Ворошилов – тот будет отстреливаться до последнего, а последнюю пулю – в себя... Семен Будённый соберёт своих казаков-ветеранов и поведет партизанскую войну.

Присутствующие на Политбюро повеселели от подтрунивания над каждым из них, а Сталин, пригладив своей знаменитой трубкой усы, с горестью и в то же время с гордостью закончил свою мысль:

– Великая многострадальная Россия! И сколько она вынесла! Монголо-татары, французы, шведы, немцы... И – все откатились, сгнули, а Россия стоит! И стоять будет! Гитлер погибнет, а Советский Союз будет стоять незыблемо!..

Эти воспоминания оставил для истории Вячеслав Михайлович Молотов. Писателю-исследователю Феликсу Чуеву Молотов однажды признался, что им написаны мемуары... Но кому они, мол, теперь будут нужны? В. М. Молотов скончался на 91-м году жизни. И очень жаль, что его мемуары так и не увидел читатель. Его книга вызвала бы ажиотаж, равный, а может быть, и выше, чем «Воспоминания и размышления» Георгия Константиновича Жукова. Много, очень многое из нашего прошлого знал Вячеслав Михайлович Молотов – второе после Сталина лицо в государстве СССР.

...Немцы уже на весь мир трубили, что они подошли к Москве так близко, что в бинокль видят стены Кремля. И действительно, враг подошёл к предместьям столицы на расстояние трех десятков километров. Командование ВВС начало подбирать пригодную площадку для взлёта самолёта, на котором нужно было вывезти товарища Сталина. Для руководства этой ответственной операцией из Куйбышева в Москву

возвратился начальник Главного управления Военно-Воздушных сил генерал П. Ф. Жигарев.

Ввиду того, что все пока действующие подмосковные взлётно-посадочные площадки (ранее намеченные аэродромы) уже были небезопасными, решили возможным использовать один из участков московской пригородной шоссейной магистрали. А когда возникла потребность облетать этот участок, обратились к Василию Сталину как лучше всех знавшему способности лётчиков Главной лётной инспекции ВВС: кого из лётчиков можно было задействовать для облёта? Василий назвал имя Героя Советского Союза Бориса Смирнова, и тот сел в пассажирский самолет Ли-2, предназначенный для товарища Сталина, и начал облёты намеченного участка шоссейной магистрали. Этот виртуоз пилотажа сделал даже больше – взлетел и сел на самой Красной площади. Но когда результаты облёта доложили Сталину, он ответил:

– Пусть Жигарев взлетает откуда хочет и снова улетает в Куйбышев. Прекратите всякую воздушную акробатику. Я остаюсь в Москве.

Бывший командующий ВВС Московского военного округа генерал Сбытов вспоминал: «И это было в то время, когда немецкие самолёты только за период с 20-го октября по 20-е ноября более 50 раз прорывались почти к центру Москвы и сбросили на город 657 фугасных и около 19 тысяч осколочно-зажигательных бомб. Фашистские бомбы рвались у здания Театра им. Вахтангова, по улице Чайковского, у консерватории, музея изобразительного искусства. Попали бомбы и в здание Московского обкома партии, и именно тогда, когда там был собран партийный актив области. Были жертвы, в том числе получил ранение секретарь обкома партии, начальник Главного политуправления Советской Армии А.С. Щербаков. Одним словом, у нас было достаточно причин беспокоиться за жизнь И.В. Сталина».

Тем, кто настаивал, чтобы Сталин в такой обстановке покинул Москву, он показывал две сброшенные на Москву немецкие листовки. Первая содержала красочное приглашение: «Пропуск: германское командование приглашает москвичей к 10 часам утра 7-го ноября на Красную площадь. Состоится парад наших войск-победителей. Парад будет принимать фюрер всей Германии Адольф Гитлер, он же обратится с речью к москвичам». Вторая листовка была разъяснительного порядка: «Мы, немцы, воюем не против народов России. Мы хотим освободить народы Советов от большевистской заразы, жидов и изверга-супостата Сталина».

И Сталин остался в Москве. Это, несомненно, было не только личное мужество человека, но и прозорливость, понимание положения страны ответственным политическим и государственным деятелем. Ситуация под Москвой в октябре-ноябре 1941 года держала в напряжённом состоянии всех граждан нашей страны, каждый ясно представлял, что с падением столицы война могла закончиться общей победой немцев, а если и не закончиться, то растянуться на очень и очень длительный период.

7-го ноября 1941 года на московской Красной площади прошел парад советских войск, которые прямо с парадного марша уходили на передовые позиции защищать Москву. Состоялось также торжественное собрание, посвящённое 24-й годовщине Октябрьской революции, на котором прозвучали крылатые слова И.В. Сталина, с быстротой молнии облетевшие все советские фронты: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественные образы наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова. Пусть осеняет вас

победоносное знамя великого Ленина».

Помнят бывшие советские люди то время и те призывы. Что и говорить, Сталин умел проникнуть в человеческие души: мы действительно поднимались в атаки на врага с именами наших великих предков на устах и в сердцах. Или вот сталинское сравнение, прозвучавшее в той же речи в честь 24-й годовщины Октябрьской революции: «В первую годовщину Октября, в 1918 году, мы были несравнимо намного слабее, не имели такой сильной Красной Армии, не хватало хлеба, вооружения, обмундирования – и все же отразили удары 14 государств, напавших на нас. Так разве мы можем сомневаться ныне в том, что сможем и обязательно победим немцев?» Какой же это был урок веры для нас тогда, когда гитлеровские армии захватили уже так много советской территории!

...Василий Сталин способен был летать на любых типах самолетов. Однажды на отбитом у немцев аэродроме он увидел внешне пригодный к полету самолёт – транспортный «Зибель». Походил вокруг него, подвигал рулями, различными рукоятками, приказал механикам запустить двигатель, опробовал его на земле, взял и взлетел. Да так тряхнул тот «Зибель» в воздухе, что на планере перекошило стабилизатор, деформировалась обшивка. Пришлось ломачами открывать дверцу кабины. А Василий, потирая руки, сказал собравшемуся полку:

– Видите, какую дрянь клепают хвалёные немцы. Вот так по швам начнет трещать и весь их вермахт.

42-й ИАП на некоторое время перелетел в подмосковную Кубинку на доукомплектование, а Василий снова оказался среди друзей – спортсменов, артистов, поэтов – на даче в Зубалово. Василий любил женщин, а женщины – его. Как писал французский пилот-писатель Экзюпери: «Мужчины предавались своему прямому делу – войне, а женщины и тогда были легкомысленны...»

На московских киноэкранах как раз шла кинокартина «Небесный тихоход». Молодые парни, напевая вслед за главными героями фильма «Мы парни brave, brave...», выходили из кинозала, и тут на глаза Василию попалась Нина Орлова, его бывшая школьная одноклассница, в которую Вася когда-то был так влюблен, что даже собирался на ней жениться. Теперь Нина – жена известного киношника Кармена. А Василий – обниматься.

– Поздно, Вася, – пыталась освободиться Нина, – я замужняя уже...

– Для любви никогда не поздно. Я тоже женатый, ну и что?..

Как и когда-то Галина Бурдонская (теперешняя жена Василия), Нина Орлова тоже не сумела отразить «атаки» бравого лётчика-истребителя. Начались тайные встречи. Потребовалась квартира для уединенных свиданий, которую предоставил друг Василия Борис Смирнов. Но, как известно, такие дела в тайне долго не пребывают, тем более что за Василием с давних пор зорко следил бериевский глаз. Узнал обо всем и Кармен. Кому-то из друзей похвалился: «Пристрелю Василия». Но друг посоветовал написать самому Сталину, мол, так и так, «оградите мою жену от вашего сына».

Сталин поручил это дело своему телохранителю Власику. Генерал Власик застал Василия с Орловой на смирновской квартире и сходу объявил:

– Полковник Сталин, вы арестованы, – и подал записку, написанную рукою отца: «А дуру Орлову вернуть Кармену. И. Сталин».

После того как Василий отсидел на гауптвахте 15 суток (арест отца), главком

ВВС выполнил приказ Сталина о том, чтобы и духу Василия не было в Москве: «На фронте лётчики фашистов бьют, а он тут, развратник, с бабами воюет...» – негодовал Сталин.

Шинкаренко ещё не скоро уводил свой авиаполк в бои, пришлось главному искать для Василия другое место. Как раз в это время под Сталинградом знаменитый 32-й гвардейский истребительный авиаполк потерял не менее знаменитого своего командира гвардии майора Ивана Кущева, который лично сбил над Волгой 51 немецкий самолет. В этом полку, кроме Кущева, сражались с фашистскими асами еще 20 Героев Советского Союза.

Поначалу генерал А.А. Новиков сомневался, примет ли такой знаменитый полк не совсем опытного командира. В полку также воевал один из сыновей А.И. Микояна Степан Микоян – уже опытный боевой лётчик-истребитель. Он-то и сказал главному Новикову: «Посылайте Василия к нам, он мой друг детства, и я берусь взять над ним шефство как лётчик над лётчиком, да и товарищи у нас в полку понимающие, все мы вместе сделаем из Василия хорошего командира полка, тем более что он сам по себе хороший смелый истребитель».

И вот полковник Сталин в гвардейском полку. Конечно, по технике пилотирования истребителя он не уступал ни одному лётчику полка, но как командир первым же написанным лично им приказом насмешил всех от рядового до начальника штаба полка. Вот текст этого приказа без правок и купюр: «В принятом мною полку я обнаружил чрезмерное заболевание – гонорея. Приказываю: организовать осмотр всего личного состава. Впредь дефицитный медпрепарат пенициллин расходовать только при лечении раненых, гонореей лечить старыми способами и материалами. Впредь заболевание гонореей расценивать как умышленное членовредительство с последующей законной ответственностью заболевшего, вплоть до судебной ответственности».

Приказ нового командира полка зачитали личному составу перед строем. Посмеялись. А вышестоящее начальство даже похвалило Василия:

– А что? Ловкий приказ! Никто из нас не осмелился так откровенно контактировать с личным составом.

Василий с первых дней почувствовал, что ему очень трудно будет заменить Ивана Кущева, а если и удастся, то только такой воздушной боевой хваткой, какая была у того перед всем полком. В то же время Василий подумывал и о том, что ему нужно быть осторожным в воздушных атаках – отец нелегко пережил потерю старшего сына, что же с ним будет, если что-то случится и с младшим?

Все равно Василий старался не пропустить ни одного боевого дня вылета полка. А полк продолжал работать интенсивно: только за одну неделю, с 1-го по 7-е марта, 32-й гвардейский ИАП выполнил 227 боевых самолёто-вылетов, провел более 10 воздушных боёв с немецкими истребителями, в результате которых было сбито 6 «Мессершмиттов-109» и 4 «ФВ-190». Отличились старший лейтенант Лепин – сбил двух «Мессершмиттов», старший лейтенант Марков – «Ме-109» и «ФВ-190», младший лейтенант Разуванов – двух «Ме-109». Открыл свой боевой счет и полковник Сталин – ему засчитаны сбитые «Ме-109» и «Фокке-Вульф-190». Что ж, неплохо для начала. А видевшие истребитель комполка в атаках заговорили:

– Кущевская хватка у нового комполка. Хорошо будем с ним воевать. С самого начала войны бывший лётчик-инструктор Василия Сталина в Каче Николай Власов

теперь забросал Василия просьбами о переводе его из Качинского училища в боевую часть на фронт. Василию, конечно, удалось выполнить просьбу своего первого учителя-наставника лётного дела и даже больше: Николай Власов был назначен командиром эскадрильи сталинского 32-го гвардейского авиаполка.

Июль, август, сентябрь для 32-го гвардейского ИАП выдался особенно напряженным. В самом Сталинграде шли ожесточённые уличные бои с 6-й армией Паулюса, а на внешних обводных фронтах к Сталинграду наступали советские 62-я и 64-я армии с целью окончательно зажать паулюсовскую армию у Волги. С 26 июля развернулись бои у Калача, куда немецкое командование устремило свои механизированные войска на выручку Паулюсу. В этот день лётчики-гвардейцы 32-го полка сбили 34 немецких самолёта, в августе – 44 гитлеровских бомбардировщика-штурмовика «юнкерс». Василий ведущим летал в паре с Власовым, вдвоём они завалили 8 вражеских самолётов. Не менее активно действовала эскадрилья капитана Степана Микояна: его лётчики не допустили ни одного «юнкерса» к переправам советских наземных войск через реку. По-видимому, мало кому или никому неизвестно, что в те напряжённые дни район Сталинграда посещал и Верховный Главнокомандующий И. Сталин. Однажды мы, слушатели и курсанты Энгельского авиационного училища, были выставлены на круговую охрану нашего центрального училищного аэродрома. Сначала прилетел целый истребительный полк самолётов Як-1. Вскоре часть из этих «Яковлевых» взлетели и с воздуха начали прикрывать зону нашего аэродрома, а вторая часть «Яков» куда-то удалилась, и в их сопровождении прилетел и произвёл посадку отлакированный пассажирский самолет Ли-2 (вернее, он тогда именовался Си-40 или Си-42 по имени авиаконструктора Сикорского). Для встречи этого самолёта на аэродром приехало немало высокого военного и гражданского начальства. И вот в открытых дверях самолёта появляется и медленно, осторожно спускается по трапу со специальными боковыми поручнями военный в генеральской форме, очень похожий на портретного Сталина.

И тут по курсантским рядам, которые были поближе к Ли-2, понёсся восторженный шёпот:

– Сталин! Живой товарищ Сталин!..

Не ускользнуло от внимательных охранников-курсантов и то, что к пассажиру подошел с рапортом командир прилетевшего истребительного полка:

– Товарищ Верховный Главнокомандующий, командир 32-го гвардейского истребительного полка полковник Сталин готов к истребительному сопровождению вашего самолёта, – докладывал Сталин-сын Сталину-отцу.

И никакой фамильярности. Все официально, по военным уставам. Самолет Ли-2 дозаправлялся горючим, осматривался инженерами для продолжения перелёта, а Сталин, отойдя в сторонку от кавалькады его встречающих, вёл деловой разговор с начальником Энгельского авиационного училища генерал-майором Багаевым, который потом рассказывал, что товарищ Сталин интересовался подробностями хода переучивания и формирования женских авиационных полков, создаваемых по инициативе Героя Советского Союза майора Марины Михайловны Расковой. И хотя Раскова присутствовала при встрече высокого пассажира, Сталин пусть и тоном юморка, но приказывал генералу Багаеву:

– Марина Раскова – боевая, лихая женщина, но вы тут присматривайте за ней, основная ответственность за приведение женских авиаполков в боевую готовность

лежит на вашем училище.

И это предупреждение Сталина оказалось пророческим. М.М. Раскова сформировала и отправила на фронт первый авиаполк ближних ночных бомбардировщиков на лёгких самолётах У-2 (По-2), передала в систему ПВО второй истребительный авиаполк, и он стал на охрану городов, а третий бомбардировочный из пикирующих бомбардировщиков возглавила сама и зимой 1942–43-х годов готовилась вылетать из Энгельса на фронт. Был снегопад, явно нелётная погода, генерал Багаев не разрешал вылет, но Марина Михайловна, как депутат Верховного Совета СССР, а после переучивания – самостоятельный командир, пренебрегла и запретом, и погодой, взлетела и повела своё звено из Энгельса. Авиаполк попал в сплошной снегопад, было решено возвращаться, и расковская тройка По-2 врезалась в пригорок под Саратовом. В училище провели траурный митинг, на котором представитель из Москвы объявил Указ Президиума Верховного Совета ССР о присвоении Энгельскому авиационному училищу имени Героя Советского Союза М. Расковой – ныне это Тамбовское высшее авиационное училище лётчиков. А уважаемого нами генерал-майора авиации совершенно незаслуженно сняли с должности, перевели на низшую должность начальника Канской школы воздушных стрелков-радистов в ВВС Сибирского военного округа.

Воздушное сопровождение самолёта Верховного Главнокомандования 32-м гвардейским авиаполком было последним полётом Василия в этом прославленном полку.

Он снова снимался с фронта и направлялся в Подмоскowie на пополнение личного состава и материальной части. По маршруту перелёта провели посадку для дозаправки горючим и кратковременного отдыха личного состава. Ну, отдых так отдых. Рядом с аэродромом оказалась река Селижаровка. Лётчики во главе с командиром полка Василием Сталиным решили порыбачить, взяли с собой знающего человека – инженера полка по вооружению капитана Разина с авиационными гранатами. Бросили гранаты раз – забрали глушённую рыбу, бросили второй, а на третий – граната со взрывателем в руках самого вооруженца и взорвалась. Капитан Разин был убит, несколько человек легко ранены, в том числе и полковник Сталин – в пяту. Конечно, об этом чрезвычайном происшествии решили умолчать, так как в нём было замешано такое должностное лицо, как командир полка, да ещё с такой фамилией. Но бериевский службист, полковой особист донёс по своей службе всё, как было. Берия ведь считал себя «глазами» и «ушами» самого Сталина, тем более он давно «охотился» за строптивым Василием. Доклад, конечно, сопровождался комментариями: «Командир полка организовал браколовлю рыбы с попойкой – вот и результат...»

Командующему Военно-Воздушных сил маршалу авиации А. Новикову последовал приказ: “1. Снять с должности командира авиационного полка полковника В. И. Сталина и не давать ему каких-либо командных должностей до моего личного разрешения. 2. Полку и бывшему командиру полка полковнику Сталину объявить, что он снимается с должности за пьянки и разгул, за то, что портит и разлагает полк. Исполнение доложить. Сталин».

Давайте зададимся вопросом: разве мог авиационный полк за время командования «пьяницы» полковника Сталина произвести 2 645 успешных боевых самолёто-вылетов и сбить 284 самолета противника? Разве могли «пьяницы» и «развратники» 32-го гвардейского истребительного авиаполка за пять месяцев в воздушных атаках,

возглавляемых полковником В. Сталиным, сбить 124 немецких самолёта?.. В боевом строю полка сражалось 11 Героев Советского Союза. С горечью и душевной болью покидал Василий родной коллектив – в полку каждый воин, от моториста до лётчика, был для него родным братом.

32-й куцевско-сталинский полк был гордостью и славой советских Военно-Воздушных сил. Даже Никита Хрущёв, принимаясь разгонять советские ВВС и хвастаясь, что заменит их ракетами, «которых у него теперь больше, чем колбас» (хотя не было вдоволь ни колбас, ни ракет), и тот долго не смел дотронуться до гвардейского знамени 32-го истребительного авиаполка...

Во времена перехода на реактивные самолёты 32-й ИАП освоил первые реактивные «Миг-15». Но в боевых анналах полка значилось имя Василия Сталина, которое стало причиной того, что Никита Хрущёв сократил, вычеркнул из структуры новых ВВС и эту боевую славу военной авиации...

Во главе командования фронтовой авиацией стояли разумные, терпеливые командующие. И они осмелились после «злополучной рыбалки» нарушить приказ Сталина. Василий Сталин был назначен старшим лётчиком-инспектором 1-го гвардейского истребительного авиационного корпуса, действовавшего на 1-м Прибалтийском фронте. Василий инспектировал, учил лётчиков и сам систематически летал на боевые задания. Командир 1-го гв. ИАК генерал-лейтенант Белецкий вскоре написал высшим инстанциям: «Полковника В. И. Сталина лучше использовать в должности командира авиационно-истребительной дивизии. У него достаточно для этой должности и опыта, и знаний, и лётной практики. На май 1944 года личный налёт В. Сталина – 3 105 часов, тогда как у других комдивов корпуса налёт не превышает 2 000 часов».

18 мая 1944 года Василия Сталина назначают командиром 3-й гвардейской истребительной авиадивизии. Кроме советских истребителей, полковник Сталин умело летал и на всех иностранных типах самолётов, поступавших нам по ленд-лизу. Правда, у некоторых завистников назначение Василия комдивом вызвало неприятие. Одни рассуждали так: это же сын Сталина! А другие со своей колокольни: какой же из Васьки командир дивизии? Ему же всего 23 года от роду!.. А почему бы и нет? Ведь было же время, когда молодых пилотов ставили на большие должности лишь за то, что они заслужили Золотые Звезды Героев Советского Союза. Так, Анатолий Серов в 38-м году – старший лейтенант, а в 1939-м – уже генерал-лейтенант, начальник Главной инспекции ВВС (кстати, после него на этой должности оказался Василий Сталин). В.С. Хользунов вернулся из Испании Героем Советского Союза в должности тоже командира авиационного звена, и сразу – полковник, в 1940 году – генерал-майор, заместитель командующего ВВС военного округа. Г. Н. Захаров в 1938-м – старший лейтенант, в 1939-м – командующий ВВС округа, в 40-м – генерал. А прославившийся в Испании Герой Советского Союза И. В. Рычагов?! До Испании – командир звена, после Испании – командир эскадрильи, в 25-летнем возрасте Рычагов – уже начальник Главного управления ВВС Красной Армии (впоследствии эта должность – Главнокомандующий ВВС Союза ССР), зам. наркома обороны. Так почему же нельзя выдвигать Василия Сталина, постепенно прошедшего авиационные должности рядового лётчика, командира эскадрильи, командира авиаполка, инспектора по технике пилотирования?..

Более года, до самого конца войны, прокомандовал Василий Сталин гвардейской

истребительной авиационной дивизией, три раза он представлялся к положенному генеральскому званию, и все три раза И.В. Сталин беспричинно откладывал в сторону блестящие аттестации на комдива В. Сталина. Не пропускал представления для рассмотрения в Совмине Союза ССР и всё. И.В. Сталин – не Л.И. Брежнев, который своего зятя Юрия Чурбанова из участкового милиционера сделал заместителем министра внутренних дел страны, генерал-полковником.

Когда министр обороны страны Н. А. Булганин, как заместитель командующего ВВС Московского военного округа, пошёл к Сталину с представлениями Василия к званию генерал-майора авиации, Сталин в упор спросил:

– А вы уверены, что он заслуживает этого?

– Давно заслуживает, ещё с должности комдива в военные 1943–1944 годы...

Вот посмотрите, как Василий аттестовало фронтовое командование...

Был такой случай. 3-я гвардейская авиадивизия была посажена на аэродромы Минского аэроузла. Советские войска ещё добивали сопротивлявшихся немцев. Случилось так, что на пути бегства гитлеровцев оказался аэродром Степнянка. Полку авиадивизии В. Сталина грозила опасность нападения разъярённых фашистов – при отступлении на своем пути они сметали всё, что попадалось на глаза. А тут стоянки краснозвёздных самолётов ...

Командир 3-й гвардейской ИАД полковник Сталин срочно вылетел в зону опасности. Он организовал силами личного состава полка и БАО (батальон аэродромного обслуживания) вооружённый отпор, под вражеским огнём успел вывести из-под удара все исправные самолёты, он сам, пренебрегая опасностью, выпустил на взлёт свои «Яковлевы». Причём успел приказать каждому лётчику после взлёта с воздуха проштурмовать гитлеровцев и только потом уходить на дивизионный аэродром. Сталин вызвал также на помощь и истребителей из аэродрома Докуково. В итоге в районе Степнянки немцы оставили более 200 человек убитыми и 222 солдата и офицера были взяты в плен.

Не так много за войну можно было встретить авиационных командиров, так умело управлявших наземным боем. А о том степнянском бое под Минском командир истребительно-противотанковой бригады, посланный на уничтожение немцев у Степнянки, писал в своем рапорте: «Командир 3-й гвардейской истребительной авиационной дивизии полковник Сталин во время операции смело и правильно руководил боем, а также умело взаимодействовал с нашей артиллерией. Прошу представить его к награждению и передать ему благодарность от всего личного состава моей бригады за смелость и хорошую слаженность его лётчиков».

В 1944 году 3-я гвардейская ИАД гвардии полковника В. Сталина активно способствовала 1-му Прибалтийскому фронту в прорыве к побережью Балтийского моря на Мемельском направлении. Здесь дивизия Сталина 19 раз перебазируется вслед за быстро наступающими наземными армиями, при этом провела 263 воздушных боя, сбила 364 самолёта противника.

При планировании Берлинской операции в феврале 1945 года 3-ю гвардейскую авиадивизию передали 16-й воздушной армии 1-го Белорусского фронта, где она тоже проявила себя с самой лучшей боевой стороны.

Бывший командующий 16-й воздушной армии, а после войны маршал авиации С.И. Руденко пишет: «Вася был боевой, умный и толковый парень. Его боевые дела отмечены двумя орденами Красного Знамени, полководческим орденом Александра

Невского 1-й степени, высшим польским орденом «Крест Грюнвальда».

Заметно, что И.В. Сталин следил, чтобы имя его сына поменьше появлялось в поощрительных приказах Верховного Главнокомандующего, которые он лично подписывал. Но Приказ ВГК 357 от 2-го мая 1945 года, поощрявший соединения участвовавших во взятии Берлина, не обошёлся без имени Василия Сталина – видно, не посмел Сталин вычеркнуть это имя. Приказ Верховного Главнокомандующего 357 объявлял благодарности вместе со всеми войсками, штурмовавшими столицу Германии, лётчикам соединений и объединений главного маршала авиации А.А. Новикова (главком ВВС Советской Армии), главного маршала авиации А.Е. Голованова (командующий авиации дальнего действия), далее шло наименование авиационных корпусов и дивизий, участвовавших в Берлинской операции, среди которых указывались лётчики полковников А.И. Покрышкина, В.И. Сталина, Д.Т. Никишина. Дмитрий Тихонович – командир нашего авиационного корпуса, бывший инспектор ВВС подчинения Василия Сталина. (Ради справедливости заметим, что сам Василий Сталин никому из подчинённых никогда не делал так называемых протекций по службе). Он – один из старейших военных лётчиков – сам продвигался по службе. После Главной инспекции ВВС командовал учебной авиационной бригадой, которая формировала для фронта и обучала новые авиационные дивизии и корпуса. Он же сформировал и тренировал будущий знаменитый 6-й гвардейский полбинский пикирующий авиационный корпус, которым после гибели комкора генерала И. С. Полбина и командовал, доведя его до Победы. После войны генерал-лейтенант авиации Д. Т. Никишин командовал Военно-Воздушными силами ряда военных округов, в том числе и Сибирского военного округа (Новосибирск), где более 10 лет прослужил и автор этих строк под началом замечательнейшего военачальника. Мы с Дмитрием Тихоновичем нашли общий язык не только потому, что были фронтовыми однополчанами, но и некоторым образом харьковчанами: перед войной Д.Т. Никишин служил инспектором техники пилотирования ВВС Харьковского военного округа.

Лётчиком Никишин был отличным. Он летал на всех типах наших и зарубежных самолётов-бомбардировщиков, истребителях, штурмовиках, транспортных. В его лётных книжках значатся 54 типа самолетов, на которых он летал за 10 лет своей службы в ВВС. Свой последний полёт он произвел на реактивном истребителе «Миг-17», будучи в свои 60 лет командующим ВВС СибВО.

В Центральной группе советских войск Василий Сталин служил сначала в должности командира 286-й истребительной дивизии реактивных истребителей. Дивизия входила в состав авиационного корпуса, которым командовал прославленный лётчик-командир времен Отечественной войны, дважды Герой Советского Союза, будущий маршал авиации Е.Я. Савицкий. Нам небезынтересна аттестация, которую написал о сыне Сталина этот прямолинейный, принципиальный военачальник: «За первые послевоенные полгода 286 ИАД проведено 22 лётно-тактических учения. Все они прошли организованно, без происшествий. По учебно-боевой подготовке дивизия стоит на первом месте в корпусе. Боевая активность в дивизии растёт, лётный состав на реактивных истребителях подготовлен к действиям на всех высотах, 40 % лётного состава уже летает в сложных метеорологических условиях и на больших высотах. Сам комдив В.И. Сталин обладает хорошими организаторскими способностями, оперативно-тактическая подготовка у него хорошая. Свой боевой опыт постоянно умело передает подчинённым. В работе по службе энергичный, инициативный,

уделяет много внимания освоению новой авиационной техники. Дисциплинирован. Идеологически выдержан, морально устойчив, делу партии Ленина-Сталина предан.

Вывод: должности командира дивизии вполне соответствует. Заслуживает повышения. По деловым и лётным качествам его полезней использовать в Главной инспекции ВВС Советской Армии.

Командир корпуса генерал-лейтенант авиации Е. Я. Савицкий».

В другой характеристике Евгений Яковлевич Савицкий был более справедлив, когда отмечал, что «Василий Сталин бывает вспыльчив, в обращении с подчинёнными не всегда себя сдерживает, допускает грубости, а иногда слишком доверяет им». Всё это Василий знал, понимал свои недостатки, критически относился к ним, но исправлялся с трудом. Своему другу лётчику Л.Г. Котову он признавался: «А откуда у меня должно быть воспитание? Мать рано умерла, отец был вечно занят государственными делами, от случая к случаю читал мне нотации, говорил, что я невыдержан, часто срываюсь и веду себя не так, как следует вести. И вообще от кого я мог получить хорошее воспитание: от беззубой немки-горничной или от рязанского милиционера Власика, ставшего телохранителем отца? Он и его охранники рано научили меня прикладываться к рюмке и шляться по бабам. Хорошо хоть немного одернуло меня Качинское военное училище лётчиков, когда отец посадил меня на общие условия жизни и содержания курсантов».

Без всякого сомнения, ранняя потеря матери сказалась на всём последующем поведении и молодого, и зрелого Василия Сталина. О Василии Сталине ходили самые разноречивые слухи: то он хороший и добрый человек, то самодур и пьяница, который и лётчиком хорошим считался только потому, что был Сталиным, и прочее такое. Кто же он был на самом деле? «А назовите мне хотя бы одного сына или дочь знатных людей, которые бы сами стали выдающимися или хотя бы безупречными?» – задавался вопросом Дмитрий Тихонович Никишин, много лет прослуживший бок о бок с Василием Сталиным и отзывавшийся о нём в общем весьма положительно: «Много полезного я почерпнул у Василия Иосифовича для своей дальнейшей командирской службы».

После успешного переучивания дивизии полётам на реактивных истребителях В. И. Сталина назначили командиром 1-го гвардейского истребительного авиационного корпуса там же, в ЦГВ. А через год перевели в Москву с новым повышением – заместителем командующего Военно-Воздушных сил Московского военного округа. На этой должности Василий Сталин курировал развитие спорта столичных авиаторов. При его участии союзной славы достигла команда хоккеистов ВВС. Новое развитие получили мотоциклетный и конный спорт.

А став командующим ВВС МВО, генерал-лейтенант авиации В.И. Сталин вместе с лётной подготовкой всё так же продолжал уделять внимание спорту: с его помощью строились новые спортивные площадки, бассейны, достраивались стадионы.

После смерти И.В. Сталина (1953 г.) вместе с развенчанием культа его личности началась и «расправа» над его детьми. Василий Сталин был предан суду за злоупотребление властью, в том числе и за незаконные растраты государственных денег, но ни следствие, ни суд не установили того, чтобы в карман Василия была положена хотя бы одна копейка государственных денег. А на сооружённых с участием бывшего командующего ВВС МВО В.И. Сталина спорткомплексах до сих пор с пользой тренируются союзные спортивные команды, и в том числе олимпийские.

В 1949 году Василий Иосифович был избран депутатом Верховного Совета ССР. К депутатским обязанностям он относился со всей добросовестностью: в установленные дни ни на минуту не опаздывал на приёмы избирателей, по-деловому и конкретно решал просьбы военнослужащих, рабочих, интеллигенции. Вопросы решались на месте, без бюрократических проволочек, и ему в этом народном деле, конечно же, помогала фамилия – Сталин. Но Иосиф Виссарионович по-прежнему держал «под контролем» своего сына, которого, как он считал, подхалимы довели до высокой должности командующего ВВС МВО и сделали генерал-лейтенантом. При таком положении Василию нельзя было допускать ни малейших промахов. Но как обойтись без этих промахов? Да и возможно ли вообще такое в нашей жизни?

На Первомайский праздник 1952 года в Министерстве обороны и в правительстве решили продемонстрировать в воздушном пространстве над Москвой перевооружение советских Военно-Воздушных сил с поршневых на реактивные самолёты. Командующему ВВС Московского военного округа генерал-лейтенанту В. Сталину было приказано для прохождения над Красной Площадью подобрать и оттренировать специальные группы реактивных бомбардировщиков и истребителей, что Василий и выполнил должным образом.

Утро 1 мая. Для прослушивания по эфиру хода полёта самолётов на трибуне мавзолея В.И. Ленина для правительства, членов Политбюро и военачальников Минобороны установлены радиомикрофоны. Но громогласный радиообмен в результате обернулся против Василия Сталина...

Сначала над Красной площадью в дождевой мгле проплыл тяжёлый четырёхмоторный Т-4, запланированный в качестве доразведчика погоды, с командующим воздушным парадом генерал-лейтенантом В. Сталиным на борту. Между ним и министром обороны Н.А. Булганиным, находящимся вместе с правительством на трибуне Мавзолея, происходит такой радиообмен: Булганин Василию:

– Отсюда ваш самолёт плохо просматривается. Придётся отменить взлёты реактивникам, запретить воздушный показ.

Василий:

– Мои лётчики подготовлены для полёта над вами в таких метеоусловиях, – и даёт команду на все аэродромы Подмосковья, где её уже ждут лётные экипажи. – Всем взлёт согласно плановой таблицы.

Я «Сокол-1».

И тут началось. На некоторое время запоздали со взлётом турбовинтовые четырёхмоторные Т-4, а реактивные Ил-28 и МиГ-15 взлетели в точно намеченное время и, конечно, очень быстро догнали их группу. А дождь, как назло, ещё больше усилился, уменьшая для лётчиков видимость друг друга.

Началось смешивание групп самолётов с разными скоростями (Т-4 имели меньшую скорость, чем реактивные). Опытный лётчик и руководитель полётов, Василий Сталин реактивным группам начал давать команды на отвороты во избежание столкновения, периодически спрашивая ведущих групп:

– Что там у вас делается?

– Каша, – отвечали те.

И тут Василий, находясь в напряжении, посылает в эфир залихватский мат:

– Да куда ж ты, растуды твою, прёшь? Столкнешься же!

Иосиф Виссарионович наклоняется к Булганину и спрашивает:

– А кто это там так некрасиво выражается?

– Ваш сын, Иосиф Виссарионович.

Тут же последовал гневный приказ: «Сегодня же генерала Сталина отстраните от должности и полётов. Отправьте его подальше от Москвы, чтобы и духу его тут не было. Отправьте на самый Дальний Восток, в глухие таёжные места, и пускай там медведей материт».

Тем временем доложили, что все взлетевшие самолеты благополучно произвели посадку, за исключением одного Ил-28, потерпевшего поломку при посадке из-за дождя. После объявления о том, что группа «Миг-15» благодаря опытному ведущему полковнику Алексею Микояну приземлилась нормально, Сталин сказал стоящему рядом Анастасу Ивановичу Микояну:

– Поздравляю, Анастас, хорошего орла дал Родине.

– Спасибо, товарищ Сталин, но сын-то Алексей мой, а сокол – сталинский!

Старшие авиационные начальники из Минобороны, за которыми оставалось последнее слово запрета полётов, понимали, что в этом лётном происшествии виноват не только Василий Сталин. Потому, дождавшись момента, когда гнев Сталина спал, они не стали отсылать его сына в таёжные дебри, а вспомнили, что Василий перед Липецкими курсами самовольно оставил учебу в Академии, и на этот раз приказали ему продолжить учебу.

Но что такое лётчик без полётов? Максим Горький как-то сказал, что стоит человеку хотя бы раз подняться в небо, и оно, это небо, будет тянуть его к себе всю оставшуюся жизнь.

Над Москвой на больших высотах реактивные самолёты вычерчивают слои инверсий, а он, Василий, сидит в академических аудиториях, зубрит какие-то формулы, забывает голову какими-то графиками, формулировками... Нет, это не по его характеру. Василий чувствовал, как внутри у него поднимается бунт, протест.

А тут – и смерть отца. Каким он ни был для него грозным, по личному мнению Василия, во многом несправедливым, но отец есть отец...

Василий стал появляться в шумных компаниях лётчиков, спортсменов в ресторанах, других увеселительных местах. Однако фигурой он всегда был заметной – отсюда и пошли всякие сплетни, слухи... Правда или нет, но говорят, что из сказанного Василием в этих компаниях по Москве пошли разговоры, что И.В. Сталин умер не своей смертью, его, дескать, отравили сами же кремлевские власть имущие завистники... Вспомним, что за поведением Василия уже давно была установлена слежка бериевской службы. Вскоре было открыто следственно-судебное дело генерала В. Сталина о злоупотреблениях служебным положением, растратах государственных денег. Но о каком злоупотреблении служебным положением идёт речь, когда в авиации военного округа лётчики успешно осваивали новые самолёты, повышали свой уровень? Какие имеются в виду растраты, когда командующий ВВС пекся о росте спортивного мастерства авиаторов?..

Однако, как вспоминает дочь Василия Надежда Васильевна Сталина, «отец ежедневно жил в тревоге из-за возможного ареста, сидел дома, не появлялся ни в каких общественных местах, в том числе и ресторанах, которые ему приписывают как тамошнему завсегдатаю». Но Никита Хрущёв торопился побыстрее упрятать Василия вместе с его фамилией.

308 ОЖНИКИ СВОЕГО РОДСТВА

Как у нас в СССР водилось, да и водится до сих пор, наши государственные секреты сначала раскрывают за границей. Во времена «развенчания культа личности Сталина» и ведения «дела генерала В. Сталина» в США вышла книга профессора-историка Авторханова под названием «Загадка смерти Сталина», в которой профессор прямо констатирует смерть Сталина как «тайный сговор Кремлёвского двора».

Авторханов называет даже фамилии заговорщиков – Хрущёв, Берия, ближайший соратник Сталина Лазарь Каганович. Неизвестно, из каких источников автором всё это взято, но в его книге чёрным по белому пишется, что в заговоре смерти И. Сталина прямо прослеживается «след евреев», что подтверждается версиями о быстром уходе из жизни Менжинского, Горького, Жданова, Димитрова, Чойбалсана, которых лечили кремлёвские врачи-евреи. Промелькнуло также сразу после похорон И. Сталина «дело врачей-евреев»... В книге пишется, что Берия хорошо помнил судьбу своих предшественников: Ягоды и Ежова – и считал, что Сталин может подобраться и к нему, торопился убрать «великого вождя». Но даже когда Сталина не стало, его фамилия в лице сына Василия все-таки осталась...

В далеких от СССР заокеанских США вышла также книга «Кремлевский волк» Стюарта Кагана (внучатого племянника Лазаря Моисеевича Кагановича).

У тогдашнего друга и соратника И. Сталина Л. М. Кагановича уже тогда в США проживало много родственников, с которыми он, конечно, поддерживал связь. Упомянутый Стюарт Каган смерть Сталина связывает с именем племянницы Лазаря Моисеевича, ранее работавшей лаборантом медицинской службы Кремля, а потом выехавшей в США. Проверили: да, работала такая в Кремле и как раз в той лаборатории, где дозировались препараты для лечения членов правительства. Так не случайно ли И.В. Сталин избегал помощи медиков Кремля?

В 90-е годы российский писатель-журналист Эдвард Радзинский тоже эмигрировал в США и издал там книгу «Сталин», в которой тоже утверждает, что «Сталин умер не своей смертью, его отравили приближенные к нему в Кремле».

Светлана Аллилуева в своих воспоминаниях тоже отражает этот момент и так пишет о первом помощнике Сталина: «Берия был великолепный тип царедворца с характерными чертами лести, лицемерия и лицедейства, опутавший даже отца, которого вообще никому невозможно было обмануть. Много, что творила эта гидра, пало пятнами на моего отца, хотя, конечно, во многом они повинны вместе. А то, что Берия ловко сумел провести отца – для меня не секрет. И это понимали наверху все, но помалкивали, боялись».

Василию Сталину присудили восемь лет лишения свободы и заключили его во Владимирскую тюрьму, Никита Сергеевич во что бы то ни стало старался в памяти народа стереть фамилию Сталин: его дочь нарекли Аллилуевой, а сына арестовали под фамилией Васильев.

Не уступила своей фамилии «Сталина» только дочь Василия Надежда. Они с братом Александром Бурдонским систематически навещали отца во Владимире, носили ему передачи, поддерживали морально.

Тяжело было детям видеть своего отца, совсем еще недавно бравого молодого генерала, лётчика. Надежда Васильевна рассказывает: «...Коридором к нам шёл убитый горем и положением заключённого отец в замызганной, выдавшей виды фуфайке, такой же шапке-ушанке, опираясь на какую-то палку... Папа всегда радовался нашему приходу, признавал свою вину за ранний развод с мамой, которая,

кстати, любила его до конца своих дней. К сожалению, время нашего свидания на обеденном перерыве быстро заканчивалось, и мы со слезами прощались. В письмах в правительственные органы, которые он нам передавал, отец доказывал, что судили его несправедливо, в предъявленных обвинениях он до сих пор не чувствует себя виноватым, просит пересмотра дела...»

В книге Станислава Грибанова «Хроника времен Василия Сталина» (Москва, 1999 г., издательство «Гея») в эпилоге помещены письма Василия из тюрьмы родным. Сколько в них теплоты, ласки, грусти, покаяния!.. Кстати, при аресте у него изъяли все письма, кроме этих – дочери и сыну.

В 1960 году Василий все-таки добился приема у Н. С. Хрущёва. Их «трогательную» встречу описала Светлана Аллилуева в своих воспоминаниях. Лукавый Никита Сергеевич даже пустил слезу... Вспоминали хорошие довоенные времена, расхваливали, какой хороший был Иосиф Виссарионович, так много сделавший добра людям... После этой встречи Василий даже был освобождён из тюрьмы, возвращён в Москву. Его восстановили в партии, возвратили ордена, генеральское звание, военную пенсию. Вот как дрогнула душа «сердобольного» Никиты Хрущёва! Но, как выяснилось, дело было не в сердобольности. В СССР готовился приезд президента США Дуайта Эйзенхауэра. Составлялась специальная программа этой встречи, с обеих сторон предлагались мероприятия. И вот кто-то подсказал, что Эйзенхауэр уважительно относится к И.В. Сталину, а вдруг он пожелает встретиться с его сыном генералом Сталиным? А тот – в тюрьме.

И выпустили, снова нарядили в генерал-лейтенантскую форму. Всё, кажется, складывалось для Василия нормально.

Приезд Эйзенхауэра сорвался. 1-го мая 1960 года в советском небе ракетами был сбит американский самолёт-разведчик У-2, а его пилот Пауэрс взят в плен. Отношения с США резко обострились, и президент не рискнул ехать в Москву, видно, потому, что трудно было чем-либо оправдываться.

Наш же Никита Сергеевич взял да и укатил в США, где ещё и выступил в Организации Объединённых Наций: грохнул своим тупым тупым по трибуне и пригрозил, что если империалисты посмеют напасть на СССР, они будут забросаны ракетами, которых у нас «много, как колбас». Вскоре после этого в Париже собрались главы государств. И вот когда в зал заседания вошел президент США, Н.С. Хрущев незамедлительно сделал заявление:

«Господин президент, если вы сейчас же не извинитесь за то, что направили к нам самолёт-разведчик, я в работе конференции участвовать не буду». Заявление было произведено так неожиданно и смело, что Эйзенхауэр растерялся, но, конечно, не извинился.

Есть и другая версия освобождения Василия Сталина из владимирской тюрьмы. Полковник КГБ Травников, состоявший в кремлевской охране, писал: «Я твердо убежден в том, что знаю: Василия через суд убрали за то, что он много знал закулисного о Хрущёве, в том числе и причину кончины отца, знал то, чего не могли знать простые смертные. Как известно из истории российского царедворства, в деле расправы с негодными, посягающими на власть, все средства хороши. До ушей Никиты Сергеевича, конечно, доходили слухи, что Василий Сталин на людях распространяется об отравлении И. В. Сталина. Вот и посадили его за решетку. А потом тот же Никита Сергеевич прикинул, что не миновать политического скандала,

если Василий, заболевший желудком, умрёт в тюрьме. Взял и снова выпустил Василия на волю...» Между прочим, эта травниковская версия очень похожа на правду, потому что её с такой же точностью рассказывал сам Василий генерал-полковникам авиации Сбытову и Горбатию, хотя и не так долго находился на свободе. До Кремля снова начали доходить слухи, что В.И. Сталин продолжает убеждать всех встречных-поперечных в том, что И.В. Сталина всё-таки отравили. А тут подвернулся случай новой виновности Василия. Он ехал на своей автомашине по московской улице и столкнулся с машиной одного иностранного дипломата. Василия признали не вполне трезвым и снова отправили в тюрьму досиживать первый срок судимости. Интересное совпадение: в соседней Лефортовской тюрьме сидел тот самый американский лётчик-шпион, который на своем разведсамолёте пересек половину территории Советского Союза. И вот парадокс: лётчика-героя войны с фашизмом кормят тюремной баландой, а лётчику-шпиону подают жаркое и чуть ли не красную икру, для Василия – параша, а для Пауэрса – тёплый туалет, душ...

Василий серьёзно болел: желудок, нервное расстройство, ноги... Медицинская комиссия определила, что дальнейшее пребывание его в тюрьме небезопасно. По разрешению из Кремля заключенного «Васильева» выпустили и уже как Сталина выслали на поселение в Казань сроком на пять лет.

Поселили Василия на самом верхнем этаже квартиры-хрущёвки. Не без присмотра. Пенсию перевели на управление КГБ республики, чтобы он являлся туда за деньгами, а соответствующие работники фиксировали, чтобы он никуда не сбежал. И ещё непосредственно в квартире для постоянного наблюдения поселили сотрудницу КГБ Марию Нусберг, и у неё, якобы медицинской сестры, было свидетельство о бракосочетании с В. Сталиным. А для полной гарантии врачи из КГБ еще и комиссовали В. Сталина с заключением: «Требуется постоянного присмотра как психически больной». Однако Василий был при полном рассудке и отлично помнил своих жён – Бурдонскую, Тимошенко, спортсменку Васильеву, с которой пребывал в незарегистрированном браке, а от Нусберг требовал освободить квартиру, утверждая, что принципиально не принимает и не пускает к себе никого из женщин.

И вот однажды к нему явилась молодая женщина, отрекомендовалась Маришей, объяснила, что она племянница такого-то (назвала фамилию человека, которого Василий знал как заслуженного лётчика-истребителя). Василий ей поверил, поверил и в то, что друзья-лётчики поручили ей присматривать за Василем, убирать квартиру, стирать, готовить пищу. Мария Николаевна (сейчас сотрудница одного Казанского института, просила не называть её фамилию, оставить так, как называл её Василий – Мариша) рассказывает, что она просто из жалости к несчастному Василию выполняла просьбу лётчиков-испытателей Казанского авиационного завода быть хозяйкой в квартире больного Василия Иосифовича.

Мария Николаевна, эта сердобольная женщина, рассказывает: «Жили мы скромно, небогато. Васико (так она называла Василия) получал 300 рублей военной пенсии, из которых ежемесячно 150 рублей высылал дочери и сыну, да моя небольшая зарплата. Не разгуляешься на такие деньги. Он вставал рано, готовил завтрак, провожал меня на работу. Придя с работы, я занималась тем, чем положено женщине-хозяйке: старалась отвлечь Васико от задумчивости, в которую он впадал постоянно. Особенно его беспокоили кэзэбисты – звонили, приглашали на какие-то беседы...» Мария Николаевна понимала душевные терзания Василия, вызванные несправедливым

отношением к нему властей, понимала положение теперь всеми забытого генерала Сталина.

Потом Мария Николаевна сговорила с дочерью Василия Надей, и они вместе поехали в Москву. Дождались очереди на приём к тогдашнему Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову, рассчитывая на многолетнюю дружбу того с И.В. Сталиным. Климентий Ефремович выслушал просьбу женщин хотя бы снять надзор КГБ с больного Василия и ответил: «Понимаю, сочувствую, знаю Василия с детства, но ничем вам помочь не могу. Я теперь хоть и занимаю такой высокий государственный пост, но фактически ничего не решаю». Верно признание старого большевика: что теперь значит старик Ворошилов?..

Наведальась Мария Николаевна и к сестре Василия Светлане в расчёте хоть как-нибудь облегчить положение её брата. Но та только и смогла ответить: «Знаю, сочувствую, но я тоже сама нахожусь в таком же положении, что и Вася. Мы, дети Сталина, сегодня являемся бельмом на глазу Хрущёва... При жизни отца нас опекали, берег КГБ, а сейчас он же нас преследует, следит за каждым шагом, ловит каждое слово. Трудно, невыносимо нам сегодня жить на этом свете...» И расплакалась...

Домой в Казань Мариша вернулась ни с чем, только с горечью на сердце. Но смолчала, ничего не рассказала Василию. А тут ещё и женский голос по телефону:

– Кто вы? – спросила Мариша.

– Скоро узнаешь законную жену Василия. А ты убирайся оттуда...

На всё это Василий ответил:

– Нет у меня никаких других жён, кроме тебя, Мариша. Прошу, не оставляй меня, не уходи из дому...

И все же однажды Мария Николаевна возвратилась с работы и в квартире застала растерянного Василия и какой-то беспорядок: на полу разбросаны использованные капсулы, обертки от медикаментов. Растревоженный Василий объяснил, что была всё та же медицинская сестра, делала какие-то уколы...

– Медсестра Нусберг, которая накануне звонила?

– Кажется, она, – ответил Василий, – но я её снова прогнал. Она больше здесь не появится.

...Вечером Василий долго разговаривал по телефону с дочерью Надей и сыном Сашей, жаловался на отвратительное самочувствие. Те пообещали приехать завтра же. И приехали. Но живым отца уже не застали. Это случилось 19 марта 1962 года. Надежда Васильевна Сталина, как только взглянула на безжизненное лицо умершего, сказала: «Когда бы и кто бы меня ни спросил, что случилось с отцом, я отвечаю и буду отвечать: моего отца убили, он не умер своей смертью...» Основания для такого заявления были. Никакого законного медицинского заключения о смерти В. И. Сталина не было и нет. Казанские власти не отозвались на просьбу детей Василия выдать медзаключение и после похорон.

В своих воспоминаниях Светлана Аллилуева писала, что брата хоронила чуть ли не вся Казань. Но ничего подобного не было. Наверное, дочери Сталина хотелось, чтобы так было. На самом деле гроб с телом некогда заслуженного лётчика-генерала немного постоял у подъезда дома, возле него было несколько жильцов-соседей покойника, лётчики-испытатели Казанского авиационного завода, из родственников – только дочь Надежда, сын Александр, одна из последних жён – Васильева и, конечно, Мария Николаевна – Мариша. Промелькнуло также лицо Нусберг, которая

302 ОЖНИКИ СВОЕГО РОДСТВА

постаралась не попадаться на глаза ни Марише, ни детям Василия. Быстро подъехала кладбищенская похоронная машина, погрузили гроб и повезли. На кладбище тоже никаких прощальных митингов, никаких речей, никаких военных почестей со стрельбой и духовым оркестром, какие были положены при похоронах офицеру, а тем более – генералу. Поплакали Надежда, Александр, Мариша, и вот уже зарыта в землю «эта страшная фамилия»... Отлетал своё по белу свету сталинский сокол Василий Сталин...

...И все же на Арском кладбище в Казани могила Василия Иосифовича остаётся заметной. Побывал на этом кладбище и я со своим экипажем реактивного Ил-28 (пролётом через Казань, где производилась посадка для дозаправки топливом). Возложили цветы. Читаем на мраморе: «Джугашвили Василий Иосифович. 21.03.1921 г. – 19.03.1962 г.». Присматриваемся. Слово «Джугашвили» выбито на мраморной плите поверх зачёркнутого слова «Сталин». Кладбищенский смотритель объясняет:

– Так похоронили-то его с фамилией Сталин, а потом наши городские власти заставили стереть «Сталин» и написать «Джугашвили».

Надо полагать, это произошло в то время, когда имя Сталина убиралось из названий городов, улиц, площадей, предприятий. Отняли его и у дочери Светланы, но для неё нашлась материнская фамилия, а тут...

...Пролетают годы, десятилетия. Как в своё время говорил И.В. Сталин, время начнёт сметать прочь нагромождённый мусор, исправлять историю. Мы помним, с каким размахом происходила реабилитация необоснованно репрессированных. Надежда Васильевна Сталина и раньше обращалась с ходатайствами о реабилитации её отца. В конце 1990-х годов ей на помощь пришли ветераны Военно-Воздушных сил Московского военного округа: В.К. Андреев – председатель Совета ветеранов ВВС МВО, заслуженный военный лётчик СССР, генерал-полковник авиации; В.И. Попков – дважды Герой Советского Союза, заслуженный военный лётчик СССР, генерал-лейтенант авиации; Герои Советского Союза, заслуженные военные лётчики СССР: генерал-лейтенант авиации А.И. Выборнов, генерал-лейтенант авиации С.Ф. Долгушин, генерал-майор И.И. Лежнев; полковник В. Д. Орлов, генерал-майор В.К. Поляков, полковник Ф.Ф. Прокопенко, полковник Е.М. Конюхов, генерал-майор Н.И. Пургин. Вот их письмо в Генеральную прокуратуру Российской Федерации:

«Заместителю Генерального прокурора РФ – Главному военному прокурору генерал-полковнику юстиции Демину Ю.Г.

Уважаемый Юрий Георгиевич!

Настоящим письмом к Вам обращаются ветераны ВВС СССР, члены Содружества воздушных асов. Как нам стало известно, к Вам обратилась дочь нашего боевого друга, командира и сослуживца генерал-лейтенанта авиации Сталина Василия Иосифовича Надежда с просьбой о его реабилитации за якобы совершённые им преступления, за которые он был осуждён 2 сентября 1955 г. и приговорён к восьми годам лишения свободы.

Мы не собираемся кривить душой и представлять Вам В. Сталина как безгрешного ангела, у которого не было недостатков и отрицательных черт.

Однако только служебные и личные недостатки, надо полагать, нельзя положить в основу приговора. Для этого нужны конкретные факты, как у Вас говорят, преступные эпизоды.

Уголовное дело в отношении В. И. Сталина было возбуждено органами госбезопасности 27 апреля 1953 года. Арест его санкционирован Генеральным

прокурором СССР Г. Н. Сафоновым, утвержден руководством объединенных органов МВД Берией, Кобуловым и подписан Волдзимерским. Известно, что эта группа в полном составе через два месяца была отстранена от руководства правоохрнительными органами, а трое последних в том же 1953 году за нарушение соцзаконности расстреляны.

Нам думается, что уже этого было достаточно для того, чтобы усомниться в обоснованности возбуждения уголовного дела против В.И. Сталина и объективности следствия...

Теперь о самом обвинении В. Сталина. Он признан виновным в совершении контрреволюционного преступления по ст. 58-10 УК РСФСР – антисоветская агитация и пропаганда. Это выразилось в том, что он 9 марта 1953 г. и позже плохо отзывался о некоторых руководителях партии и государства, говорил о неудовлетворительной организации похорон отца. Где же всё-таки здесь контрреволюция?

Вот уже десять лет существует новый закон, по которому эти действия не являются преступными, и такие уголовные дела подлежат прекращению за отсутствием состава преступления, а лица, в свое время признанные виновными в их совершении, – безоговорочной реабилитации.

Об обвинении В.И. Сталина по ст. 193-17, пункт «б». Все мы служили в те годы вместе с ним и можем твердо сказать, что категорически не согласны с тем, что служба В. Сталина, а значит, и наша в те годы признана судом преступно халатной. Это неправда. С 1948 по 1953 год были созданы авиагарнизоны в Кубинке, Подольске, Калинин, Брянске, Рязани, Туле и других городах. За годы службы В. Сталина на посту командующего ВВС МВО мы три года подряд занимали первое место в ВВС страны, налёт часов лётчиками доходил до 2–3 норм. Два раза в году нас проверяли комиссии главкома ВВС, командующего войсками округа и минобороны СССР с хорошими и отличными результатами, и нам так и оставляли первое место по Министерству обороны СССР. В тот период впервые была освоена реактивная техника и вертолёты, мы успешно три раза в год выполняли важные правительственные задания – проведение воздушных парадов. В 1950 году была направлена в Корею 324-я истребительная авиадивизия ВВС МВО, которая выполняла поставленную задачу в реальных боевых условиях, уничтожив там 203 самолета противника, за что шесть наших лётчиков были удостоены звания Героя Советского Союза. Дивизию для выполнения этой задачи готовил лично В. И. Сталин. Мы помним, что, когда арестовали В. Сталина, в ВВС округа работала комиссия МО СССР, но она никаких существенных недостатков не вскрыла. Вместе с тем с нами никто не беседовал, нас не допрашивали и в суд не вызывали. Нам непонятно, на чьих показаниях основано обвинение В. Сталина. В. Сталин обвинён в строительных нарушениях, в создании спортивных команд, неправильном распределении квартир, в нарушениях в премировании спортсменов, в присвоении им офицерских званий.

Режут слух безграмотные выражения, записанные в приговоре. В. Сталин был командующим, а не строителем. Во всяком случае, В. Сталин, пожалуй, единственный командир в истории нашей армии, осужденный за строительные излишества, в которых не установлено корыстных целей.

По приговору Василий Сталин обвинён в ряде нарушений, с которыми можно и согласиться: для обучения своих детей он привлекал учителей-репетиторов, которым эта работа лично не оплачивалась, ему бесплатно привезли саженцы из Мичуринска,

~~204~~ ПОЛОЖНИКИ СВОЕГО РОДСТВА

на даче содержались животные и птица, которым адъютанты возили корм за счет государства. Что же, это, конечно, не красит командующего! Но по большому счёту восемь лет лишения свободы за эти малозначительные деяния для боевого генерала, честно защищавшего Родину в тяжкую минуту,— это чрезмерно суровая, а значит, и незаконная мера.

Уважаемый Юрий Георгиевич! Ветераны Военно-Воздушных сил убедительно просят Вас учесть наше мнение в отношении В. Сталина и решить вопрос о восстановлении его доброго имени».

Василий Иосифович Сталин, конечно, был реабилитирован, возвращено ему и воинское звание, и боевые ордена. Но какова цена этому восстановлению?!

3. Константин Кузаков — сын Сталина

Жизнь учит, что любая тайна со временем становится явью.

Кто при жизни Сталина хотя бы по слухам знал, что у нашего вождя, кроме Якова и Василия, есть еще один, так называемый внебрачный, сын? А вот хрущёвское «развенчание личности Сталина» в конце концов открыло и эту истину — хотя и поздно, но это лучше, чем никогда. Правда, в Москве из Кремля пускались слухи подобного рода. Но кто он, откуда, этот сталинский сын?..

Только недавно в одном из номеров популярной газеты «Аргументы и факты» появилась беседа под названием «Кузаков — сын Сталина» некоего Константина Кузакова с корреспондентом этой газеты, в которой положен конец всем слухам о сыне Сталина. Кузаков отвечал на вопрос о своей родословной и на склоне своих лет признался, что он действительно сын Сталина. Конечно же, люди с интересом отнеслись к такому заявлению: и надо же суметь прожить всё время рядом с отцом и не назваться его сыном?

Наверное, то была нелёгкая для человека ноша...

Константин Степанович Кузаков рассказывал: «Я был ещё совсем маленьким... У нас в Сольвычегодске, на пустыре неподалеку от нашего дома, ссыльные устроили футбольную площадку, и я часто бегал туда смотреть игру. На краю поля подбирал мяч и бросал игрокам. Тогда, конечно, я ещё не понимал, почему меня мои сверстники называли «кацо-грузином». У меня были чёрные-пречёрные волосы и лицо, как теперь говорят, кавказской национальности. Ссыльные тоже на меня с любопытством поглядывали, и один из них как-то спросил, как меня зовут.

— Костей,— ответил я.

— Так это ты и есть сын Иосифа Джугашвили? Похож, похож...

У меня в душе зародилось что-то такое, что наконец заставило меня спросить о том, что говорят обо мне на улице.

Мать моя была женщиной разумной, доброй и гордой, она, помню, ответила мне так:

— Ты мой сын! Об остальном, прошу, ни с кем никогда не говори, не слушай и не спрашивай!..

В многодетной семье Кузаковых любили черноволосого братишку, никто никогда не надоедал лишними разговорами, а мать негласно следила, чтобы в семье сохранялось такое настроение, при котором бы мальчик жил и рос спокойно.

...Название селения Сольвычегодск на северо-востоке глухих российских дебрей

(Ухто-Печерский край) происходит от названия речки Вычегда, на берегу которой оно выстроилось. Царской жандармерии этот отдалённый, глухой уголок приглянулся как место ссылки политических осуждённых. Расчёт был наглядный: непроходимые таёжные леса, болота – природные препятствия для побегов заключённых. Притом они расселялись по дворам местных сольвычегодцев как бы помощниками по хозяйству с условием их кормления, что уменьшало государственные расходы на содержание ссыльных.

Наблюдалась и нередкие побег ссыльных, но, как правило, они выбивались из сил в тайге и изголодавшиеся возвращались в Сольвычегодск.

Две попытки побега были и у Иосифа Джугашвили. Первый раз его поймали и возвратили, а второй раз сам возвратился: когда переплывал реку - обледенел, простудился. Мотрона (Мария) Кузакова рассказывала своему сыну Косте: «От нас только ушёл по освобождению квартирант, Давидом его звали. Заходит какой-то грузин, по виду возвращенец из побега. Спрашивает: «У вас жил Давид?» Отвечаю: «Жил». «Давид порекомендовал мне поселиться у вас». Кузаковы приняли нового поселенца.

Иосиф Джугашвили исполнял все хозяйские дела за харч: заготовлял корма для скота, дрова на зиму и всё другое, что поручали хозяева. Хозяин Степан Михайлович Кузаков тяжело болел и вскоре скончался. Хозяйка овдовела, Иосиф тоже был вдовцом, оба были молоды, возрастом около 30. И ссыльный Джугашвили полностью заменил хозяина не только по хозяйству... Вскоре у них родился сын, которого мать назвала так, как хотел Степан Кузаков – Константином.

Рождение детей тогда регистрировала церковь. Сольвычегодский святой отец оказался понимающим попом, потому что сам был грешен в подобных житейских делах: сделал в церковной книге такую запись, как просила Мария Прокофьевна Кузакова: мать – она, отец – Степан Михайлович Кузаков, который уже два года как отдал Богу душу. «А святой Бог прощает такие житейские грехи, – объяснял поп, – он же понимает, что мне, как его наместнику, запрещено регистрировать новорождённых на имя ссыльных революционеров».

На том и порешили в глухом Сольвычегодске: Константин пошёл в жизнь с фамилией Кузаков и по отчеству Степанович...

Когда Джугашвили стал Сталиным, Мария Прокофьевна всё-таки сказала однажды сыну, что «товарищ Сталин» когда-то квартировал у них в Сольвычегодске. Но судьба Константина Кузакова складывалась вне зависимости от его настоящего отца, он мог быть только свидетелем, наблюдателем того, как их бывший сольвычегодский квартирант в сознании людей возносился до божеского положения, становился «царем» России. А встречаясь иногда с глазу на глаз, они делали вид, что не имеют друг к другу никакого отношения.

Во время состязания молодежных футбольных команд Сольвычегодск–Устюг комсомольский районный вожак Василий Слепухин спросил у Константина Кузакова, в какой институт он хочет поступать после десятилетки.

– Хотелось бы изучать политэкономия, – ответил Костя.

– Тогда давай я тебе организую комсомольскую путевку в Ленинградский финансово-экономический институт. Хороший вуз, я тоже там учусь.

Константин успешно выдержал экзамены, был зачислен в институт. И тут Вася Слепухин сболтнул:

– Ну, узнал бы товарищ Сталин – каким довольным был бы этот твой загадочный

ЗАБЛОЖНИКИ СВОЕГО РОДСТВА

отец...

Костя прямо растерялся, оглянулся, не слышал ли кто, сказал:

– Прошу тебя, Вася, как друга, не проболтайся дальше, а то за эту чепуху поплатимся и ты, и я... Пускай в Сольвычегодске болтали, но Ленинград – рядом с Москвой, могут такую брехню донести товарищу Сталину...

Институт К. С. Кузаков закончил с отличием и был оставлен в нём преподавателем, со временем включён в лекторскую группу обкома ВКП (б).

К содержательным лекциям, докладам Кузакова прислушивался секретарь горкома и обкома партии А.А. Жданов, который и предложил Кузакову перейти на штатную работу в отдел пропаганды и агитации обкома. Но тут выяснилось, что Константин Степанович беспартийный. Почему? Жданов принялся сам рекомендовать его для вступления в кандидаты, а потом и члены ВКП (б). При заполнении анкеты Кузаков в графе «отец» писал прочерк. Человеком он был честным и не мог скрывать того, что настораживало его всю сознательную жизнь – слишком подозрительная разница в сроках смерти Степана Михайловича Кузакова и годом его рождения. Задумался над этим вопросом и Жданов. Но тому, надо полагать, по соответствующей линии было доступно проверить, выяснить такой интересный случай родословной сольвычегодского Кузакова, область-то соседняя. Неизвестно, что выяснил Жданов, но по дальнейшему отношению партийного лидера к личности Кузакова можно судить, что он, наверное, узнал о его происхождении, а значит, и о том, что в семье Кузаковых квартировал ссыльный Сталин. К.С. Кузаков был принят в члены ВКП (б), переведён в штат обкомовских работников, а когда А.А. Жданова перевели в Москву и избрали секретарем ЦК ВКП (б), он перевёл туда и К.С. Кузакова. Сначала Константин Степанович был инструктором отдела, а затем и заведующим; продолжал читать лекции, доклады по изучению «Краткого курса истории ВКП (б)», который с 1939 года в массовом порядке изучался в стране.

К.С. Кузаков вспоминал: «Думаю, для Жданова не было секретом моё происхождение. Но я всегда ухитрялся уходить от ответа, когда меня спрашивали об этом. Полагаю, что моё продвижение по службе в ЦК больше связано с моими способностями и желанием добросовестно работать, что было видно всем окружающим меня. Хотя и не могу отрицать того, что, приближая меня к себе, Жданов хотел сам стать ближе к Сталину.

Очень хорошо относился ко мне помощник Сталина Поскребышев, он же иногда передавал мне и личные поручения Сталина написать бумагу или подредактировать что-либо. Одно время я почувствовал, что передо мной как-то даже заискивает Маленков. Он попытался устроить мне личный приём у Сталина, но из-за меня приём не получился. Мы всю ночь работали в ЦК на Старой площади, и, вернувшись домой, я крепко уснул. Мне звонили и по кремлевской вертушке, по звонку которой я тотчас должен был явиться к Сталину, но я спал, и никто не мог меня разбудить. Проснулся, позвонил к себе в отдел, а там переполох: звонил сам Маленков, а ты не отвечал! Мне сказали, чтобы я сейчас же звонил Поскребышеву. А тот мне с выговором: «Слушай, мы тебя всем миром искали, а ты где-то пропал. Сталин хотел тебя лично видеть. Ты что себе позволяешь! Со Сталиным шутки плохие...» Дело так и заглохло, а позже Поскребышев мне шепнул: «Только тебе Сталин простил такое, и я знаю почему...»

Вызова к Сталину К. С. Кузакова больше не последовало.

Были случаи, когда Кузаков при исполнении своих обязанностей сидел совсем рядом со Сталиным и огромной внутренней силой, с трудом сдерживал себя, чтобы не открыться. Но всё заканчивалось внутренними переживаниями, как будто он украл имя известного теперь всему миру человека.

Константин Степанович рассказывал корреспондентам: «На одном из заседаний Оргбюро ЦК я сидел рядом со Сталиным и видел как он быстро-быстро записывал выступления, прочитывал их и тут же рвал на мелкие-мелкие кусочки и выбрасывал в корзину, чтобы их никто уже не мог прочитать. Это оттого, что Сталин, по моим наблюдениям, был скрытным, замкнутым человеком, скрытным от своих работников, от себя лично. А однажды один прибалт сдал мне для корректировки тезисы своего выступления на ЦК с критикой некоторых членов ЦК. Я подошел к Жданову:

– Что делать? Оставить или вычеркнуть?

Андрей Александрович, подумав, ответил:

– Пойдем к Молотову, посоветуемся...

Зашли. Только начали разговор, как ощущаю на себе пристальный взгляд. Поворачиваюсь и встречаюсь глазами со Сталиным, который зашёл из боковой двери так тихо и незаметно, что мы сразу и не увидели его. Молотов с нашей бумагой в руках (тезисы того прибалта) как-то виновато: «Тут вот, товарищ Сталин, надо коё о чём посоветоваться». А Сталину, чувствую, хочется что-то сказать или спросить у меня. Не скрою, на этот раз хотелось и мне просто как-то рвануться к нему, объяснить, но тут зычный звонок, а по радиорупору громкое приглашение: «Товарищи делегаты, просьба занять места». Сталин, не отрывая взгляда от меня, вошёл в зал.

Послышались овации: «Ура! Товарищ Сталин!..»

Происходило то, о чём говорила писательница Лариса Васильева, биограф кремлевских жильцов: «Сталин, несомненно, знал, что рядом с ним работает его сольвычегодский сын, но он также знал свою кремлевскую камарилью, потому из своего внебрачного сына не хотел делать очередного объекта склок и интриг... Можно догадаться, что определёнными рубцами на его сердце отразились судьбы Якова и Василия, так зачем же подставлять под такую же судьбу и этого внебрачного сына? Пусть он до конца дней своих остается Кузаковым со всеми своими терпением, тайнами, переживаниями... Ведь были же сигналы, что Л. Берия подбирался в ЦК и до Кузакова».

«Внимательные» органы Берии узрели, что в своих докладах и лекциях пропагандистские работники ЦК, конкретно отдел К.С. Кузакова, выдали за границе секрет, что у нас есть атомная бомба. Был уже арестован заместитель Кузакова, и Берия представил на утверждение Политбюро список сотрудников, подлежащих аресту.

В.М. Молотов рассказывал писателю-исследователю Ф. Чуеву, что такой список поимённо рассматривался на заседании Политбюро. Сталин внимательно вчитывался в каждую фамилию. На фамилии «Кузаков» остановился, ткнул в неё пальцем, подозвал Берию и сказал:

– Пока я жив и после – этого человека не трогать. Понял? – и вычеркнул синим карандашом, продолжив: – Ну и хищник же ты, Лаврентий. Какими шпионами могут быть лекторы ЦК?!. Что они могут знать о нашей атомной бомбе, кроме того, что все люди читают в газетах?..

На том и была прикрыта очередная бериевская затея «раскрытия шпионского звена»...

И вот март 1953 года. Умер И. В. Сталин. Страна в трауре. Кто-то из приближённых Сталина – Маленков или Поскрёбышев – вручили Константину Степановичу Кузакову «допуск» первых лиц к гробу покойного.

«Я стоял рядом с Василием Сталиным у изголовья умершего отца, – рассказывал К.С. Кузаков корреспондентам, – всматривался в лицо человека, которого при жизни не посмел назвать отцом, и думал: и какой же сложный и запутанный путь от ссыльного сольвычегодского Джугашвили до великого Сталина?! Тугой комок спазма застрял в горле: всего себя отдал этот человек государству, совершенно ничего не оставив ни для себя, ни для своей семьи и детей...»

Н.С. Хрущёв не посчитался с просьбами и предупреждениями И.В. Сталина в отношении Кузакова. И он был удалён из ЦК. Работал главным редактором, директором «Политиздата», затем возглавлял Всесоюзное телевидение. Скончался пенсионером союзного значения в 90-летнем возрасте.

4. Летчик старший лейтенант Леонид Хрущёв

Историки-исследователи долго недоумевали: отчего Никита Сергеевич Хрущёв – первейший сталинист при жизни И. В. Сталина, который, как говорят, за уши вытянул донбасского слесаря Никиту до верхов ВКП (б) и государственной власти, вдруг после смерти Сталина так гневно обрушился на личность Сталина?..

Оказывается вопрос совсем не риторический. Никита Сергеевич с войны тяготился судьбою своего сына летчика Леонида Хрущева, судимого и расстрелянного по велению Сталина, чего, как сказал Никита Сергеевич, «я не прощу ему и после смерти»...

В какой-то мере общественности на Украине было известно, что у Никиты Сергеевича Хрущёва есть дочь Рада и сын Сергей. Рада Никитична уточняет: «У мамы с папой было трое общих детей: я, Серёжа и Леночка. У отца – двое от первой жены: Юлия и Леонид. Леонид жил в Киеве, работал в школе пилотов. Во время войны участвовал в массированных налётах на Германию. Налёты были без сопровождения, и он получил ранения. Лечился в госпитале в Куйбышеве, где мы тогда жили всей семьей, как туда эвакуированные. Леонид долго лежал в госпитале в одной палате с Рубеном Ибарурри. Они сдружились. Брат долго выздоравливал. В госпитале иногда пили и однажды брат в пьяном состоянии застрелил человека, после чего попал под трибунал. Его послали на передовую».

Здесь у Рады звучит общее представление о брате Леониде, потому и не точное.

Читаем книгу «Москва, Кремль», написанную начальником охраны Л.И. Брежнева генералом Докучаевым: «После Сталинградской битвы, примерно в начале марта 1943 года, Сталину позвонил Хрущёв – член Военного совета Юго-Западного фронта. Была горячая пора, но Хрущёв просил Сталина срочно принять его лично. Сталин понял, что Хрущёв обращается к нему насчет сына, о котором ему накануне доложили, что он, военный лётчик, в состоянии опьянения застрелил майора Советской Армии. У Сталина была хорошая память, и он не забыл, что до войны уже спасал этого сына Никиты, тоже замешанного в какой-то стрельбе по людям, и тоже – в пьяном состоянии. Точно помнил Сталин, что в начале 1941 года (а значит, до войны) Хрущёв-

отец уже обращался с просьбой о помиловании Хрущёва-сына. Тогда Леонид Хрущёв избежал не только судебного разбирательства, но и вообще суда: началась война, и он был послан на фронт штрафником. Сталин предполагал, что и на этот раз Никита Сергеевич пустит слезу, будет просить о снисхождении. Сталин, конечно, понимал Хрущёва как отца, но элементарная совесть, не говоря уже о партийной, государственной, должна все-таки быть и у государственных чинов! Наконец, гражданская совесть не позволяла Сталину пользоваться своим положением в угоду убийцы.

– У застреленного майора ведь тоже есть родители, родственники, которым он дорог не меньше, чем тебе твой сын, – напрямик говорил Сталин Хрущёву. Хотя генерал М. Докучаев и не мог быть очевидцем, но он откуда-то знал, что Хрущёв и на этот раз чуть ли не на коленях ползал перед Сталиным, умолял, просил помочь, чтобы хотя бы не так сурово судили сына, напоминал Сталину, что и его сын Яков тоже в немецком плену...

В.М. Молотов говорил, что «Хрущёв в душе был противником Сталина. Озлобление было за то, что Сталин не захотел спасти его сына от расстрела».

А вот версия, прозвучавшая из уст сына Берии Серго Лаврентьевича: «Как это, к сожалению, нередко бывает в среде «золотой молодежи» – детей высокопоставленных чиновников, сын Хрущёва оказался в сомнительной компании. Выяснилось, что то были преступники, промышлявшие грабежами и убийствами. Когда Серову (глава КГБ в Украине) доложили о случившемся, он тут же позвонил отцу: как быть? как поступать?..

– Сообщи обо всем Хрущёву, – распорядился отец. – Посмотрим, как он будет реагировать. Это вопиющее нарушение закона, и вытаскивать пусть даже сына первого секретаря ЦК из этого дела, сам понимаешь, нельзя, но как-то смягчить его участь – можно.

Реакция Хрущёва просто поразила Серова:

– Закрой это дело!

– Как же так можно, Никита Сергеевич, – возразил Серов. – Дело уже получило огласку! Совершенно тяжелейшее преступление, о котором уже знают тысячи людей. Вывести вашего сына из этого дела просто невозможно.

И хотя Хрущёв продолжал настаивать на своём, следствие было доведено до конца. Состоялся суд. Большинство участников преступной группы, а откровенно говоря, грабителей, убийц, приговорены к высшей мере наказания – расстрелу. Сын Никиты Сергеевича получил девять лет лишения свободы. А тут и война. Было утверждено положение, что судимость можно заменять отправкой на фронт, непосредственно в бой.

Учреждены были штрафные роты, батальоны, а в авиации – подразделения лётчиков-штрафников, куда и был направлен Леонид Хрущёв. Потом Леонид мужественно сражался в обыкновенной авиационной части и погиб в бою».

Итак, перед нами три версии:

Рада Хрущева: «Брат воевал, участвовал в массированных налётах на Германию, был ранен, долго лечился в госпитале, где пьянствовал, по пьянке застрелил человека, его послали на передовую, где он и погиб...»

Серго Берия: «Ещё до войны Леонид Хрущёв попал в дурную компанию, был замешан в преступлении, благодаря отцу отделался девятью годами лишения

ЗАЛОЖНИКИ СВОЕГО РОДСТВА

свободы, но с начала войны попросился на фронт и там пал смертью храбрых...»

Генерал М. Докучаев: «...У Леонида дважды были опасные неприятности. Избежать наказания первый раз помог Сталин. Вторичное обращение Н. Хрущёва к Сталину о смягчении наказания было отвергнуто, и Леонид Хрущёв был расстрелян, чего Н.С. Хрущёв не простил Сталину...»

Ни одна из этих версий, как и последующие описания дела сына Хрущёва П. Судоплатовым (кэзэбист, потом дипломат), А. Поскрёбышевым, главным маршалом авиации А. Головановым, не имеют точности, хотя, как говорится, дыма без огня не бывает. Что-то похожее на правду было опубликовано и в газете «Совершенно секретно» (№3 за 2000 год) под заголовком «Пропавший без вести». Автор этой публикации, заслуженный юрист России, полковник юстиции в отставке Андрей Сухомлинов, берёт под сомнение всё, что было известно о сыне Н.С. Хрущёва летчике Леониде Хрущёве, отрицает всё и всех, снимает с сына Хрущёва все предъявленные ему обвинения. Но это, безоговорочно, мнение одного юриста, и образ военного лётчика старшего лейтенанта Л.Н. Хрущёва остается в памяти бывших лётчиков-фронтовиков таким, каким мы знали его в годы войны, потому что всё происходило на наших глазах, на нашей памяти.

В 1941 году я был слушателем Энгельского авиационного училища, учился там летать на пикирующем бомбардировщике «Петляков-2» (Пе-2). Годом раньше это училище закончил сын Н.С. Хрущёва Леонид Хрущёв. Н.С. Хрущёв в то время был в стране известным партийным руководителем, которого советская власть вывела из простого донбасского слесаря в первые секретари ЦК КП (б) Украины, потому что о сыне его мы многое знали. Леонид сначала учился в ФЗУ (фабрично-заводское училище, продолжателями которых являются нынешние ПТУ), затем работал слесарем на одном из Московских заводов точной медицинской аппаратуры, оттуда по комсомольской путёвке пошёл в авиацию. В 1933 году Л. Хрущёв закончил Балашовскую школу пилотов Аэрофлота. Лётное дело Леониду пришлось по душе. После Балашовской школы его направили в Ульяновскую школу командного лётного состава гражданской авиации, которую он закончил с отличием и получил назначение лётчиком-инструктором Центральных авиационных курсов гражданского воздушного флота в Москве.

К этому времени Никиту Сергеевича Хрущёва переместили с Украины первым секретарем Московского обкома ВКП (б). А когда Никита Сергеевич стал членом Политбюро ЦК ВКП (б) и участвовал в разработке директив по обороноспособности страны, он обратил внимание, что тов. Сталин особенно интересуется ростом Военно-Воздушных сил страны, с величайшим уважением относится к военным лётчикам. Поэтому Никите Хрущёву захотелось, чтобы его сын Леонид непременно был военным, а не гражданским лётчиком. В феврале 1939 года Леонид Хрущёв подаёт рапорт о добровольном зачислении в ВВС Красной Армии, а отец тут же определяет его на командный факультет Военно-воздушной академии имени Н.Е. Жуковского. И тут военные кадровики обнаруживают, что Л.Н. Хрущёв не имеет даже начального военного образования, что противоречит государственному положению об учёбе в академии. Посоветовали пройти курсы слушателем Энгельского авиационного училища.

В училищной автобиографии Л. Хрущёв писал: «Родился в Донбассе, г. Сталино. Отец: до революции работал слесарем на шахте, затем на заводе Боса, в настоящее

время – секретарь Московского обкома партии, член Политбюро ЦК ВКП (б). Женат. Жена: работает лётчиком-инструктором, штурманом Московского аэроклуба. Образование получил в семилетке, ФЗУ, на подготовительных курсах в Военно-воздушную академию. В РККА с февраля 1939 г.»

Имея достаточный налёт на самолётах ГВФ, Леонид легко и успешно освоил лётную программу на самолётах Р-5, СБ, Ар-2. Его выпускная аттестация из Энгельского авиационного училища была следующей: «Общее развитие хорошее, политически грамотен, идеологически выдержан. Теорию программы училища освоил на отлично, материальную часть авиационной техники знает хорошо и грамотно эксплуатирует её. Лётную программу усвоил легко, летает хорошо и уверенно. Вывод: целесообразно использовать в бомбардировочной авиации. Достоин присвоения звания лейтенанта РККА». Характеристику подписал лётчик-инструктор Щербаков. Конечно, Михаил Щербаков писал стандартные тексты аттестаций. При службе в ВВС СибВО (Новосибирск) мне приходилось встречаться с ним, обучившим для фронта сотни лётчиков, из которых четыре стали Героями Советского Союза. Этот опытный авиационный педагог признавался:

– Как же, помню Леонида Хрущёва. Лихой был парень, пришлось не спускать с него глаз, а вообще-то нелёгким было делом обучать отпрысков больших начальников. Капризные были парни, чуть прижмёшь – сразу напоминает, чей он сын...

После окончания Энгельского авиаучилища лейтенант Л. Хрущёв был направлен младшим лётчиком в 134-й ближнебомбардировочный авиаполк (ББАН) 4-й бомбардировочной авиадивизии (БАД) Западного фронта. Ознакомившись с лётными книжками лейтенанта Хрущёва, командир дивизии полковник Писаревский и командир авиаполка майор Ткачёв были довольны новым лётчиком: общий налёт у Хрущёва был такой, какого не было ни у одного лётчика дивизии, конечно, с итогами налёта ещё в гражданской авиации. Л.Н. Хрущёв уверенно приступил к боевым вылетам на скоростном бомбардировщике СБ. Вскоре в его личном деле появляется первая боевая характеристика: «С 1-го по 28-е июля 41-го года лейтенант Л. Хрущёв выполнил 27 боевых вылетов. Летал заместителем командира ведущего группы. Метким попаданием бомб эта группа разбомбила сосредоточение вражеских войск в районе Великих Лук. 6 июля экипаж лейтенанта Хрущёва разбомбил две переправы противника через реку Десна. На обратном пути самолёт СБ Хрущёва был атакован группой истребителей немцев, получил 20 пробоин, но лётчик мастерски довёл его до своего аэродрома. За проявленное за этот период мужество лейтенант Л.Н. Хрущёв представляется к награждению орденом Красного Знамени. Командир 134-го скоростного бомбардировочного полка майор Ткачёв. Военный комиссар 134-го СБП старший политрук Куликов».

Выписка из донесения комиссара 46-й БАД командованию 22-й армии 012/с от 16 июня 1941 года:

«.....
По 134-му авиационному полку:

.....
4. Командир экипажа СБ лейтенант Хрущёв Леонид Никитич, член ВЛКСМ, имеет 27 боевых вылетов. Все боевые вылеты выполнены отлично; мужественный, бесстрашный лётчик. В воздушном бою 6 июля храбро вступил в бой с немецкими истребителями. Из боя вышел с изрешеченной машиной, но израненный самолёт

ЗАЛОЖНИКИ СВОЕГО РОДСТВА

довел на базу и благополучно посадил на своем аэродроме. Ходатайствую о награждении лейтенанта Хрущёва Л.Н. орденом Красного Знамени. Командир 46-й бомбардировочной авиадивизии полковник Писаревский».

В.А. Фомин, обслуживающий СБ Хрущёва, вспоминал, что Леонид Хрущёв считался одним из лучших лётчиков полка. Виктор Андреевич помнит и день 26-го июля, когда на боевое задание вылетала сборная группа экипажей из трёх эскадрилий полка и с боевого задания не вернулось 8 самолётов СБ. Не возвратился и самолёт Леонида Хрущёва. Свой подбитый СБ заместитель ведущего группы дотянул до запасного аэродрома у посёлка Андреаполь под Калинином. Штурман экипажа Елинов был убит ещё в воздухе, а лётчик Хрущёв около часа висел на ремнях в деформированной кабине скапотировавшего самолёта, пока воздушный стрелок-радист не вылез из своей кабины через блистер и не вытащил Леонида из его кабины. Лётчика Хрущёва с переломанной ногой отправили в госпиталь.

В журнале боевых действий 134-го СБП сохранилась такая запись: «26.7.41 г. сводная полковая группа – одно звено 1-й эскадрильи и по одному звену из 2-й и 3-й эскадрилий – вылетела бомбить аэродром противника в районе станции Изоча (3 км северо-западнее нас. пункта Чернухи). Ввиду того, что на аэродроме Изоча самолетов противника к подходу наших СБ не оказалось, командир группы приказал сбросить по объектам аэродрома бомбы только одному звену, а остальные он повёл на запасную цель – живую силу и артиллерию противника у населённого пункта Хикало. И в районе Изоча, и у Хикало была мощная противовоздушная защита, цели прикрывали группы немецких истребителей. Огня над целями было больше чем достаточно. Вражеские истребители осуществляли мощные групповые атаки по нашим СБ, на три наших бомбардировщика нападали по 8 «Ме-109». В результате мы потеряли 4 экипажа.

Леонид Хрущёв сумел посадить поврежденный СБ в поле, но при вынужденной посадке самолёт скапотировал, при этом Хрущёв сломал себе ногу и его отправили в госпиталь. Лейтенант Л. Хрущёв был представлен к награждению орденом Красного Знамени. Но по неизвестным причинам награды он не получил, наградные материалы затерялись в штабе 22-й армии, в интересах которой работали наши бомбардировщики». Поэтому командир 46-й БАД вынужден был повторить запрос о награждении лётчика Л.Н. Хрущёва:

«Командующему ВВС Западного фронта.

Прошу представить к награждению ниже поименованный лётный состав, на который были представлены материалы еще 14–17 июля 1941 года, но до сих пор не награждённый, так как материалы пошли через 22-ю наземную армию. В списке значились: ...лейтенант Л.Н. Хрущёв, имеет 27 боевых вылетов на июль 41-го года. Представлялся к ордену Красного Знамени...»

Считалось и считается до сих пор, что совершить 27 боевых вылетов на устаревшем СБ за месяц-полтора начального военного 1941 года уже было подвигом. Не помню, официальными установками или по инициативе командиров, но за 50 успешно выполненных боевых вылетов на СБ, Р-5 и Су-2 в то время лётчики (экипажи) представлялись к званию Героя Советского Союза. В боевой характеристике Леонида Хрущёва командиры указывали: «С первого дня нахождения на фронте рвался в бой, за день совершал по 3-4 боевых вылета и никогда не жаловался на усталость. В совершенстве пилотирует самолёты СБ, Ар-2. В полётах спокоен и расчётлив.

В авиационный полк прибыл на Западный фронт в самые критические дни боевых действий, когда на боевые задания приходилось летать почти или совсем без истребительного прикрытия». С такой характеристикой сопровождался Леонид на излечение в госпиталь с припиской: «После излечения просим направить обратно в 46-ю бомбардировочную авиадивизию, 134-й скоростной бомбардировочный авиационный полк».

Орденом Красного Знамени лейтенанта Л.Н. Хрущёва наградил своим приказом командующий Западным фронтом генерал армии Г.К. Жуков. Орден Хрущёву вручили прямо в госпитале, но врачи списали его с лётной работы временно, до полного восстановления поврежденной ноги. Леонид Хрущёв не согласился с решением госпитальных врачей, поехал в Москву, где, по-видимому не без влияния отца, добился возвращения в авиацию и даже в истребительную, а не в бомбардировочную, дескать, самолётом-истребителем полегче управлять... Лейтенант Хрущёв был направлен в 3-й УТАП (учебно-тренировочный авиационный полк) с предписанием переучиться летать на самолёте типа Як-7б. Надо признать, что такой переход из бомбардировочной авиации в истребительную – явление редкое, потому что это примерно означало, как с трактора пересесть на легковую автомашину. Бомбардировщики и истребители хотя и лётчики по профессии, но у них совершенно разные реакция, навыки, темперамент, выработанные годами при пилотировании летательных аппаратов. Так что добровольный переход Л. Хрущёва из бомбардировщиков в истребители (в практике чаще всего бывало наоборот: из истребителей – в бомбардировщики) сам по себе тоже являлся личной смелостью, мужеством этого лётчика.

На удивление инструкторского состава УТАПа, Хрущёв весьма успешно освоил пилотирование самого современного по тому времени истребителя «Яковлев-7б» (Як-7б). Так что недооценивать лётные качества и способности Леонида Хрущёва не приходится. Там же, в учебно-тренировочном авиационном полку, Л. Хрущёву присвоено звание старшего лейтенанта как фронтовику.

Послегоспитальный отпуск Леонид проводил в семье отца в Куйбышеве, куда та была эвакуирована. Старший лейтенант, фронтовой лётчик-орденоносец – сын известного на всю страну Никиты Хрущёва – не на шутку разгулялся. По одной версии, Леонид в пьяном состоянии застрелил советского командира в госпитале, а по другой – тоже по пьяному делу – в куйбышевском ресторане, где якобы он поспорил, что попадёт в стакан на голове офицера, но попал тому в лоб.

Упомянувшийся выше юрист Сухомлинов взялся было уточнить, где и при каких обстоятельствах произошло убийство человека и сделал вывод: «Да, был случай, но кто в кого стрелял, никто не помнит...» Так или иначе, но не кто иной, как старший лейтенант Леонид Хрущёв из тюрьмы Куйбышева попал в 303-ю истребительную авиационную дивизию 1-й воздушной армии, где была собрана особая группа лётчиков-штрафников из всех ВВС. Бывший командир этой дивизии генерал-майор авиации Герой Советского Союза Георгий Нефёдович Захаров рассказывает: «Как же, помню лётчика-штрафника Хрущёва! Леня прибыл к нам почему-то в папахе, какую тогда только ввели для генералов и полковников. Определил я ухаля в 18-й истребительный полк, где была особая группа. Назначил для начала ведомым к лучшему лётчику дивизии Ивану Заморину, на счету которого к тому времени уже было 18 сбитых немецких самолётов. 18-м полком командовал тоже боевой

~~ЗА~~ЛОЖНИКИ СВОЕГО РОДСТВА

истребитель майор А.Е. Голубов. Голубов внимательно отнесся к новому лётчику с известной фамилией, но, главное, потому, что Леонид Хрущёв пришёл из бомбардировочной авиации, а бомбер — это степенность, неторопливость, раздумье, мы же, истребители,— это стремительность, мгновенная решительность. Будучи опытным летчиком, Голубов не спешил выпускать Хрущёва в схватку с немецкими истребителями. А Леонид неудержимо рвался в бой. Надо полагать, Леониду побыстрее хотелось снять с себя позор судимости.

18-й гвардейский истребительный авиаполк базировался на аэродроме Хотенки в 10-ти километрах от города Козельск. 11 марта 1943 года с этого аэродрома старший лейтенант Леонид Хрущёв сделал свой роковой боевой вылет. Этот вылет подробно изложен в докладной записке командира полка, которая до сих пор хранится в военных архивах (г. Подольск Московской области): «11 марта 43 г. группа из 9 Як-7б, ведущий капитан Мазуров, выполняла боевое задание. В районах пунктов Кожановка, Ашково, Ясенок, Дынное, Жеребовка группа Мазурова встретила и атаковала вражеские бомбардировщики. Наши «Яки», начиная с 2 000 метров были эшелонированы по 500 метров с превышением. Атаки производились при плохой видимости — до 2-х километров по горизонту. По команде Мазурова эшелонированные группы перешли на самостоятельные действия.

Через 3–5 минут появились истребители противника, о чём Мазуров предупредил по радио: «Будьте внимательны». Пользуясь дымкой, «мессершмитты» сразу атаковали наши разрозненные группы. И капитан Мазуров тут же подал команду всем по парам занять прежний боевой эскадрильный порядок и как положено перейти в контратаки. Пара старшего лейтенанта Заморина (ведущий) и старшего лейтенанта Хрущёва (ведомый) вступила в бой с подошедшими на помощь «мессершмиттам» «Фокке-Вульфами-190».

Бой поначалу происходил на высоте 2500 метров пара на пару — два «Яка», два «Фокке-Вульфа». «Фоккеры» вначале вроде бы начали отступать, оттягиваясь к населённому пункту Мужитенский, что в шести километрах от Жиздры. Гвардии старший лейтенант Заморин, лётчик с опытом, в первой же атаке сбил одного «ФВ-190», как он докладывал, с дистанции 50–70 метров. Во время атаки Заморин заметил, что в хвост «Яка» Хрущёва заходит для атаки «фоккер». Заморин подвернул и дал очередь по этому «фоккеру», тот отвалил от Хрущёва и начал падать вниз, а Заморин продолжал манёвр для занятия выгодного положения по своему первоначальному «ФВ-190». От пристального взгляда Заморина не ускользнуло и то, что «Як» Хрущёва почему-то тоже пошёл или, вернее, стал падать с переворота под углом 65–70 градусов вслед за сбитым Замориным «фоккером». А когда Заморин справился со своей атакой, он начал искать своего ведомого, но поблизости его не было видно.

Поиски Хрущёва оказались безрезультатными. По мнению гв. старшего лейтенанта Заморина (а он лётчик опытный), Хрущёв сбитым быть не мог, так как пулевые трассы «фоккера» проходили далеко от хвоста «Яка» Хрущёва. Заморин и все мы в полку считаем, что Хрущёв по неопытности просто сорвался в штопор и ушёл. А куда? На аэродром гв. старший лейтенант Л. Хрущёв не возвратился. Командир 18-го гв. ИАП гвардии майор Голубов. Нач. штаба 18-го гв. ИАП подполковник Вышинский».

Исчезновение Леонида Хрущёва вызвало немало переживаний в полку. В первой половине марта 43-го года Л.Н. Хрущёв в 18 ИАП выполнил 6 боевых вылетов с налётом 4 часа 26 минут, провёл 6 воздушных боёв с немецкими истребителями.

Между боевыми вылетами он провёл с опытными лётчиками полка 28 учебно-тренировочных боёв с налётом 13 часов 05 минут на «Як-7б». В результате тщательного анализа в авиаполку (гв. майор Голубов) и в авиационной дивизии (генерал-майор авиации Захаров) пришли к выводу, что, хотя у Л. Хрущёва и был большой налёт на самолётах У-2, Р-5, СБ, других гражданских самолётах, на истребителе «Як-7б» было недостаточно опыта. Заморин-то спас Хрущёва от огня атаковавшего его «фоккера», но он тут же сорвался в штопор и «Як» продолжал штопорить со взятой ручкой (штурвала) «на себя», а при этом «Як-7б» из штопора не выходит. Но самым непонятным стало то, что предполагаемое место падения «Яка» Хрущёва – нас. пункт Мужитенский – тщательно исследовано и с воздуха самолётом У-2, и опросом местных жителей, но ни упавшего самолёта, ни его обломков не обнаружено. Не видел никто и спускающегося парашютиста. Это, по-видимому, и навело названного выше юриста Сухомлинова на его личный вывод: а был ли вообще сбит самолёт Леонида Хрущёва? Однако факт есть факт: в полк старший лейтенант Хрущёв не возвратился. Целый месяц ждали его возвращения, но тщетно. Отцу Леонида 11 апреля 43-го года пошла депеша такого содержания:

«Члену Военного Совета Воронежского фронта генерал-лейтенанту Хрущёву Н.С.

Дорогой Никита Сергеевич! С глубоким прискорбием сообщаю Вам печальную весть. Ваш сын лётчик 18-го гвардейского истребительного авиационного полка гвардии старший лейтенант Леонид Никитович Хрущёв 11 марта 1943 года не возвратился с боевого задания.

Отважный сталинский сокол с самого начала Великой Отечественной войны храбро сражался с немецкими захватчиками. В 134-м бомбардировочном авиаполку он совершил 27 боевых вылетов, за что был награжден орденом Красного Знамени. В боях получил тяжёлое ранение и до 1-го марта 1942 года находился на излечении. После выздоровления гв. старший лейтенант Хрущёв настойчиво просился направить его в истребительную авиацию, переучился на истребителя. Леониду самому хотелось в воздушных схватках уничтожать врага. Ваш сын был способным лётчиком, хорошо подготовил себя к боям на истребителе. Ещё до войны он имел общий налёт на самолётах: У-2 – 600 часов, Р-5 – 300 часов, УТ-2 – 8 часов, СБ-2 – 50 часов, Ар-2 – 110 часов. Мною и начальником штаба воздушной армии Вашему сыну было предложено остаться в управлении воздушной армии старшим инспектором-лётчиком, но он категорически отказался, рвался в бой, в авиационный полк. 4 декабря 42 года он направлен в 18-й гвардейский ИАП. Лучший командир эскадрильи 18-го гв. ИАП проверил технику пилотирования Леонида на истребителе Як-7б, дал ему отличную оценку и допуск к боевой работе на этом типе истребителя. И всё же командование полка и дивизии продолжало давать тренировки Вашему сыну, потом под наблюдением лучшего истребителя дивизии гвардии старшего лейтенанта Заморина его начали постепенно вводить в бои в составе 6–9 истребителей, предоставляя ему постепенно инициативу. Вывозная тренировочная программа закончена – и Ваш сын вошёл полностью в боевой строй».

(Далее в этом письме подробно описан, в порядке вышеизложенной докладной командира 18-го гв. ИАП гв. майора Голубова, воздушный бой, из которого не возвратился Л. Хрущёв). И заканчивается письмо Н.С. Хрущёву так: «Организованные мною самые тщательные поиски с воздуха и через партизан пока не дали результатов. В течение месяца мы не теряли надежд на возвращение Вашего сына, но

ЗАБЛОЖНИКИ СВОЕГО РОДСТВА

обстоятельства и прошедший с того времени срок заставляют нас сделать вывод, что Ваш сын гвардии старший лейтенант Хрущёв Леонид Никитич пал смертью храбрых в воздушном бою с немецкими захватчиками. Первая воздушная армия потеряла молодого талантливого лётчика-истребителя, а Вы лишились сына. Сообщая Вам эту тяжёлую весть, прошу принять моё искреннее соболезнование. Командующий 1-й воздушной армией генерал-лейтенант авиации Худяков».

В свое время заместителем начальника отдела военной истории Минобороны СССР был кандидат исторических наук, тогда подполковник, А.Н. Колесник, автор ряда интересных исследований по запутанным моментам истории Отечественной войны. Александру Николаевичу доступно было изучить в кадровых архивах Минобороны «Личное дело старшего лейтенанта Л. Хрущёва». Результатом этого исследования была публикация А.Н. Колесника в «Военно-историческом журнале» № 11 за 1998-й год. Там он пишет, что «даже невооружённым глазом видно, что всё личное дело Леонида Хрущёва пересмотрено, выцарапано, исправлено. Нигде, ни в одной строке его анкеты уже не значится ни его судимости, ни пребывания на фронте штрафником, хотя многим оставшимся ещё в живых фронтовым авиаторам известны и судимости, и штрафные дела Л. Хрущёва». И далее Колесник пишет: «Добрые характеристики на лётчика Хрущёва и по 134-му бомбардировочному, и по 18-му гвардейскому истребительному полкам 46-й истребительной авиадивизии остались в основном нетронутыми, хотя и там в наградных представлениях к ордену Красного Знамени слово «посмертно» зачеркнуто». К сожалению, этот «смелый» исследователь Колесник не осмелился ещё при жизни обнародовать свое личное заключение:

«По-видимому, Никита Сергеевич, став первым лицом в государстве, никак не хотел, чтобы общественность знала правду о его сыне». Но ведь все эти грубые сокрытия породили ещё больше нелепостей в слухах о судьбе, в общем-то, обыкновенного военного лётчика. Истина-то всегда со временем всплывает наружу. Оставшиеся однополчане по 18-му гвардейскому истребительному полку на послевоенных встречах ни от кого не скрывали, что «старший лейтенант Хрущёв во время воздушного боя бросил своего ведущего командира, вышел из боя и где-то пропал...» Но где — остается только гадать...

Пока на нашей стороне пускались в кривотолки, немцы, хотя и с задержкой (видно, прислушивались к этим кривотолкам), высыпали на головы советских солдат, да и по тылам тоже, листовки такого содержания:

«На наших передовых фронтовых аэродромах приземлились два советских военных самолёта. На одном из них, истребителе «Як», к нам добровольно перелетел старший лейтенант Леонид Хрущёв — сын известного большевистского босса Никиты Хрущёва, а на другом, пассажирско-военном Р-5, тоже добровольно на нашу сторону перелетел советский генерал из главного разведуправления Генштаба Красной Армии Александр Самохин. И сын Хрущёва, и генерал Самохин поняли, что дальнейшая война с нашим вермахтом бесперспективна, поэтому предложили свои услуги воевать против большевиков на стороне фюрера Германии Адольфа Гитлера».

...По рассказам В. М. Молотова, Сталин пребывал в худом настроении, он никак не мог прийти в себя после поражения Юго-Западного фронта под Харьковом, в котором чувствовал и свою вину, а тут ещё немцы «играли» на нервах.

— Посмотри вот, что пишут в наш адрес гитлеровцы, — протянул Сталин Молотову препровождённую ему немецкую листовку о сыне Хрущёва и генерале Самохине. — А

я думал лучше об этом Самохине, — с раздражением говорил Сталин.

— Не будем торопиться с выводами, — попробовал успокоить Молотов, — Риббентроп с Геббельсом могут нагородить такого, чего мы и не ожидаем, и в этом мы уже не раз убеждались...

А тут в кабинет протиснулся Н. С. Хрущёв.

Сталин:

— Заходи, заходи, Микита, — так Сталин стал называть Никиту Сергеевича после возвращения того из Киева в Москву. — Заходи, Микита Сергеевич, — повторил Сталин. — Как говорится, на ловца и зверь бежит, — и тут Сталин снова обращается к Молотову, кивая недокуренной трубкой в сторону Хрущёва. — Посмотри на этого деятеля, Вячеслав, его за провал Харьковской операции надо самого сажать на скамью военного трибунала, а он, я предполагаю, наверняка примчался ко мне, чтобы я снова заступился за его сына...

Однако Никита Сергеевич и при Сталине мог быть нахрапистым:

— Да, буду просить, товарищ Сталин. Вы-то посылали специальные отряды на выручку своего Якова из фашистской неволи?... А в отношении сдачи немцам Харькова, то тут вы вините меня с Тимошенко, а оказывается, планы-то этого наступления передал немцам ваш Самохин...

И здесь Сталин совсем взорвался:

— Бросьте, Хрущёв, нечестными уловками увиливать от ответственности, Самохин Самохиным, а не кто иные, как вы с Тимошенко затеяли харьковскую наступательную операцию, вы её и провалили...

И в отношении наших с вами сыновей отвечу вам, Микита: мой Яков не предал Родину и не предаст, а твоего Леонида, конечно, мы найдём и в плену и будем судить за то, что покинул поле боя. Всё — вопрос исчерпан.

Мы, фронтовые военные лётчики, сталкивались часто со слухами о том, что сына Хрущёва, лётчика старшего лейтенанта Леонида Хрущёва всё-таки наши спецкоманды выкрали у немцев, якобы переправили к белорусским партизанам и там его по приказанию И. Сталина судили военно-полевым судом, приговорили к расстрелу как предателя. Так ли, нет — но в строю фронтовых лётчиков такие имя и фамилия — Леонид Хрущёв — больше не появились до конца войны. Был лётчик генерал Василий Сталин, были лётчики-истребители братья Микояны, а Хрущёва не было...

5. Лётчики братья Микояны

Это в настоящее, так называемое постсоветское, время сыновья высокопоставленных государственных чиновников (образовавшихся миллионеров тоже) посылаются на учебу за рубеж, а потом проталкиваются по служебной лестнице или по масштабному бизнесу, а в советское время дети «вождей» учились дома, с началом же войны с нацистской Германией, как и все, одели солдатские шинели и пошли защищать Родину.

Тут уж комментарии излишни. Может быть, повторюсь, но в Качинской военно-авиационной школе учились сыновья кремлевских правителей Сталина, Фрунзе, Булганина, Ярославского, Микояна. Правда, и в Каче начальство пыталось из этих отпрысков Кремля создать отдельную элитную учебно-курсантскую группу, но как только это дошло до И. Сталина, такие попытки были пресечены, а начальник школы

~~ЗАВ~~ОЖНИКИ СВОЕГО РОДСТВА

полковник Иванов – наказан. До начала войны Качинское авиационное училище закончил старший сын А.И. Микояна, тогдашнего заместителя председателя Совнаркома СССР. Степан Микоян уже служил в авиачастях ВВС, а его брат Алексей Микоян поступил в Качинскую авиашколу. Оба они – и Степан и Алексей – в боевой истребительной авиации достойно закончили Отечественную войну, стали генералами авиации.

По стопам братьев пошел и Владимир Микоян. Вместе с училищем Владимир из Крыма эвакуировался на берега Волги, в селение Красный Кут, отведённое для Качинского авиаучилища перед занятием немцами Крыма.

И сын Сталина, и сыновья остальных «кремлёвских чинов» наравне со всем народом переживали военные трудности, невзгоды, неудобства. Никому из них не делалось скидок на известные фамилии.

Там же, на Волге, в поселке Багай-Барановка находился запасной и 8-й учебно-тренировочный авиационный полк (УТАП), который контролировался и курировался Главной лётной инспекцией ВВС, во главе которой ещё пребывал полковник Василий Сталин. Главный инспектор часто прилетал на берега Волги. В училище Василий на учебно-тренировочном самолёте проверял по технике пилотирования 17-летнего курсанта Володю Микояна, а в 8-м УТАПе обучал боевому применению истребителя Як-1 младших лейтенантов Тимура Фрунзе и Ярославского. Василий, хотя и был постарше своих кремлевских друзей, но испытывал к ним дружеские чувства, встречался с ними, вместе вспоминали, как в Зубалово гоняли футбольный мяч в состязаниях с поселковыми мальчишками. Он также помнил, что по его примеру в авиацию потянулись и Тимур Фрунзе, и братья Микояны. Теперь им нужно помочь, чтобы они стали отличными истребителями, такими как Степан и Алексей Микояны, отражавшие в то время налёты фашистских бомбардировщиков на Москву. Василий знал, что братья Микояны – гордость их отца, Анастаса Ивановича Микояна.

На самом деле сидеть бы сыновьям этого советского «вождя» в московских-кремлёвских квартирах, гонять мяч в дачном поселке Зубалово – и кто их тогда видел бы с красноармейским котелком за курсантским супом, сдобренным несколькими кружочками масла. Прогуливались бы в московских театрах и парках, так нет же, коротают время в заволжских степях в ожидании, когда подвезут для учебных самолётов бензин...

Сюда, на берега Волги, Василий привёз Владимиру Микояну новость о подвиге его брата Степана, и это ещё больше зажгло желание Владимира побыстрее попасть на фронт и воевать, как брат Степан.

16 января Степан Микоян попал в госпиталь при совершенно нелепых обстоятельствах. Степан выполнял патрулирование в воздушных просторах Подмосковья. Один наш лётчик-истребитель перепутал силуэт советского «Яка» с немецким «мессершмиттом» – и, как учили, взял и прицельно шарахнул из всех огневых установок своего «Яка» по нашему же «Яку», пилотируемому капитаном Микояном. И, как бывает в таких случаях – «бей своих, чтобы чужие боялись», – попадание произошло сверхотличное. Самолёт Микояна загорелся. Но опытному летчику, несмотря на сильные ожоги лица и рук, удалось среди лесного массива рассмотреть просеку и посадить на неё «Як», который догорел уже после посадки. Прибыв на место падения самолёта, специалисты удивились: ни теоретически, ни практически там посадка самолёта вообще была невозможна.

К месту падения раньше подросли сельские мальчишки, они из веток соорудили своеобразные салазки и вывезли израненного и обгоревшего капитана Микояна.

В госпиталь приезжал отец. Наклонившись над сыном, Анастас Иванович вздохнул:

– И зачем всё это, Степа?

И Степан ответил:

– Всем сейчас трудно и опасно. Так неужели нам должна быть скидка всего лишь за то, что мы Микояны?..

Степан Анастасович не делал себе никаких скидок, после излечения в госпитале отправился под Сталинград и продолжал драться с фашистами командиром эскадрильи в знаменитом 434 (32-м гвардейском) истребительном авиаполку гвардии майора Клещева, а потом Василия Сталина.

Владимир Микоян закончил Качу, прошёл тренировку в 8-м УТАПе, но фамилия играла свою роль. Его начали задерживать с отправкой на фронт. А он настаивал, причём просил направить его в 434-й истребительный полк под Сталинград, к брату Степану. В ЗАПе считали, что он ещё не годится для коллектива клещевских асов, ведь только год назад поднялся на истребителе в воздух...

Куда только ни писал рапорты лейтенант Владимир Микоян. И везде, встретив фамилию «Микоян», отмалчивались. Тогда Владимир написал начальнику Главной лётной инспекции полковнику Василию Сталину:

«Прошу Вас отправить меня в 434-й истребительный полк. К боевой работе считаю себя подготовленным». «Погоди, дружок, я сам тебя проверю, как ты готов к воздушным боям», – решил Василий Сталин и выбрал время слетать в Багай-Барановку на Волгу, в 8-й запасной учебно-тренировочный полк. И вот на глазах всего 8-го УТАПа над аэродромом ведут учебно-показательный «бой» два «Яка», пилотируемые: один – полковником Сталиным, второй – лейтенантом Микояном. После определённого времени слышен голос Василия Сталина по стартовой радиостанции: «Довольно, хватит, пошли на посадку».

– Что ж, – одобрительно сказал полковник лейтенанту, – к боевой работе ты, лейтенант Микоян, действительно готов, «победил» даже меня...

Переговорю с Клещевым, думаю, согласится взять к себе такого орла...

Сам Анастас Иванович рассказывал: «...Володя очень нервничал. Жаловался мне: «Задерживают всё из-за этой фамилии, а вернее, из-за тебя, папа... Был бы я Ивановым или Петровым – давно уже воевал бы с фашистами на фронте... Да и 434-му истребительному полку, говорят, достаточно одного – Степана Микояна...» Тогда я ему сказал: «Володя, твоя фамилия не должна быть помехой в твоём благородном, патриотическом деле. Товарищ Сталин сказал своему сыну Якову: «Иди и вой как все. Вот передай своему начальству, что я, твой отец, не запрещаю тебе, своему сыну, вылетать на передовые позиции сражения с гитлеровским фашизмом».

Таким образом, в 32-м гвардейском истребительном авиационном полку, в который был преобразован 434-й, оказались два Микояна – Степан, командир эскадрильи, и Владимир, рядовой лётчик или старший лётчик. К сожалению, война слишком рано подрезала крылья молодого сокола с известной всей стране фамилией – Микояна Владимира.

Группа истребителей 32-го гвардейского ИАП во главе с командиром эскадрильи гвардии капитаном Долгушиным прикрывала наземные войска в районе станции Котлубань. В составе группы был и Владимир Микоян, который в одной из своих

~~320~~ ПОЖНИКИ СВОЕГО РОДСТВА

воздушных атак сбил «Хейнкеля-111-го». Не успел этот «хейнкель» догореть, упав в 3-4 километрах южнее Котлубани, как в прицел Владимиру попался еще и «Мессершмитт-109». Но немецкие истребители, имея количественное преимущество, продолжали свои наступательные действия. Заметим, что полком командовал ещё не погибший гвардии майор Клещев, и у мужественного Ивана Клещева не поднялась рука в донесении написать, что вражеским «мессерам» всё же удалось отрезать самолёт Володи Микояна от основной эскадрильной группы «Яков» и кинжальным пушечным огнём расстрелять истребитель Владимира Микояна. Рука Клещева не поднялась, чтобы написать правду – слово «погиб», хотя лётчики эскадрильи Долгушина и вправду не видели горящего «Яка» Микояна, но они утверждали и то, что не видели и спасительного парашюта в небе над Котлубанью. По всему видно, предполагали лётчики, что Володя управлял своим самолётом до самой земли. Но куда он делся – этот вопрос требует выяснения.

Много лет спустя после войны бывший военный лётчик, ныне полковник, военный писатель Станислав Грибанов нашёл свидетеля приземления самолёта Владимира Микояна. Житель деревни Синьковка Павел Петроченков вместе с сельчанами работал тогда в поле на уборке урожая. Они и наткнулись на обломки самолёта, упавшего здесь во время войны. И вспомнили, как осенью 1942 года там шла большая колонна немецких автомашин с пехотой, танков и артиллерии. На эту колонну сверху обрушился горящий советский самолёт. Тот огненный смерч прошёлся вдоль вражеской колонны, сметая огнём и пехоту, и танки, и пушки немцев. Они же, крестьяне, видели, как при ударе о танки горящего самолёта взрывной волной выбросило лётчика. К месту падения лётчика подбежали немецкие солдаты, сгрудились над трупом, достали документы. Громко загалдели:

«Русиш! Русиш! Микоян! Сын Микояна!..» Безжизненное тело лётчика закопали там же. После войны останки лётчика были перенесены в братскую могилу Котлубанского райцентра.

Гастелловский удар Владимира Микояна с воздуха по вражеским танкам записан в перечень таранов Военно-Воздушных сил СССР.

6. Тимур Фрунзе

Из обоймы кремлёвской, так называемой «золотой», молодежи, попавшей в авиацию, Тимур Фрунзе был самым скромным, уравновешенным, степенным, деловым и способным.

Тимур Фрунзе – сын Михаила Васильевича Фрунзе, революционера-большевика, советского военного деятеля. Тимур рано остался сиротой – отец скончался при операции, а мать через год после смерти мужа покончила с собой. Тимур рос и воспитывался в семье К. Е. Ворошилова, которого считал своим отцом. Но о родном отце знал побольше, чем знали мы в то время о М. В. Фрунзе.

О Фрунзе написано немало книг, о нём сняты кинофильмы. Его имя не вытравливалось из истории, как это было с другими военными деятелями советского государства, такими как И. И. Вацетис, С. С. Каменев. Фрунзе прочно занял своё место среди видных деятелей революции и гражданской войны, и никакие перемены в высших эшелонах власти не сказывались на отношении к нему. Более того, образ Фрунзе, канонизированный Сталиным, был превращён чуть ли не в икону. Он, пожалуй,

единственный из полководцев Красной Армии не подвергался ни шельмованию, ни очернению, а ведь критикой были задеты даже такие легендарные личности гражданской войны, как Клим Ворошилов и Семён Будённый, Фрунзе – нет.

С возрастом всё это впитывал в себя его сын Тимур, не покидавший Кремля до своего совершеннолетия, росший в атмосфере превращения руководителей партии и советского правительства в «вождей» – перед войной всех их так и называли в народе. Имя М. Ф. Фрунзе осталось нетронутым и в то время, когда равные ему командиры и герои гражданской войны Тухачевский, Егоров, Якир, Уборевич, Гамарник, Миронов, Дыбенко объявлялись «врагами народа» и один за другим убирались из жизни. Всё это происходило в сознательном возрасте Тимура Фрунзе. Знал он, конечно, заслуги отца перед советской властью, что его высоко ценил сам В.И. Ленин.

Наконец, при всём этом Тимур задумывался и над тем, зачем и почему Сталин, против желания отца, принудил его делать операцию желудка.

По-видимому, мать Тимура знала что-то такое, потому что покончила с собой...

При поступлении в Московскую артиллерийскую спецшколу Тимур писал в своей автобиографии: «Родился в Харькове в 1923 году. В 1925 году умер отец, Фрунзе М.В. – профессиональный революционер, в 1926 г. умерла мать. Рос и воспитывался у бабушки, с 1931 г. – в семье К. Е. Ворошилова. Сестра Татьяна в настоящее время – слушатель Военной академии».

После окончания артиллерийской спецшколы Тимур, как и вся тогдашняя молодежь, заболел авиацией. Своё решение Тимур согласовал с Климентом Ефремовичем Ворошиловым, и тот посодействовал ему в поступлении в Качинское военное училище лётчиков-истребителей. Как уже упоминалось выше, в Качинском авиационном училище он учился в одной группе с сыновьями И.В. Сталина, Е.М. Ярославского, Н.А. Булганина. А первым выпускником этого училища был брат жены Емельяна Ярославского, П.И. Кирсанов, ставший к поступлению в училище ребят уже известным военным лётчиком в стране. Петр Иванович Кирсанов воевал против немцев в гражданскую войну в одном авиационном отряде с Петром Николаевичем Нестеровым. С этим прославленным русским военным пилотом и множил доблесть русских авиаторов. На виду у германских и русских войск Кирсанов вёл воздушный бой с немецкими лётчиками, один против троих, и когда исчерпал все возможности продолжать бой, то протаранил немецкий самолёт. Это произвело такое впечатление на противника, что сам король Германии Вильгельм Второй приказал своим командирам похоронить останки русского лётчика со всеми воинскими почестями, а боевые награды Кирсанова передать России. Сейчас Георгиевские кресты, орден Святого Владимира и медали Кирсанова хранятся в музее Качинского авиационного училища. Вот какие примеры служили Тимуру при обучении в лётном училище.

Назначенный старшим так называемой элитной группы пилота-инструктора Николая Власова, Тимур был крепкой опорой этому командиру, потому как приводить в порядок кремлёвских сынков было не просто.

Первым, кого пришлось Тимуру наказывать за мелкие уставные нарушения, был его ближайший друг, Ярославский, которого отец назвал Михаилом – в честь своего друга по царскому подполью Михаила Васильевича Фрунзе.

– Да ты что, Тимур? Друга наказывать, – возмутился сын Ярославского.

– Ничего. Перед воинскими уставами все равны – и Фрунзе, и Ярославские.

Не однажды призывал Тимур к порядку и Васю Сталина.

Свой переход из артиллерии в авиацию Тимур обосновывал так:

«Я сын двух революционеров – Фрунзе и Ворошилова. Оба они были в гуще революционных событий, на переднем фронте битвы за советскую власть, поэтому и мне надлежит быть в авангарде военного дела защиты нашей Родины. Авиация становится новейшим видом нашей обороны – я должен быть там».

В Качинском военно-авиационном училище Тимур преуспевал. В одной из курсантских характеристик Тимура написано: «На первых учебных самолетах У-2, Ут-2, УТИ-4 проявил себя наиболее способным учлётком. Летает смело и с большой охотой, особенно это проявляется при выполнении высших пилотажных фигур. По предметам теоретической подготовки успевает отлично. В свободное время увлекается чтением книг, особенно исторической тематики, военной литературой. Владеет немецким и французским языками...» Характеристику подписал командир эскадрильи капитан Иванов.

В одной из Тимуровых тетрадей-конспектов встречается выписка из брошюры его отца М. В. Фрунзе. «Нужно постоянно совершенствоваться» – называется эта брошюра, и вот из неё выписка: «Любой характер можно и нужно изменять к лучшему. Каким образом? Весьма просто: желание, терпение. Даже физическую силу – всё можно выработать в себе, если захотеть, если не давать себе поблажек». И Тимур выполнял советы отца, ни в чём не давал себе поблажек.

После окончания Качинского училища, лейтенант Тимур Фрунзе прошёл тренировку на боевом истребителе в том же 8-м учебно-тренировочном полку, и в начале ноября 1941 года был направлен в 161-й истребительный полк, который защищал московское небо от налётов немецких бомбардировщиков.

У каждого человека есть что-то дорогое – опушка леса, поле, берега любимой реки... Такой уголок был, конечно, и у Тимура. Его рано увезли из Харькова, где он родился во время службы отца в тогдашней столице Украины, но в детской памяти остались и многолюдная Сумская улица, и городской парк имени Шевченко, и Чугуевские военные лагеря, куда его иногда брал с собой отец... Но Москву Тимур не мог сравнить ни с чем. Там – родная 257-я школа и первая юношеская любовь. Москва, Москва...

...На Московском направлении молодому лётчику Тимур Фрунзе не пришлось пока летать на боевое задание, командование и его придерживало, берегло. Боевая работа лейтенанта Фрунзе началась на Северо-Западном фронте, куда был перемещен 161-й истребительный полк.

10 января 1942 года Тимур вылетел на прикрытие наших наземных войск, при этом произошло три встречи с немецкими истребителями. Гитлер все время торопил свое командование взять Ленинград, потому летчикам 161-го ИАП приходилось усиливать интенсивность боевых вылетов по отражению вражеских налётов на город.

19 января лейтенант Фрунзе вылетел на свой 9-й по счету боевой вылет и не возвратился с задания. Архивные материалы сохранили записи о гибели сына Михаила Васильевича Фрунзе: «Северо-Западный фронт. 161-й истребительный авиаполк. В

11 часов 43 минуты 19.01.42 г. старший лейтенант Шутов и его ведомый лейтенант Фрунзе вылетели с аэродрома Крестцы на прикрытие войск в районе Паршино, где наши войска вели сложные бои за переправу через реку северо-восточнее Старой Руссы. В 12 часов 15 минут Шутов и Фрунзе вступили в воздушный бой с немецкими истребителями на высоте 990 метров. Немецких «Me-109» было четыре, наших – два, потом к немцам подключились еще два «мессершмитта» нового типа «Me-115». Эти «115-е» подошли тогда, когда парой Шутова был сбит один «Me-109» и он догорал у деревни Балогижа, что в 5-6 километрах севернее Старой Руссы. Имея превосходство – три оставшиеся «Мессершмитта-109» и два подошедшие «Мессершмитта-115», – немецкие лётчики осмелели, сумели разделить нашу пару – Фрунзе и Шутова.

«Me-109»-е занялись атаками Шутова, а «Me-115»-е – Фрунзе. Первым пошёл на вынужденную посадку подбитый старший лейтенант Шутов, и освободившиеся три «Me-109» присоединились к своим «Me-115-м» и теперь пятёркой набросились на оставшегося в одиночестве Тимура Фрунзе. Причем «Мессершмитты-115» были вооружены пушками, и, конечно же, «Як-1» Тимура был подбит; раненный в голову, он повёл горящий свой «Як» на посадку. Как запомнил с земли ранее сбитый Шутов, самолёт Тимура упал в 500 метрах от деревни Отвидино (8 км северо-западнее Старой Руссы)».

То были жесточайшие бои в районе Старой Руссы. С того же аэродрома Крестцы, в день гибели Тимура Фрунзе, десятку пикировщиков Пе-2 повел на задание наш командир 204-го (впоследствии 161-го гвардейского) полка майор Гаврилов, и из этой девятки Пе-2 в Крестцы вернулся только один майор Гаврилов, остальные были сбиты истребителями противника. И всё же думается, надо было придержать Тимура от вылета в злополучный день 19 января, ведь можно было обойтись и без 19-летнего лётчика – хотя бы из-за такой фамилии...

Что же хорошего успел увидеть в своей жизни этот замечательный юноша?..

В Москве живет женщина по имени Вера Иванова. У нее сложилась своя семейная жизнь, без Тимура Фрунзе. Но она не скрывает даже от корреспондентов памяти о своей первой любви. Она рассказывает: «Когда Тима улетал на фронт, он просил меня, что если что случится с ним, то посадить на его могиле незабудки. И я нашла его могилу в старо-русских Крестцах, посадила на его могиле незабудки. Пусть растут живым всполохом его незабудки, ведь по сути его и вспоминать теперь уже некому – ни отца, ни матери, ни своей семьи не успел завести...» Кладбище, где захоронено пробитое фашистами тело юного военного лётчика, называется Ямским, – и Вера Иванова продолжает свой печальный рассказ: «До войны я носила две пышные косы. И вот однажды получаю от Тимура письмо, он просил сохранить для него хоть одну из тех кос, а если можно, то и выслать ему на фронт. И я не пожалела, отрезала косу и послала ему посылкой. К сожалению, посылка возвратилась – получатель погиб. Как погиб – написали его фронтовые полковые друзья».

Лётчику 161-го истребительного полка Тимофею (Тимуру) Фрунзе тогда же, в январе 1942 года, было присвоено звание Героя Советского Союза.

324 ДОЖНИКИ СВОЕГО РОДСТВА

...Как при советской власти водилось, бывшие фронтовики ежегодно собирались на свои полковые встречи. Собирались ветераны и 161-го истребительного полка. И волновались, беспокоились, почему же на их встречи не является их бывший командир эскадрильи Иван Шутов, проживавший тогда в Москве.

Однополчане считали и своей общей виной то, что их бывший командир эскадрильи Шутов понёс незаслуженную кару – за «потерю ведомого лётчика Фрунзе» получил пять лет лишения свободы. Знали в полку все, потому и писали, писали во все инстанции, чтобы суд повторно рассмотрел это дело. Некто в так называемом журналистском расследовании разоблачил авантюриста москвича Шутова, и тоже по имени Иван, который выдал себя за командира эскадрильи и которого якобы «в бою бросил лейтенант Фрунзе, улетел в сторону немцев и поныне жив-здоров, проживает где-то в Западной Германии...» Непонятно, зачем всё это нужно было тому человеку, но, как выяснили журналисты, тот Шутов и служил-то не в авиации, однако слухи и всякие лживые легенды поползли по Москве. Разоблачение авантюриста помогло снять вину с настоящего Ивана Шутова, бывшего командира 161-го истребительного полка. Он получил полную реабилитацию после того, когда отбыл в заключении более трёх лет. Возвращены были ему и его боевые награды – орден Ленина, орден Александра Невского, два ордена Красного Знамени и английский орден «Королевский Крест Великобритании» – этот орден вообще не имел никакого отношения к исчезновению Тимура Фрунзе, он получен Шутовым за содружество в воздушных боях с английскими лётчиками, уже при обороне Мурманска.

И вот очередная встреча однополчан 161-го истребительного полка. Встреча постаревших ветеранов со своей боевой молодостью. Однополчане, увешанные боевыми орденами и медалями, встречаются друг друга, и кое-кто уже и не узнаёт бывших друзей. А Иван Шутов (настоящий) ещё и в тёмных очках...

– В боях с фашистскими лётчиками сохранил зрение, а в родных сталинских лагерях потерял – при работе на электросварке, – оправдывается Иван, как будто в этом его личная вина.

А однополчане всё подходят и подходят, обнимают, называют себя – если кого Шутов не узнаёт по голосу.

Вот подходит молодцеватый генерал, склоняет перед Шутовым голову, говорит:

– Здравия желаю, товарищ командир.

– Здравствуй. А кто это? – спрашивает Шутов, и ему отвечает рядом стоящий однополчанин:

– Это Пикулев Слава – который после Тимура Фрунзе с вами летал.

Снова голос Пикулева:

– Спасибо вам за всё, за всё, товарищ командир.

Тут Иван Шутов вспомнил историю с Пикулевым.

В эскадрилью прибыло пополнение молодых лётчиков, командир эскадрильи Шутов приступил к вводу их в боевой строй. Всё шло нормально, покамест дело не дошло до боевых вылетов. К себе в напарники вместо погибшего Тимура Фрунзе Шутов взял Пикулева. Пошли на задание, с первого же столкновения с

«мессершмиттами» Пикулев вышел из атаки, бросил ведущего, струсил. Встал вопрос об отчислении Пикулева из боевой авиации. Шутов вступился за молодого лётчика, взял Пикулева на поруки, и тот успешно закончил войну. Позади – Военная академия и должность командира истребительной авиационной дивизии.

7. Евгения Кострикова — дочь С. М. Кирова

Если Константин Кузакوف был внебрачным сыном Сталина, то Евгения Кострикова была законной дочерью Сергея Мироновича Кирова по первой его жене. Только у нас до войны так соблюдалась тайна личной жизни советских госдеятелей, что люди не знали о ней ничего. В 1975 году появляется мемуарная книга генерала А. П. Рязанского «В огне танковых сражений», в которой пишется о подвигах танкиста-женщины капитана Костриковой Евгении Сергеевны. А начала она службу в действующей армии медсестрой и спасла жизни 27 нашим раненым танкистам, за что была награждена орденом Красной Звезды.

В 1985 году, в 40-летие дня Победы над фашистской Германией, в газете «За рубежом» была напечатана статья американского журналиста времён войны. Этот журналист популяризировал участие советских женщин в войне. Он вспоминал о том, как на 2-м Украинском фронте во время войны побывал на конференции, на которой, он пишет, «участницей была командир танка по фамилии Евгения Кострикова. Эта милостивая с красивыми волосами 22-летняя девушка до войны училась в техническом институте, добровольно ушла в армию, училась в танковом училище, в 1942 году в звании лейтенанта убыла в действующую армию, стала командиром боевого танка».

Кострикова Евгения, да ещё и Сергеевна... Не дочь ли Сергея Мироновича Кирова?.. Его настоящая фамилия – Костриков, а Киров – партийный псевдоним: как у Скрябина – Молотов, у Джугашвили – Сталин...

В 90-х годах в Харькове я встретился с ветераном войны подполковником в отставке Юрием Ивановичем Костериным. Это человек с очень интересной военной биографией. Начинать учиться в авиационном училище. В первую военную зиму в составе курсантских добровольческих отрядов попал в лыжный разведотряд, а оттуда, как начинающий авиатор, был направлен в отряд аэросаней, воевал на Карельском фронте, потом закончил танковое училище и до конца войны провёл командиром танка. О нём, как о храбром танкисте, хорошо написано в упоминавшейся выше книге генерала А.П. Рязанского «В огне танковых сражений», там речь идёт о 24-й танковой бригаде 5-го гвардейского танкового корпуса. Юрий Иванович Костерин рассказал, что рядом с ним, в танковом боевом расчёте и воевала Евгения Кострикова. Однополчане гордились своей танкисткой, знали её биографию. С.М. Киров первый раз женился на Кавказе, когда ещё носил фамилию Костриков. Его дочь, названная Евгенией, и была та самая танкист Кострикова. Первая жена Кирова заболела и умерла, оставив Сергею Мироновичу Евгению, которую вторая жена Кирова, по фамилии Маркус, не приняла. Маркус была женщиной с еврейскими нравами, не

восприняла Женю. Жене пришлось испытать все «прелести» сиротства. До семилетнего возраста она росла в специальном детском доме, учрежденном советским правительством для испанских детей, оказавшихся в СССР после поражения республики в Испании.

При жизни отца Евгения ещё чувствовала отцовское отношение и заботу. А когда С.М. Кирова убили (1934 г.), она стала совсем одинокой. Правда, как рассказывала Евгения своей фронтовой подруге – военврачу Кузьминой Антонине Алексеевне, к ней тепло и заботливо относилась семья А.И. Микояна – соратника С.М. Кирова по революционной борьбе в Закавказье. По-отечески к ней относился и Серго Орджоникидзе, помнили и тепло принимали Евгению и в семье К.Е. Ворошилова (в этой семье Евгения и подружилась с Тимуром и Таней Фрунзе).

После окончания средней школы-интерната Евгения Кострикова поступила в Московское высшее техническое училище имени Баумана (ныне Техническая академия). А когда с началом войны комсомольцы потянулись в военкоматы за путёвками добровольцев, Евгения тоже подала заявление о призыве её в Красную Армию, окончила курсы медицинских сестёр и в качестве медсестры ушла на фронт, спасала раненых танкистов. Не удовлетворившись этим, Кострикова начала ходатайствовать о зачислении её курсантом танкового училища, но тогда почти ещё не было в армии женщин-танкистов. Лётчицы были, а танкисты... Пришлось обращаться к самому К.Е. Ворошилову. Вскоре Евгения Кострикова стала единственной курсанткой в Казанском танковом училище. Это училище ускоренным курсом она закончила с отличием и возвратилась лейтенантом в свою же 54-ю (24-ю) танковую бригаду на должность командира танка Т-34. В 1944 году она уже была в звании капитана, имела медаль «За отвагу» и орден Красной Звезды. Имя отважного танкиста Евгении Костриковой стало нередко появляться на страницах всеармейской газеты «Красная Звезда».

Бывшие ветераны 24-й танковой бригады Ю.И. Костерин и Н.Ф. Бирюков вспоминают, что служба танкистки – дочери С.М. Кирова, была на пользу всей бригаде. Не хватает военного обмундирования – в Москву командируют Кострикову. Не достаёт запасных частей на ремонт танков, вышедших из строя, – опять капитана Кострикову в Москву, где она была вхожа к А. И. Микояну, отвечавшему в правительстве за снабжение Красной Армии...

Один штабной офицер взял себе на заметку, что с Костриковой считаются в московских верхах, всё у неё получается, поэтому стал добиваться её руки и в конечном счёте женился на Евгении. Однополчане единодушны в том, что этот офицер (из этических соображений не станем называть его фамилию) добился своего: в результате нескольких поездок Евгении в Москву, к Ворошилову и Микояну, её муж получил генеральские погоны.

Здесь просто не хочется признаваться, что и среди бывших советских генералов находились карьеристы-проходимцы, для которых честь ничего не значила. У мужа Евгении Костриковой сразу после окончания войны обнаружилась законная семья. Евгения снова стала одинокой – обманутой и забытой дочерью С. М. Кирова.

Скончалась Евгения Сергеевна Кострикова (она не меняла своей фамилии) тоже в полном одиночестве. Даже из однополчан-танкистов её хоронила лишь одна ближайшая военная подруга – Антонина Алексеевна Кузьмина.

На Ваганьковском кладбище в Москве запущенная могилка обозначена каменным столбиком с надписью: «Кострикова Евгения Сергеевна. 1921–1975 гг.».

Такова судьба дочери революционера, выдающегося деятеля ВКП (б) Сергея Мироновича Кирова, к уходу из жизни которого, по версии Н. С. Хрущёва, приложил руку Сталин.

Анатолий ДОЛГАРЕВ

ПОСЛЕДНЕЕ ПАРТИЙНОЕ СОБРАНИЕ

Сегодня, когда в любую минуту может опуститься и мой занавес, я вынужден поспешить рассказать о людях, с которыми меня связывала судьба на протяжении моей жизни. Эти люди были моими кумирами, у них я учился жить по совести. Сегодня, когда на нашу прежнюю жизнь некоторые пытаются вылить как можно больше грязи, я пытаюсь рассказать то, что мне было хорошо известно, чтобы новые поколения, которые захотят докопаться до правды, нашли и мои мысли, а также взгляды моих единомышленников на происходившие тогда события, которые когда-то станут тем историческим прошлым, которое поможет честным людям докопаться до истины, а значит обрести веру в завтрашний день и наполнить оптимизмом всю их дальнейшую жизнь.

Зиновий Кац и Борис Силаев

Это собрание состоялось весной 1991 года. Официально оно посвящалось итогам Апрельского (1991г.) пленума ЦК КПСС, на котором М.С. Горбачев впервые заявил членам ЦК о своей отставке с поста Генерального секретаря ЦК КПСС, но больше всего было уделено внимание текущему политическому моменту сложившемуся на тот период в стране с названием СССР. В то время уже кипели страсти из-за падения авторитета у руководства всей партии. Начались массовые выходы из партии, а в одной из Прибалтийских республик КПСС вообще уже была запрещена. Б.Н. Ельцин обещал своим избирателям при избрании его Президентом издать Указ, о запрете деятельности КПСС на государственных предприятиях, составлявших в то время основу всего народно-хозяйственного комплекса страны. В Харькове на площади Дзержинского почти ежедневно бушевали митинги, которые организовывали разного рода неформалы, многие из которых не знали чего хотели, но зато очень страстно и яростно протестовали.

Борис Дмитриевич Силаев, уже разбитый к тому времени инсультом, попросил меня, работавшего тогда в обкоме партии, организовать ему машину, чтобы посетить, как потом оказалось, последнее партийное собрание в харьковской писательской организации. На собрание явились почти все коммунисты: здесь был Владимир Добровольский, Зельман Кац, Роберт Третьяков и многие другие авторитетные члены Союза писателей СССР. Так как собрание было открытым, то на него пришли и те, кто не состоял в партии и те, кто уже успел сдать свои партийные билеты – не стану называть их

фамилии, чтобы не добавлять им не заслуженной популярности.

Вначале, как обычно, был прочитан доклад секретарем партбюро И.Н.Поляковой, затем начались прения. Одним из первых слово попросил Кац З.М. Помнится, он сказал: « Вы давно и часто просили меня рассказать о том, как мне вручался партбилет в 42-м в Сталинграде. Я, как вы помните, эту тему старался обходить и не хотел её затрагивать по многим соображениям, но сегодня попытаюсь об этом поведать присутствующим. На фронте у меня был друг, с которым мы делили все тяготы нашей военной жизни. Часто бывало, что мы с ним спали на одной из наших шинелей, а укрывались другой. У того паренька в 38 году чекисты расстреляли отца и мать. И, тем не менее, когда перед боем наш политрук спросил, кто хочет пойти в бой коммунистом, то первым, кто поднял руку, оказался мой друг. Я мгновенно вскочил вслед за ним и тоже поднял руку, не раздумывая ни секунды о том, стоило или нет мне вступать в партию. После боя я спросил у моего друга, почему он так решительно вступил в партию, на что тот ответил, что если бы он не вступил, то это было предательством его расстрелянных ни за что родителей, которых обвинили в том, чего они не совершали. Он всю жизнь считал своих родителей настоящими коммунистами. Когда я вступил в партию, то много раз сам у себя спрашивал, много раздумывал и до самого последнего времени, все размышлял: в ту ли я вступил партию. И только теперь я понял, что тогда в далеком 42-м, в окопах Сталинграда, я принял единственное и правильное решение, потому что именно наша партия была действительно интернациональной по своей сути. Хотя и «Дело врачей» и другие «дела» часто заставляли меня взвешивать происходившие процессы в государстве, которым руководила партия, членом которой я являюсь по сей день. Сейчас, наблюдая за всем, что происходит в нашей стране, я твердо знаю, что вступил в ту партию, которая всю свою жизнь проводила и проводит последовательную интернациональную политику. Особенно ярко это стало видно теперь, когда ультранационалисты начали открыто заявлять о своих давнишних замыслах».

После З.Каца слово попросил Борис Дмитриевич Силаев. К этому времени он уже побывал и секретарем парторганизации писателей и председателем областной организации Союза писателей СССР, успел издать много разных книг, последними из которых были первая и вторая книги «Оружие победы». Тема войны для Б.Д.Силаева была особенно дорогой. Его отец был красным конником и воевал в Первой конной армии у С.М.Буденного. Борис Силаев давно хотел серьезно заняться исследованием Великой Отечественной войны, но завершить ему эту работу помешала болезнь.

Вначале Борис Дмитриевич извинился, что после болезни впервые смог прибыть на партийное собрание. Рассказав коллегам о том, что болезнь его догнала после поездки в Чернобыльскую зону, которую он посетил в 1986 году вместе с секретарем горкома партии А.А.Горшковым, который тоже после этой поездки заболел и впоследствии умер; затем поведал об одном из эпизодов из времен его пребывания на посту секретаря партбюро

писательской организации: «Однажды мне позвонил 1-й секретарь райкома партии и попросил выйти на улицу (секретарём райкома тогда был Побегайло М.С.) Он сказал мне, что работники КГБ хотят познакомиться с творчеством каждого писателя на дому, посмотреть, якобы, в каких условиях трудятся советские писатели. Вполне возможно, что они будут интересоваться наличием у них материалов самиздата. Поэтому он попросил, чтобы я предупредил каждого писателя хорошенько упрятать ходившие тогда по рукам рукописи С.Алилуевой, А.Солженицына и других, запрещенных авторов Сегодня я хотел бы спросить у присутствующих: что было бы с секретарем райкома, если бы я предупредил не Вас, чтобы вы спрятали рукописи, а нашего куратора из КГБ? А секретарь райкома уж точно знал, что с ним могло бы быть, но не побоялся и предупредил меня о намечавшемся визите кагэбистов. Но вы прекрасно помните, что я добросовестно предупредил каждого из Вас, не пользуясь телефоном, только я не сказал тогда: откуда я узнал о предстоящем «шмоне». И как сейчас мне тяжело и неприятно смотреть на одного из присутствующих здесь в зале, теперь уже бывшего коммуниста, который тогда попросил меня спрятать в партийном сейфе принадлежащую ему распечатку С.Алилуевой. Зато сегодня, в самые сложные для нашей партии дни он одним из первых сдал свой партийный билет, а тогда у меня искал защиты».

После Б.Д.Силаева трибуну оседлал один подвыпивший писатель, который обозвал З.Каца «зрадником», а после собрания попытался даже ударить его по голове, но так как я стоял рядом, мне удалось предотвратить акт этого вопиющего самодурства. Раньше, после каждого своего собрания писатели еще долго не уходили домой, общаясь между собой, заходили в редакцию журнала «Прапор», в библиотеку и в другие отделы, но на сей раз писатели мгновенно покинули «спилку», так как у многих из них на душе появился горький осадок.

Спустя несколько лет после этого собрания З.Кац собрался уезжать на ПМЖ в Израиль. Он собрал по этому случаю своих единомышленников из писательской братии, и, как мне поведал Б.Д.Силаев, сказал: «Я никогда не помогал своим детям, которым в нашей стране сегодня не видно будущего. Я вынужден поехать с ними в Израиль, чтобы поддержать их на первых порах за счет своей относительно высокой там фронтовой пенсии. Там я обязательно вступлю в их компартию. И помните, мои друзья: хотя я и еду, но партбилет и Сталинград я не сдал». Вот так попрощался наш поэт со своими друзьями.

Евгений Дегтярёв

Моим кумиром всегда был и остается до сих пор ещё один человек, о котором я не могу не вспомнить. Речь идет о бывшем директоре опытного завода ХПИ Евгении Николаевиче Дегтярёве, которого воспитал коллектив нашего славного института. Осенью 1980 года Евгений Николаевич позвонил мне в социологическую лабораторию и попросил встречи. Как только мы увиделись, он предложил мне пойти с ним в суд, где должно было

рассматриваться его дело. Мы спустились с ним по Журавлевским склонам и через полчаса уже были в здании суда.

«Встать! Суд идет!», - объявила секретарь, и судья начал зачитывать обвинительный протокол по делу Дегтярёва Е.Н. Чтение протокола длилось минут сорок и в конце его был объявлен приговор, согласно которому Евгения Николаевича приговорили к четырём годам лишения свободы с отбыванием в колонии усиленного режима. Для меня этот приговор был ударом по голове, так как по дороге в суд мы говорили с Дегтяревым о том, что за его «провинности» могли осудить к одному году и то «условно».

Жизнь, однако, повернулась к нему другой стороной и прямо в зале суда он был взят под стражу и отправлен в тюрьму. Я уже не помню, как добрался домой, но до сих пор помню, что переживал это событие, как будто бы осудили моего отца. Евгений Николаевич, как и мой отец, провел войну в окопах, сражаясь за нашу Родину. Всегда он отличался высочайшей порядочностью и профессионализмом, за что его любили не только в родном заводском коллективе, но и во всем институте. Именно его политехники всегда избирали председателем народного контроля института, членом парткома ХПИ, как одного из самых уважаемых людей института.

Буквально на другой день я настроил письмо председателю Верховного суда Украины с просьбой отменить этот несправедливый, по моему убеждению, приговор. Но из Киева пришла единственная бумажка о том, что письмо получено адресатом (я отправлял «заказным»). Такие письма писал не только я, но и другие преподаватели института. Игорь Васильевич Белый с Виктором Ивановичем Рудницким создали специальную группу по освобождению Евгения Николаевича, однако все наши труды оказались безрезультатными. Жена Евгения Николаевича, Ада Ивановна Дегтярева тоже пыталась добиться оправдания мужа, но её старания также не увенчались успехом. Она даже сумела встретиться с братом Л.И.Брежнева, с которым когда-то работала на одном из предприятий. Для Ады Ивановны эта катастрофа с мужем стала непоправимой трагедией. Не выдержав несправедливости, Ада Ивановна не дожила даже до своего 60-летия из-за внезапной остановки сердца. Да и как могло оно не остановиться у жены, которая была дочерью старого большевика, сама являлась коммунистом, ударником коммунистического труда, была прекрасной матерью двоих сыновей?

На очередной партийной конференции института Иван Григорьевич Федорченко - председатель завкома опытного завода подверг руководство института жесткой критике, за то, что они не смогли отстоять честного человека перед правоохранительными органами. И.Г.Федорченко обратился к присутствовавшему на конференции секретарю обкома партии В.А.Ивашко, разобраться в этом вопросе и добиться отмены несправедливого приговора. Однако тот в конце конференции отделался единственной фразой: «Так приписки же были» и больше не сказал ни слова по данному вопросу.

Однажды на улице Сумской я шел с корреспондентом «Правды Украины»

Георгием Никитовичем Леоновым, который много лет занимался освобождением незаконно осужденных лиц, приговоренных к 25 годам лишения свободы, поэтому он знал всех прокуроров города и области. Когда я на ходу рассказал ему историю о Е.Н.Дегтяреве, он вдруг остановился рядом с прохожим и сказал: «Вот кто нам сейчас прояснит ситуацию». Как оказалось, он остановился и поздоровался с Леонидом Павловичем Дудником, уже пенсионером, бывшим прокурором Киевского района, в котором и должны были рассматривать дело Дегтярёва. «Леонид Павлович! Расскажи нам, за что же посадили фронтовика из ХПИ Дегтярева?» - спросил у него Леонов. На что Леонид Павлович ответил, что, вероятно, это кому-то было выгодно его усадить на скамью подсудимых. Узнав, что состава преступления в Киевской прокуратуре не усматривался, дело было передано в другой район, где и было «состряпано», так называемое, «дело».

То, что это было кому-то выгодно, я потом слышал и от других работников Киевского райотдела милиции. Позже, когда я работал в Киевском райкоме партии, мне рассказал свои соображения по этому вопросу Анатолий Семенович Кобиков, который возглавлял в те годы комитет народного контроля Киевского района: «Я предлагал одному из руководителей вашего института рассмотреть дело Дегтярева на заседании нашего комитета, однако тот товарищ заявил мне, что товарищ Дегтярев – это кристально честный человек и мы не можем согласиться, чтобы его наказывал Народный контроль». Оказалось, что наше правосудие могло привлечь к ответственности и упрятать в тюрьму и такого кристально честного коммуниста, каким был и остается Е.Н.Дегтярёв.

Не смотря на подобное отношение к этому человеку, среди нас в институте, к сожалению, тогда не нашлось человека, способного, как Георгий Никитович Леонов, добиваться справедливости в самых высших судебных инстанциях. В свое время Георгий Никитович, добиваясь оправдательного приговора первому своему незаконно осужденному человеку, добрался до самого Генерального прокурора СССР Руденко Р.А. Когда он добивался оправдательного приговора для своих подопечных, то прокуроры, допустившие незаконное привлечение к ответственности невинного человека немедленно освобождались от занимаемых должностей.

За 11 лет своей работы в должности корреспондента газеты «Красное знамя» Г.Н.Леонову удалось освободить из-под стражи семь невинных человек, приговоренных к 25 годам лишения свободы. Георгий Никитович всю войну прошёл в разведке армии И.М.Манагарова. На своих плечах притащил 11 «языков», за что был награжден девятью боевыми орденами. Он был удостоен чести участвовать в параде Победы в 1945 году. Это по его инициативе был построен командный пункт Маршала Конева в районе села Пересечное, куда его посылал Манагаров в разведку перед освобождением Харькова в 1943 году.

Когда через четыре года Е.Н.Дегтярев вышел из тюрьмы, то первым, к

кому он пришёл, оказался я. «Ты меня провожал на этот клятый суд, ты меня первым и встретил», - сказал Евгений Николаевич». Я при всех, кто находился в коридоре Киевского райкома партии расцеловал Дегтярева и громко во всеуслышание заявил, что ко мне пришел самый желанный и дорогой друг, которым я всегда гордился и горжусь. Мы зашли в кабинет, и Евгений Николаевич сказал мне, что на мне хотел проверить, как теперь к нему будут относиться люди. «После такой встречи, мне теперь уже ничего не страшно», - сказал Дегтярев.

Тепло и искренне встречали его в нашем институте, который сразу же принял Е.Н.Дегтярева в свои ряды, где он и проработал до тех пор, пока сам не решил уйти на заслуженный отдых, как инвалид Великой Отечественной войны первой группы. Когда я вручал ему знак фонда Жукова «За мужество и любовь к Отечеству», то подумал, что именно Евгений Николаевич достоин этого знака и за участие в войне, и за его работу в мирное время, и за то, как мужественно он перенес незаслуженное наказание, выпавшее на его долю.

Через пять лет после своего освобождения Евгений Николаевич сам добился приёма у председателя Верховного суда Украины Якименко и «расстрельная» статья, как называл своё осуждение Евгений Николаевич, была снята, чем и закончились обвинения в «хищениях» и «приписках». Пережив до этого несравнимые ни с чем лишения и тяготы войны, Евгений Николаевич потому так выдержал и эти испытания. В зоне он зарекся есть хлеб, селедку и сахар. Голод донимал, зато очистил, как говорит Дегтярев, организм от всяких шлаков и холестерина. Он там продолжал начатый ещё ранее «бег ради жизни» (по 7 км каждое утро), правда в колонии уже в виде комплекса каскада упражнений по Амосову минут по 40 в день. Он и в колонии подал 13 рационализаторских предложений с многотысячным экономическим эффектом. А на вопрос: как же был допущен такой вопиющий беспредел, этот неисправимый оптимист и жизнелюб отвечает: «Это была на мне совершена «проба пера» доктрины Алена Даллеса.

По-моему, Е.Н.Дегтярёв достоин Знака «За мужество и любовь к Отечеству», потому, что он не разлюбил свой институт и всё, что связано с его делами. Он оказался верным ему на протяжении всей своей жизни. Университет пытается ему платить тем же. По инициативе ректора Л.Л.Товажнянского ему предоставлена в одном из корпусов небольшая комнатуха, где он встречается с оставшимися в живых ветеранами и сотрудниками нашего, теперь уже национального университета. Недавно ему по ходатайству университета, как инвалиду войны, была выделена новая «Славута». Для этой «Славути» он мечтает ещё построить гараж, неподалёку от своего дома. И за эту заботу о нём Евгений Николаевич искренне благодарен тому самому памятного дня, когда он поступил на первый курс электромашиностроительного факультета ХПИ.

Вера Акимова

Есть в Национальном техническом университете «Харьковский политехнический институт» место, где, хотя бы раз, но побывал каждый из 30-ти с лишним тысяч политехников – профессоров, преподавателей, студентов. Первокурсников знакомят здесь со славной историей alma mater, здесь вручают им студенческие билеты. Здесь, в Музее истории ХПИ, гости университета получают исчерпывающую информацию о становлении вуза, о научных школах, о подготовке специалистов, о его выдающихся деятелях и выпускниках.

Поиск имен политехников, погибших в Великой Отечественной войне, сбор экспонатов, встречи и переписка с родными выдающихся политехников – всё это и многое другое составляет будни коллектива музея. А в праздники они тоже на посту, ведь накануне знаменательных исторических дат нужно провести немало экскурсий. Стал традицией, например, приход каждой группы первокурсников в музейный зал, где происходит их знакомство с великим университетом, где многим из них вручают студенческие билеты. Музей истории НТУ «ХПИ» – база практики для студентов исторического факультета ХНУ им. В.Н. Каразина.

Почти четыре десятилетия руководила работой Музея истории НТУ «ХПИ» В.В. Акимова, чей труд обеспечил музею статус Народного, победу во Всесоюзном смотре (1989 г.) вузовских музеев, множество других наград и дипломов. В 1995-м Совет ректоров Харькова, обком профсоюза, городской Совет ветеранов Украины наградили наш музей дипломом I степени. А сама Вера Владимировна стала в 2005 году победителем областного конкурса «Вища школа Харківщини – кращі імена» в номинации «Директор музея ВУЗа».

На долю одного человека, кажется, хватило с лихвой и труда, и наград...

Но первые ордена и медали получены Верой Владимировной за труд ратный, на полях боевых действий в Великой Отечественной войне.

20-летней выпускницей Ленинградского индустриального техникума добровольцем ушла она в мае 1942-го на фронт, вместе с другими солдатами вынесла все тяготы той войны.

С боями прошла путь от Сталинградского пекла до европейской красавицы Вены, где и встретила радостные залпы долгожданной Победы. Ратные подвиги совершила в составе Донского, Сталинградского, 3-го и 4-го Украинских фронтов. С мая 1942-го по октябрь 1945-го служила комсоргом батальонов, которые обслуживали 244-ю Лозовскую бомбардировочную дивизию.

«Часто вспоминаю комсорга 132-го отдельного автобатальона Веру Царёву (девичья фамилия В.В. Акимовой), – пишет командир батальона, майор М.Е. Рюмик. – Эта замечательная девушка держала себя скромно, без кокетства, без игры. Она была органически честная, чистая душой и сердцем, обладала какой-то таинственной душевной красотой и ясным умом. Для того чтобы описать все те задатки, какими обладала Вера Царёва, нужно иметь особый талант писателя, а я, к сожалению, простой смертный человек. Вот такой я

помню эту замечательную девушку – комсомольского вожака 132-го ОАТБ».

Сама же Вера Владимировна вспоминает: «В войне участвовало свыше 800 тысяч девушек и женщин, которые наравне с мужчинами вынесли на своих плечах все тяготы войны. В нашем 796-м БАО в роте связи, кроме командира, были только девушки. Они круглосуточно дежурили на аэродромах, держали связь с летчиками, улетевшими на боевые задания. Во время вражеских налетов погибли Лена Ворончук и Маша Лебедева. Как трудно было, морально и физически, пережить все тяготы войны, свалившиеся на хрупкие девичьи плечи...»

Среди наград Веры Владимировны ордена Отечественной войны 2 степени, «За мужество» и 12 медалей. Из них ей особенно дороги «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За взятие Вены», «За трудовое отличие».

На войне встретила Вера Царёва свою любовь – летчика Михаила Акимова. Больше 60 лет они прожили вместе, вырастили двух дочерей – красавиц и умниц, дождалась внуков и правнуков. И всю жизнь с ними были любовь, глубокая привязанность, забота и уважение друг к другу. Много нежных, светлых строк посвятил он спутнице жизни, среди них такие:

Не спешите уходить, года!
Задержитесь, я вас молю,
И в восемьдесят лет
Бывает вешняя вода,
А я тебя, как прежде,
Обнимаю и люблю.

К сожалению, полковник в отставке, награждённый боевыми наградами орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны, медалью «За отвагу», орденом Богдана Хмельницкого, Михаил Павлович Акимов ушёл из жизни в начале 2008 года, не дожив до своего 90-летия чуть больше месяца...

После войны В.В. Акимова училась на историческом факультете Харьковского университета, работала в Харьковском историческом музее, и – почти вся ее жизнь была посвящена Харьковскому политехническому.

В.В. Акимова известна в НТУ «ХПИ» также как активист, бессменный член Совета ветеранов университета. Вместе с коллегами – участниками боевых действий в Великой Отечественной войне – она проводила огромную работу по патриотическому воспитанию студентов, стремилась «продлить связь времен». С уважением и любовью встречают её в торжественные Дни Победы – красивую и мудрую женщину с орденами и медалями на груди. В канун праздника Защитника Отечества Международный общественный фонд имени полководца Г.К.Жукова наградил Веру Владимировну знаком «За мужество и любовь к Отечеству».

Сейчас Вера Владимировна на заслуженном отдыхе, но она часто интересуется, как живёт главное дело её жизни – Музей истории НТУ «ХПИ», где бережно хранится прошлое во имя будущего.

Анатолий Христофоров

Анатолий Ильич Христофоров, награжденный орденами Отечественной войны 2-ой степени, орденом «За мужество» и 15-ю медалями, возглавляет Совет ветеранов войны и труда НТУ «ХПИ». И бесценный жизненный опыт, желание донести до современной молодежи правду о военном подвиге его поколения, воспитать у нее подлинный патриотизм позволяют ему каждую встречу со студентами провести тепло, неформально, живо. И заканчивает Анатолий Ильич свои выступления поэтическими строками, которых он знает множество и читает вдохновенно, взволнованно. Эти искренние чувства передаются аудитории, и надо видеть, как загораются глаза ребят, как откликаются их сердца на обращение к ним ветерана.

«Нам, участникам той кровавой войны, сегодня за 80, — рассказывает Христофоров — Мы счастливы, что встречаем 65-ю годовщину великой Победы, скорбим о тех, кто навеки остался на поле боя, мечтаем о мирной безоблачной жизни для своих детей, внуков и правнуков.

Я родился в 1928 году в крестьянской семье в с. Медведка Ставропольского края. В 1930 году мы переехали в Харьков, так как родители хотели дать нам должное образование. Нас, детей, в семье было четверо: два брата и две сестры.

Пролетели годы. В 1941 году началась Великая Отечественная война — одна из самых кровопролитных в истории.

В марте 1943 года я пошел на фронт добровольцем и до октября был воспитанником — сыном полка. После временного отступления наших войск на Харьковском направлении наша 57 Гвардейская армия готовилась к крупным наступательным операциям по освобождению первой столицы Украины. Мой отец Илья Христофоров, брат Владимир и я находились в 48 Гвардейской стрелковой дивизии 143 Гвардейского стрелкового полка, в отдельном противотанковом истребительном батальоне. Батальон был в основном учебным и готовил младший командный состав по борьбе с бронетанковой силой противника. Здесь изучали боевой опыт борьбы с танками и мотопехотой противника с помощью ПТР (противотанковых ружей). Это вид вооружения уже тогда хорошо зарекомендовал себя.

Подразделения, оснащенные ПТР, выдвигались на самую передовую линию и из окопов и укрытий, с ближнего расстояния, поражали технику и живую силу противника, приближающегося к нашим позициям.

В боях на Харьковском направлении наша 57 армия участвовала в освобождении таких населенных пунктов как Сороковка, Рогань, Безлюдовка, Мерефа и Харьков. Армия несла огромные потери в живой силе и технике. Дни и ночи не прекращались бомбардировки наших позиций фашистской авиацией.

В боях за освобождение поселка Безлюдовка 23 августа (в день

освобождения Харькова) недалеко от меня пал смертью храбрых мой отец Илья Макарович Христофоров – командир отделения ПТР. Для меня этот день навсегда остался самым тяжелым и трагичным. Мой брат – старший лейтенант Владимир Христофоров – остался жив, сейчас он инвалид ВОВ 1-ой группы.

Я принимал активное участие в боевых действиях, постоянно ходил в разведку, подносил патроны и мины на огневые позиции. Несмотря на большие потери наших войск, в особенности в боях при форсировании Днепра, воины нашей 48 Гвардейской дивизии верили, что фашистские войска будут разгромлены и победа будет за нами.

После форсирования Днепра дивизию перебросили на Прибалтийский фронт. Здесь для меня война закончилась. Меня, как несовершеннолетнего, направили на продолжение учебы. К тому же нужно было поддержать мать, которая после гибели отца одна воспитывала троих детей.

Вернувшись в Харьков, я поступил в ремесленное училище № 18, хотел стать электромонтером. Вскоре нашу группу привлекли к восстановлению разрушенных немецкой авиацией зданий Харьковского политехнического института. Я тогда еще не знал, что ХПИ станет вскоре моей судьбой. Окончив училище, я поступил в Харьковский индустриальный техникум Министерства трудовых резервов. В 1949 году начал работать учебным мастером в том же РУ №18, а в 1950-м связал свою дальнейшую жизнь с Харьковским политехническим, где прошел путь от лаборанта до профессора.

Кроме учебного процесса я активно занимался и общественной работой – был председателем ДОСААФ института, профоргом, парторгом, секретарем партбюро, заместителем декана, деканом подготовительных курсов, заместителем и начальником штаба по развитию материально-технической базы университета...»

За лаконичными строками ветерана – многолетний созидательный труд педагога, ученого, воспитателя. Профессор А.И. Христофоров – один из самых опытных преподавателей кафедры интегрированных технологий машиностроения, уважаемый на факультете и во всем университете человек. Несмотря на солидный возраст, он играет одну из ключевых ролей в организации деятельности новой кафедры технологии электрической сварки, создаваемой в НТУ «ХПИ» по рекомендации президента НАНУ Б.Е. Патона. Такое поручение ректората объясняется профессионализмом, коммуникабельностью и трудолюбием Анатолия Ильича.

Авторы журнала **Биографические справки**

Воргуль Василий Романович родился на Сумщине 5 июня 1936 г. Окончил электромеханический техникум и технический ВУЗ в Харькове. По профессии – инженер-электрик, по судьбе – офицер, прослуживший 40 лет в структурах государственной безопасности. Автор 13 книг и многих публикаций в украинских и зарубежных изданиях, в том числе Москвы и Киева.

Член Союза писателей России (). Лауреат международной премии им. Володина и премии Службы безопасности Украины.

Живёт в Харькове.

Глебова Ирина Николаевна (Ирина Полякова) родилась 3 сентября 1949 г. в Харькове. По образованию – журналист.

Член Союза писателей СССР (1977). Член Национального союза писателей Украины, член Союза писателей России.

Книги стихов «Высоты», «Колыбель», «Встречи», «Перекрёстки стремительных улиц», «Войти в течение времён», «Звезда предвечерняя» издавались под псевдонимом Ирина Полякова.

Первая книга прозы «Никогда в этом мире» (1996) увидела свет под именем Ирины Глебовой. С этого времени известна как прозаик. Автор серии ретро-детективов «Сыщик Петрусенко».

Лауреат нескольких литературных премий.

Живёт в Харькове.

Глебов Владимир Алексеевич родился 10 ноября 1946 г. в Закарпатской Украине, в семье офицера Советской Армии. Детство прошло в Архангельской области, на реке Онега. Жил и учился в городе Ефремове Тульской области.

Окончил Орловский государственный педагогический институт, художественно-графический факультет (1972). Работал учителем, художником. Участвовал в выставках, как живописец. С 1987 года занимается художественной ковкой в мастерской «Левша», которую основал и возглавляет.

Член Национального союза писателей Украины и Союза писателей России.

Автор нескольких книг поэзии. Стихи печатались в журнале «Смена», «Литературной газеты», сборниках издательства «Молодая гвардия».

Живёт в Харькове.

Долгарев Анатолий Васильевич родился 17 июля 1946 года в селе Ломное в Грайворонском районе Белгородской области.

Закончил электроэнергетический факультет ХПИ в 1971 г. Семь лет руководил Дворцом студентов ХПИ. С 1981 по 1987 Киевский райком КПСС, с 1988 по 1991 г. – горком и обком КПСС. Помощник народного депутата Верховной Рады (1991-1998). В настоящее время доцент кафедры педагогики и психологии управления социальными системами НТУ «ХПИ». Живет в Харькове.

Дудко Александр Фёдорович (1922-2005).

В 1941 был зачислен в Харьковскую специальную лётную школу. Войну закончил лётчиком-бомбардировщиком на 117 боевом вылете над Берлином в мае 1945 года. В 1971 в звании полковника демобилизовался из рядов Советской Армии.

Вёл поисковую и исследовательскую работу, посвященную судьбе советских пленных. Кроме очерков в периодической печати (газеты, журналы), написал и издал три документальные повести о самых тяжких годах войны 1941–1942 гг.: «Война в судьбах людских» (2004), «Право на бессмертие» (1985) и «Судьба генерала» (1990). Последние две работы стали документальным основанием для посмертного присвоения звания Героя Советского Союза генерал-майору авиации Г.И. Тхору, замученному в гитлеровских лагерях.

Активно работал в областном совете ветеранов, вел воспитательно-патриотическую работу. Почетный гражданин Шевченковщины (Харьковская область, 2004).

Катаева Римма родилась в Харькове в 1935 г. Окончила Харьковский мединститут. Работала в Полтаве участковым врачом, затем районным эндокринологом.

По возвращении в Харьков стала членом литературного объединения им. Павла Тычины. Печаталась в разных коллективных сборниках и литературных журналах. Первая книга вышла в 1983 г. Член НСПУ с 1992 г. Лауреат литературной премии НСПУ им. Н.Ушакова.

Живёт в Харькове.

Куняев Станислав Юрьевич родился в 1932 году в Калуге. Окончил филологический факультет МГУ.

Автор многих сборников стихов, трёхтомника мемуаров «Поэзия. Судьба. Россия», сборников критики и публицистики «Огонь, мерцающий в сосуде», «Времена и легенды», «Возвращенцы» и др. С 1989 года – главный редактор журнала «Наш современник».

Член Союза писателей СССР (1961). Член правления и секретарь СП России (с 1994).

Награжден орденами Дружбы народов, «Знак Почета». Лауреат

Биографические справки

Государственной премии РСФСР (1987), премий: им. С.Есенина (1996), «России верные сыны» (2000), Большая российская литературная премия (2000), премия им. Д.Кедрина «Зодчий» (2001).

Живёт в Москве.

Левин Роман Александрович родился 30 июля 1930 г. в Лубнах (Полтавская обл.) в семье военного. Десятилетним мальчиком встретил войну в г. Бресте, где фашистами были расстреляны его родные. Сам трижды бежал из под расстрела и чудом уцелел.

Учился в Суворовском училище. Работал на заводах Одессы, Харькова.

Писать и печататься начал в конце сороковых. Окончил Литературный институт им. М.Горького (1964). Член СП СССР (1962). Автор более 30 книг стихов и прозы, вышедших в Харькове, Киеве, Москве.

Живёт в Харькове.

Мануйлов Виктор Васильевич родился в 1935 году в Ленинграде. Закончил редакционно-издательский факультет Московского полиграфического института. Печатался в журналах «Молодая гвардия», «Воин России», «Юность», «Подъем» и др.

Живёт в Москве.

Мельницкая Инна Владимировна (Гаврильченко, урожденная Оскнер) родилась 18 июня 1925 г. в Харькове в семье педагогов. Окончила Харьковский институт иностранных языков (1949) и аспирантуру при нем (1952). Была воспитательницей в детских яслях в Татарии (1943-45), преподавала в Харьковском культпросветтехникуме (1949-50), в Харьковском институте иностр. языков (1959-60), в Харьковском ун-те (1960-82).

Первая книга вышла в 1988 г. Печаталась в журналах и альманахах. Переводит прозу с англ. яз. (А. Конан-Дойль, Р. Макдональд, П. Хэйган и др.), а также свои произведения на укр. язык.

Член НСПУ (1997), СП России (2007).

Живёт в Харькове.

Мирошниченко Анатолий Михайлович родился 18 февраля 1939 года в Макеевке Донецкой области. Окончил Metallургический факультет Донецкого политехнического института (1962). Работал на заводах, в НИИ и КБ в Макеевке, Краматорске, Донецке, Харькове. С 1971 года его жизнь, трудовые и творческие достижения связаны с Харьковом.

Автор двенадцати художественных книг, переводов и эссе, вышедших в издательствах Харькова и Москвы. Публиковался в «Антологии современной русской поэзии Украины» (1998), в Пушкинском альбоме «...не зарастёт народная тропа...» (1999), в коллективных литературных сборниках и альманахах, журналах.

Плодотворно сотрудничает с актёрами, профессиональными композиторами и бардами.

Член Союза писателей России (1996), Национального союза писателей Украины (2004).

Лауреат международной литературной премии «Слобожанщина» (2006). Живёт в Харькове.

Омельченко Василий Михайлович родился в Украине в 1931 году. Детство, юность и молодость прошли в Сибири. Был солдатом частей «Осназ», работал грузчиком, радистом, гидрологом, журналистом.

Автор трёх десятков книг. Член Союза писателей СССР (1966). Романы, повести, рассказы В.Омельченко издавались большими тиражами, переводились на иностранные языки. Наиболее известные книги: «Крылья обретают в небе», «Ради этого дня», «Моя голубая трасса», «Ещё есть время», «Серёжа и Василиса Прекрасная», «Украинский пейзаж», «Последние свидетели войны», «Семь дней счастья».

Дважды лауреат конкурса «Мастер» еженедельника «2000» и Национального Союза журналистов Украины.

Романовский Александр Георгиевич родился 26 января 1953 г. в с. Занадворовка в Приморском крае на Дальнем Востоке в семье офицера.

С 2002 г. – почетный член Харьковской областной организации Национального союза писателей Украины.

Член Союза писателей России (2003).

Председатель Харьковского отделения СП России (с 2006).

На XIII съезде СП России 2009 г. избран секретарем Союза писателей России.

Награжден орденом «Почётный Крест Украинской Православной Церкви» (2003).

Лауреат международной литературной премии «Слобожанщина» (2006).

В 2009 г. за достижения в области поэзии, а так же за верность и стойкость в служении единству православных славянских народов ему присуждена премия «Имперская культура».

Автор 11 поэтических сборников, изданных в Украине, России и Польше.

Живёт в Харькове.

Силаев Борис Дмитриевич (1929 – 2005 гг.) родился в Воронежской области. Закончил Харьковский строительный техникум, учился на Высших сценарных курсах в Москве. Прозаик. Автор многих книг: романов, повестей, рассказов. По его книгам и сценариям были сняты несколько художественных фильмов. Много лет возглавлял Харьковскую организацию Союза писателей Украины. Имел награды – ордена и медали Советского Союза.

Чугай Василий Романович (1924-2005 гг.) родился в селе Печенеги Чугуевского района. В 1927 году вся семья переехала в город Чугуев Харьковской области, где поэт и прожил всю свою жизнь. В 1941 году окончил 9 классов школы, с первых дней войны находился в трудовом ополчении: рыл окопы, участвовал в ночных комсомольских дежурствах, патрулировании города. С 1943 года – на фронте. Воевал в 3-й Гвардейской Танковой Армии, принимал участие в боях за Харьков, Орёл, в битве на Курской дуге, освобождал Киев, Прагу, брал Берлин. Награждён многими боевыми орденами и медалями.

После войны работал и учился, закончил два ВУЗа, преподавал в школе химию и биологию.

Еще до войны, школьником, Василий Чугай занимался в литературном кружке. Любовь к поэзии пронёс через всю жизнь. Военная тема была одной из самых любимых и пронзительных в его творчестве. Автор двух книг стихов: «Солдатская лира» и «Глубокий след».

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Александр Романовский ...	3
---------------------------	---

ПРОЗА

Виктор МАНУЙЛОВ. Выжить и победить	8
Борис СИЛАЕВ. Оружие победы. Главы из книги третьей «Маршал Жуков и его победоносный жезл»	66
Инна МЕЛЬНИЦКАЯ. В ночь на 9 мая	131

ДОКУМЕНТАЛИСТИКА

Василий ОМЕЛЬЧЕНКО. Цветок разрывной пули	159
Ирина ГЛЕБОВА. Письмо в будущее	166
Александр ДУДКО. Заложники своего родства	170
Анатолий ДОЛГАРЕВ. Воспоминания аппаратчика	230

ПОЭЗИЯ

Римма КАТАЕВА. Мой Харьков	6
Станислав КУНЯЕВ. «... И Жукова маршальский жезл»	39
Василий ЧУГАЙ. Исполню свой долг, как солдат	45
Владимир МОЛЧАНОВ. Поле русской славы	116
Василий ВОРГУЛЬ. Отцовский суд	135
Владимир ГЛЕБОВ. Под мостом перекурить...	146
Анатолий МИРОШНИЧЕНКО. Взлётная полоса	148

АВТОРЫ ЖУРНАЛА

Биографические справки	244
------------------------	-----

Литературно-художественный журнал

СЛАВЯНИН

Том 2

Гл. редактор Л.И. Мачулин

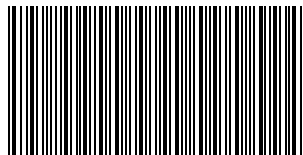
Корректор *А.Н. Балабанова*
Художественный редактор *В.В. Вербицкий*
Вёрстка *А.И. Забродин*

Подписано к печати 20.02.2010. Формат 70x108 1/16. Бумага офсет.
Печать офсет. Гарнитура PragmaticaCondCTT. Усл. печ. л. 27,30. Уч.-
изд. л. 27,70. Изд. №1. Зак. №____. Тир. 500 экз.

Учредитель: ООО «Институт Восточно-славянской цивилизации».
61012, Харьков, ул. Полтавский шлях, 9, кв.1, 1А.

Адрес редакции для писем:
а/я 9127, Харьков, 61057, Украина.
Тел./факс (057) 705-27-56
e-mail: editor01@list.ru

Издатель: Мачулин Л.И.
61057, г. Харьков-57, ул. Рымарская, 17, оф.14.
Свидетельство о госрегистрации: серия ХК №125 от 24.11.2004 г.
ISBN 966-8768-48-4

966-8768-48-4

Отпечатано в ЧИПП «Слово»
61124, г. Харьков, ул. Лермонтовская, 27